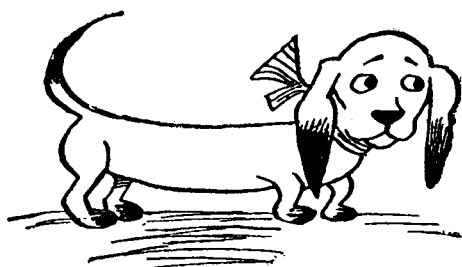

М А Р И Я К Р Ю Г Е Р

Ухо, дыня, сто двадцать пять!

Повесть-сказка

ХУДОЖНИК
ЗБИГНЕВ ЛЕНГРЕН

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

K84
И(пол.)2

MARIA KRUGER
Nasza Księgarnia Warszawa 1964
Ilustrował Zbigniew Lengren
Ucho, dynia, Sto dwadzieścia pięć!

Перевод с польского
Д. ШУРЫГИНА

Мария Крюгер

K84 Ухо, дыня, сто двадцать пять! Повесть-сказка. Пер. с польск. Д. Шурыгина. Рис. З. Ленгрена. Л., «Дет. лит.», 1978. — 160 с., ил.

Остросюжетная повесть-сказка о современных польских школьниках, которые спасли своего одноклассника, драчливого и хитрого Яцека, от большой беды.

К 70802—150
101(03)—78 369—78

© Издательство «Детская литература» 1978 г.
Перевод.

1. МЕСТО ДЕЙСТВИЯ И ОБО ВСЁМ ПОНЕМНОГУ

Наверно, лучше всего начать повествование с описания места действия, а именно с того, где находилась школа номер семнадцать. Итак, школа номер семнадцать стояла на углу двух улиц: улицы Хорошего Воспитания и улицы Одних Пятёрок. Школьное здание было не очень высоким, зато длинным. Во дворе раскинулся школьный стадион. А окна большинства классов выходили на улицу. Это было не очень хорошо, как утверждали учителя, так как во время урока кто-нибудь непременно глазел в окно вместо того, чтобы слушать. Но тут уж ничего не поделаешь.

Одним из таких классов, окна которого выходили на улицу, был класс пятый «В», на втором этаже. Надо признать — вид оттуда был чудесный. Можно было отлично наблюдать за всем, что происходило на обеих улицах, а именно, на улице Хорошего Воспитания и улице Одних Пятёрок. Происходили же там события необычайно интересные и, даже можно смело сказать, диковинные. К таким диковинкам относился, например, Продавец Шаров и его жёлтый пёс. Но о них речь пойдёт позже.

А сейчас надо сказать ещё кое-что о пятом «В». Класс этот был большой и светлый. Парты стояли тремя рядами. В среднем ряду сидели девочки, а в двух крайних — мальчики. Что касается поведения учеников, придётся с грустью признать: учителя были о нём не очень-то высокого мнения. Что нет — то нет! И для этого, к сожалению, были свои причины.

Воспитатель пятого «В», пан Ковальский, печально качая головой, говорил даже, что, по мнению всех учителей, это худший класс в школе. Но поскольку, как потом выяснилось, это же самое, слово в слово, говорила о своём классе воспитательница пятого «А», пани Маковская, то, возможно, в таком утверждении было некоторое преувеличение. Во всяком случае, пятый «В» не был образцовым классом. Это наверняка.

В том, что о классе сложилось плохое мнение, были виноваты некоторые ученики. Ну, хотя бы Космаля... Но о нём позже. А сейчас вернёмся к тому, что было внутри класса. Как уже сказано, в среднем ряду сидели девочки. Стоит добавить, что на второй парте этого ряда сидела Юлька со своей подружкой Магдой. Магда в нашем рассказе не играет никакой роли, зато Юлька, как потом окажется, будет серьёзно замешана во всей истории, о которой пойдёт речь.

Говоря о мальчиках, надо прежде всего сказать о тех, которые сидели в ряду у самых окон. Там, на второй парте, напротив Юльки, сидел Петрек со своим другом Войтеком, а через две парты за ними торчал толстый Мачюпа. Правда, его звали совсем иначе, но все привыкли называть его Мачюпа, так было проще запомнить.

В противоположном ряду, у стены, на последней парте сидели Яцек Космалиа и Вальдек, а перед ними — два их приятеля: Фредек и Манек. Остальные пятиклассники делились на два лагеря: сторонников Яцека Космалиа — вождя Команды Силачей — и сторонников Петрека — вождя Команды Героев.

Если уж зашла речь о вождях, то можно добавить, что Космалиа жил в новом доме на улице Липовой, а Петрек — на улице Еловой.

* * *

Так выглядел план улиц в этом районе, где находилась школа номер семнадцать. Если бы кто-

нибудь захотел, то даже смог бы нарисовать этот план. И мог бы ещё нарисовать те двенадцать деревьев, которые росли перед школой.

Итак, мы рассказали уже довольно много о месте, где началась эта не совсем обычная история.

2. ТЕПЕРЬ О ПРОДАВЦЕ ШАРОВ

Теперь надо рассказать о Продавце Шаров, который иногда проходил мимо школы. Это был человек удивительный и таинственный. А самое удивительное было то, что до сих пор никто не видел его в действительности. В действительности — значит совсем близко. Были такие, которые видели его на углу перед школой с длинной палкой в руках, к которой было привязано множество больших и красивых воздушных шаров, — но видели только из окна класса. Некоторые сумели заметить на нём немного смешную, похожую на котелок, старомодную шляпу, а другие совершенно точно углядели, что в холодные дни он обматывал шею красным шарфом. Шарф, если день был ветреный, развевался, как флаг на мачте.

Только это и было известно на основе наблюдений из окон класса, это, и ничего больше, потому что никому ещё не удавалось встретить Продавца Шаров вот так, нос к носу, и поговорить с ним или купить у него шар. Такого никогда ещё не было. Ни после уроков, ни совсем рано, до уроков, Продавец Шаров ни разу не появлялся на улице возле школы. Некоторые ребята пытались даже пойти на хитрость и быстро выскочить на улицу во время перемены. Но и это не помогало. Продавец Шаров сразу же исчезал.

Петрек, тот, о котором речь будет дальше, специально прятался за углом, надеясь подкараулить таинственного Продавца Шаров. Куда там! Ему это ещё ни разу не удалось. И всё-таки Петрек не терял

надежды и на всякий случай всегда носил с собой немного денег на покупку шара. А поскольку в пятом, шестом и, тем более, седьмом классе человек уже не должен интересоваться шарами, то надо пояснить, что шары, которые носил с собой Продавец Шаров, были уж очень необычные. Во-первых, большие, а во-вторых, — удивительных цветов. Казалось, будто они внутри наполнены светом. В пасмурные осенние дни они были похожи на горящие разноцветные фонари.

Учитывая все эти необычайности, становится понятным, почему встреча с Продавцом Шаров стала делом чести не только для учеников пятого «В», но и шестого, и седьмого классов. Некоторые даже бились об заклад, что в конце концов сумеют встретиться с этим таинственным человеком. В заклад шли самые красивые ножички, велосипедные камеры, авторучки, а один пятиклассник рискнул поспорить на ракетку для бадминтона. Правда, она была не совсем целая — четыре струны были порваны, — но ракетка есть ракетка.

Всё напрасно, Продавец Шаров оставался неуловим. Зато довольно часто можно было видеть возле школы небольшого жёлтого пёсика, таксу.

3. А ТЕПЕРЬ О ВЫЗЫВАЛКЕ

Итак, разговор теперь пойдёт о вызывалке. Появилась она в школе неизвестно откуда.

Конечно, я имею в виду знаменитую по всей школе вызывалку, которую опять-таки неизвестно кто назвал: «Ухо, дыня, сто двадцать пять». Во всяком случае, началось с того, что в один прекрасный день во время большой перемены кто-то в коридоре крикнул: «Ухо!» — и тогда один из мальчишек, как будто из четвёртого «Б», схватился за ухо. Некоторые считали, что вызывалка пришла в школу номер семнадцать из школы номер тридцать два, что на улице

Весёлой, другие же говорили, будто это неправда. В общем, неважно, откуда она взялась, главное — она охватила всю школу номер семнадцать целиком. Охватила так стремительно, что уже на другой день после того, как мальчишка из четвёртого «Б» на окрик «ухо» схватил себя за левое ухо, вся школа за исключением учителей играла в неё яростно и неудержимо. Конечно, надо ещё пояснить, что вызывалка не ограничивалась словом «ухо»; вызывающий мог, например, крикнуть «дыня», и это, неизвестно почему, означало, что вызванный должен схватиться за нос, а если вызывающий добавлял ещё какое-нибудь число, ну, например, «десять», то это значило: вызванный должен тут же подскочить на одной ножке десять раз. Чтобы защититься от вызывалки, надо было держать поднятый вверх палец: это означало «чурики». Дошло до того, что многие, особенно девочки, всё время держали палец вверх, и это ужасно нервировало учительниц, не говоря уж о пани директоре школы. Но что было делать бедным девочкам, если на каждой перемене их подстерегала опасная вызывалка.

Когда эта игра только ещё появилась в школе, то и директор, и учителя не сомневались, что мода на неё скоро пройдёт и лучше всего просто не обращать внимания на странные фигуры, которые держатся за ухо, за нос или прыгают на одной ноге. В конце концов, это никому не вредило, только иногда выглядело глупо.

Пани Маковская, учительница географии, сказала даже: может, это и к лучшему — такая вызывалка, по крайней мере, вызванные не бегают по коридору как сумасшедшие и не кричат так пронзительно, что пухнут уши.

Да, да, она так и сказала, но довольно быстро изменила мнение и присоединилась к тем учителям, которые заявили, что вызывалка доведёт их до белой горячки. Руководство школы стало даже подумывать, не издать ли какой-нибудь приказ, запрещаю-

щий эту игру. Но в конце концов победило мнение пана Ковальского, воспитателя пятого «В».

— Запрещать вызывалку не стоит. Увидите, скоро она им сама надоест, — так сказал он на педагогическом совете.

Однако предсказание пана Ковальского почему-то всё никак не исполнялось. Вызывалка всё ещё была модной, все в неё играли, у неё было много горячих сторонников. А самым большим сторонником был Космаля. Тот самый, из пятого «В». Стоило ему выскочить на перемене в коридор, как он тут же начинал искать жертву. Правда, все были настороже, но иногда попадались. Пани Маковская предполагала даже, что Космаля ночует не дома, а в школе и с раннего утра поджидает в конце коридора проходящих учеников, чтобы сразу же их вызвать. Но пани Маковская ошибалась. Космаля ночевал дома и при этом спал так крепко, что утром его трудно было разбудить. Наверно, поэтому он прибегал в школу в последнюю минуту перед звонком. А может, это происходило и потому, что до восьми ему надо было ещё кое-что сделать. Обычно он прятался на улице Хорошего Воспитания, в углублении стены, за которым был канцелярский магазин, и выскакивал самым неожиданным образом на третьеклассников и четвероклассников, чтобы заставить их прыгать на одной ножке. Потом он умирал со смеху, глядя, как бедняга быстро скакал в сторону школы, чтобы не опоздать. Хорошо, если в этот момент проходил кто-нибудь из учителей и малыш мог перестать прыгать. Расспросы старших не давали никакого результата. Никто не хотел жаловаться на Космалю, а то потом уж он сумел бы отыграться. Поэтому Космаля так себя и вёл.

Кроме того, его любимым занятием было приставать ко всем встречавшимся по пути собакам, особенно к маленькому жёлтому пёсику, который часто бегал возле школы, иногда как-то странно поворачивая голову, словно ждал кого-то.

Долгое время было неизвестно, чей это пёс, но однажды Петрек сделал ошеломляющее открытие: это пёс Продавца Шаров. Факт не вызывал ни малейших сомнений. Взглянув в окно на уроке математики, Петрек собственными глазами увидел, как возле шедшего со связкой шаров Продавца бегала та самая маленькая жёлтая такса. Открытие Петрека подтвердил потом не кто иной, как сам Мачюпа, первый ученик в классе, особенно по математике и биологии. Юлька тоже рассказала, как однажды, делая вид, что входит в школу, она мгновенно обернулась, чтобы увидеть Продавца Шаров. И ей это почти удалось. Правда, его самого она не увидела, но клялась, будто заметила на углу развевавшийся красный шарф и семенившего следом того самого жёлтого пса.

Так вот, Космалю, неизвестно зачем, приставал к пёсику и швырял в него каштанами, а если не было каштанов, то палками и даже иногда камнями или зло передразнивал собачий лай, а это наверняка раздражало таксу. Все говорили Космале: «Перестань приставать к собачке!» — но разве Космалю кого-нибудь послушает! Он считает, что если ростом он выше всех в классе, то ему всё дозволено. Попробуй поговори с таким.

Вот, пожалуй, и всё, что можно пока сказать о вызывалке, о Космале и о жёлтом пёсике, который иногда бегал возле школы.

4. О ГЕРОЯХ И СИЛАЧАХ

Если говорить правду, то больше всех высматривали этого Продавца Шаров Петрек и Мачюпа. Толстый Мачюпа однажды так увлёкся, что даже не услышал, как учительница вызвала его к доске. За это он схватил замечание в дневник и ужасно расстроился. Ведь он, вообще-то, очень прилежный. Пожалуй, самый прилежный в классе.

А если уж зашёл разговор о Мачюпе, добром, старательном Мачюпе, то следует добавить, что он надежда и опора Команды Героев, вождём и основателем которой является Петрек. Петрек тоже получает замечания за то, что частенько глаза в окно, но при этом учится неплохо и любит читать книжки о героях, об их необычайных приключениях. Он сам хотел бы совершить какой-нибудь геройский поступок, потому и основал свою Команду. К ней, кроме Мачюпы, принадлежит также Войтек и ещё несколько ребят.

Есть у Команды Героев и свои сторонники в классе — то есть те, которые в Команде не числятся, однако, в случае чего, становятся на её сторону и поддерживают во всём. Принадлежит к Команде и Юлька, но тайно, а то другие девочки стали бы приставать — зачем водится с ребятами.

Конечно, Команда Силачей, где верховодит Космалю, тоже имеет своих сторонников, и даже очень немало. Это те ребята, которым всегда хочется подраться. Даже без повода, лишь бы пустить в ход кулаки. Они за Космалю. Среди них, естественно, закадычные дружки Космали: Вальдек, Фредек и Манек — члены штаба Команды Силачей.

Обе команды ведут непрестанную войну, так как Силачи пристают к Героям на каждом шагу. Честно говоря, Силачи обычно одолевают. Оно и понятно: ведь это самые рослые ребята в классе, некоторые из них второгодники и очень сильные. А Герои слабее — хотя бы потому, что они младше и не любят драк. Не любят, и всё.

Столкновения между Командами бывают разные. Иногда мелкие стычки, а порой и целые сражения — например, бумажными пулями. Но по-настоящему военные действия развернулись, когда в пятом «В» утвердилось модное на вызывалку. Тут уже стало не до шуток.

Вот теперь самое время рассказать о том, что было дальше.

5. БЫЛ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

День начался совсем обычно. С самого утра над городом повис осенний туман, да такой густой, что в двух шагах ничего не было видно. Петрек, который немного проспал и потому едва успел проглотить завтрак, бежал в школу, на ходу натягивая куртку.

Он всё время поглядывал, не приближается ли со стороны трамвайной остановки Войтек, но Войтека не было. Только маленький Закшевский из третьего «А» бежал вприпрыжку, боясь опоздать.

Вдруг кто-то стукнул Петрека кулаком по спине. Он резко обернулся. Это был Мачюпа.

— Историю выучил? — спросил Мачюпа.

Петрек пожал плечами:

— Выучил, конечно, выучил.

— Боюсь, меня сегодня спросят, — Мачюпа вздохнул. Уж такой он был чудак: учился хорошо, но отвечать не любил. — А сколько ты получил за контрольную? — снова спросил он, но ответить Петрек не успел, так как тут подбежал, задыхаясь, Войтек и, с трудом глотая воздух, сообщил:

— Я шёл за Дзюбаком и Кашиньским, слышал, как они болтали между собой, будто Космаля готовит на нас нападение.

Петрек нахмурил брови:

— Я это предвидел. Поговорим позже, — добавил он спокойно.

— Позже так позже, — пробормотал Войтек, и все трое быстро побежали в раздевалку, так как школьные часы показывали, что до восьми часов осталось всего пять минут.

— Вешай с краю, — шёпотом посоветовал Петрек. Войтек глянул вопросительно.

— Может, нам придётся выскочить из школы раньше других. Думаю, с Космалей надо сразиться. Пусть не задаётся. Будь готов и предупреди наших. Назначаю тебя своим заместителем.

— Есть! — Шёпот Войтека был сдержан, как и

подобает воину, но всё же в нём проскользнула радостная нотка.

Они влетели в класс перед самым звонком. Классный воспитатель, пан Ковальский, проверял присутствующих всегда немного позже, так как сначала разговаривал с теми, у кого были оправдательные записки по поводу вчерашнего отсутствия в школе, и с теми, кто не приготовил уроков. А они, особенно девочки, рассказывали о своих делах так пространно и подробно, что у Петрека и Войтека было достаточно времени разобраться в обстановке. Космали ещё не было, зато с улицы донёсся жалобный собачий вой.

— Это Космаля ударил жёлтого пса! — пробормотал Петрек и быстро выглянул в окно. На углу в беловатой мгле мелькнуло что-то жёлтое.

— Я же говорил: он обидел собаку! Наверно, бросил в неё камнем! Бедный пёсик! — Петрек был возмущён.

Тем временем пан Ковальский закончил проверять список, а в класс проскользнул нагло улыбающийся Космаля. Начался урок математики. Юлька решала у доски задачку и немного путалась, Войтек и Петрек уже решили задачку в своих тетрадах, сидели спокойно и коротали время, выглядывая в окно. Вдруг Петрек ткнул Войтека локтем и показал глазами на угол улицы. В октябрьском тумане отчётливо вырисовывалась фигура мужчины, обеими руками державшего палку с привязанными к ней воздушными шарами. Осенний ветер развеивал концы красного шарфа, которым была обмотана шея продавца. Жёлтый пёсик стоял рядом.

Ах, если бы можно было сейчас же неожиданно выскочить на улицу. Кто знает, вдруг удалось бы захватить Продавца Шаров и купить у него один из этих чудесных шариков. Петрек стал мысленно пересчитывать деньги, которые были у него с собой, и тут услышал свою фамилию, произнесённую паном Ковальским.

Петрек вскочил. Вот так попался! Он понятия не имел, о чём шла речь, и двойка за невнимание или по крайней мере замечание в дневник грозно нависли над его головой. Он растерянно глянул на Войтека, но Войтек, видно, тоже зазевался, так как сидел с глупой миной, бессмысленно уставясь на доску. К счастью, на доске было кое-что написано, а Петрек был хорошим математиком и потому с грехом пополам, путаясь и запинаясь, кое-как выбрался из этого неприятного положения.

— Ладно, садись, — проворчал пан Ковальский. — Сумел-таки выкарабкаться. Но не глазами, братец, в окно. Лучше проверь решение в тетради.

Да, легко сказать «не глазами», когда там, на улице, так отчётливо виден Продавец с его светящимися шарами, а жёлтый пёсик так смешно подпрыгивает возле своего хозяина. Но на всякий случай Петрек сделал вид, будто проверяет решение. Правда, ненадолго. Через минуту он снова глазел в окно.

— Осторожно, Коваль на тебя смотрит, — предостерегающе шепнул Войтек. — Вот влепит тебе пару.

Действительно, пан Ковальский с живым интересом поглядывал в сторону Петрека. Не оставалось ничего иного, как быстро склониться над тетрадкой.

— На завтра сделаете два следующих примера из задачника, — сказал в завершение урока пан Ковальский, и тут же в коридоре зазвенел звонок.

Петрек ещё раз взглянул в окно, но Продавца Шаров уже не было.

— Жаль, — сказал он на перемене Войтеку. — Если бы я тогда сразу же выскочил, то наверняка встретил бы его. Представляешь, я бы вернулся в класс с шаром!

Тут к ним подбежал встревоженный Мачюпа.

— Знаете, ребята, Космалья что-то замышляет.

— Подумаешь! Справимся! — решительно ответил Петрек. — Надо только узнать, каким образом они собираются нас атаковать. Войтек, ты должен это выведать у Вальдека. Он ведь твой сосед.

— Постараюсь, — пробормотал Войтек без всякого энтузиазма. Он не любил Вальдека, тот был немногим лучше Космали.

— Ещё посмотрим, кто кого. — Петрек сунул руки в карманы, изображая железное спокойствие, так как в этот момент мимо проходил Космаля.

6. ПРОДОЛЖЕНИЕ ОБЫЧНОГО ДНЯ

Перед географией была большая перемена, на которой обычно ребята съедали свой завтрак. Войтек был в этот день дежурным и потому остался в классе. Он открыл все окна, потом вынул из портфеля старательно завернутый хлеб с любимым тминным сыром и совсем уже собрался приступить к основательному завтраку, как в класс вошёл Космаля в сопровождении своего адъютанта Вальдека.

— Приятного аппетита! — сказал Вальдек, странно усмехаясь. — Приятного аппетита!

Войтек не был уверен, должен ли он отнестись к этим словам серьёзно или сделать вид, будто не слышит. К тому же он хотел заметить Космале, что во время перемены в классе разрешается находиться только дежурному, но тут Космаля совершенно неожиданно крикнул:

— Дыня!

Войтек окаменел. Вызов был совершенно уничтожающий для человека, который собрался есть. Слово «дыня», как известно, означало, что надо схватиться за нос. А можно ли, держась за нос, спокойно и со вкусом есть завтрак? Можно ли, держась за нос, что, как известно, затрудняет дыхание, одновременно проглатывать куски хлеба? А ведь по правилам вызывалки за нос надо держаться крепко, почестному. Вдобавок не было никакой надежды, что в ближайшее время в класс войдёт пан Ковальский и вызволит его из этой переделки.

Итак, Войтек попал в очень трудное положение.

Одной рукой он сжимал свой нос, а в другой держал кусок хлеба с маслом и тминным сыром. Космалю же стоял посреди класса и, уперев руки в боки, разглаговльствовал:

— Стоишь? Ну, стой, стой. А почему ты не ешь свой завтрак? Уж такие вы с Петреком важные. Вот

увидите, что мы с вами сделаем. Убедитесь, братцы, что с Космалей шутки плохи.

Нет, подобных издевательств даже Войтек, всегда такой спокойный, не смог вынести. Держась левой рукой за нос, он с сожалением взглянул на бутерброд, но, решив, что честь дороже, размахнулся и изо всей силы швырнул им в Космалю. Правила вызывалки этого не запрещали.

Кусок хлеба, густо намазанный маслом, прочертил в воздухе великолепную дугу и вместо того, что-

бы оказаться на голове Космали, пролетел над головой неожиданно вошедшего в класс пана Ковальского и звонко шмякнулся о стену, прилепившись к ней масляной стороной. Ничего худшего нельзя было придумать!

Войтек, всё ещё держась за нос, стоял возле своей парты, как изваяние. Он мечтал сейчас только о том, чтобы исчезнуть с лица земли. Ах, если бы пол мог разверзнуться и поглотить его! Но поскольку пол не разверзлся, Войтек стремительно нырнул под парту и, затаив дыхание, стал ждать, что будет дальше.

Между тем пан Ковальский был занят чисткой своего пиджака, поскольку — о ужас! — кусок чудесного тминного сыра отскочил от стены и шлёпнулся на тёмный костюм воспитателя.

— Неплохо вы развлекаетесь, — заметил, как всегда спокойно, пан Ковальский и взглянул на стоявших в проходе между партами Космалю и Вальдека.

— Это не мы, — угрюмо ответили те.

Учитель махнул рукой. Потом добавил грустным голосом:

— После урока дадите мне свои дневники, а сейчас станете у доски, носом к стене, и будете так стоять.

— Это не мы! — ещё раз попробовали оправдаться Вальдек и Космалю. — Это Войтек, правда, это не мы!.. Клянёмся!

Но пан Ковальский снова махнул рукой и не стал ничего слушать, поэтому они умолкли. К тому же он сел за стол и начал просматривать журнал. А это всегда небезопасно.

Между тем Войтек сидел под партой. Правда, он уже не держался за нос, но сердце его стучало молотом. Что будет? Что будет? Как ему теперь Космалю и Вальдек станут мстить за всё случившееся? Одно было ясно: они не простят ему своего стояния у стены. Им не очень-то хотелось объяснять учителю, как всё было на самом деле: пришлось бы упомянуть о

вызывалке, за которую пан Ковальский обычно ставил двойку по поведению. Поэтому они предпочли отмолчаться. Но ему, Войтеку, они этого ни за что не простят. К тому же было ужасно жалко завтрака. Такой чудесный свежий хлеб! Он был ещё горячий, когда мама его резала. Да ещё со свежим маслом и сыром.

— Ах! — Войтек тихонько вздохнул. — Скорей бы звонок.

Наверно, никто ещё никогда так не ждал звонка в пятом «В», как Войтек в эту страшную минуту. Можно было бы незаметно вылезть из-под парты. Хоть бы Петрек пришёл. Где его носит?

Когда наконец прозвенел долгожданный звонок, одним из первых в класс влетел Петрек, очень обеспокоенный отсутствием Войтека в коридоре. Ведь тот должен был выйти из класса, как только покончит с завтраком. Уж не прихватил ли его там Космали? От Космали всего можно ожидать. Он мог избить Войтека, а потом от всего отвертеться. Такой уж он был человек.

Но оказалось, что в классе находился пан Ковальский, Космали и Вальдек стояли с понурым видом у доски, носом к стене, а Войтека не было.

Садясь за парту, Петрек почувствовал, как кто-то схватил его за ногу. В первый момент он подумал, что это дурацкая шутка кого-нибудь из дружков Космали, и собирался хорошенько пнуть его ногой, но тут услышал умоляющий шёпот Войтека:

— Заслони меня так, чтобы я мог вылезть!

Ещё не придя в себя от изумления, Петрек быстро выполнил просьбу друга, и Войтек наконец-то выбрался из-под парты. Он постарался с самым невинным видом усесться на своё место, к счастью, пан Ковальский направился к двери и не смотрел в их сторону.

— Что случилось? — шёпотом спросил Петрек, но тут же умолк, так как в класс вошла, разминувшись в дверях с паном Ковальским, учительница гео-

графии, пани Маковская, которая терпеть не могла перешёптываний во время урока. Петрек только слегка ткнул Войтека локтем в бок, надеясь получить какие-то объяснения.

«Стычка с Космалей, — написал тот на промокашке. — Он меня вызвал, а потом получился скандал!»

— Ясно! — пробормотал Петрек сквозь стиснутые зубы и сразу понял: теперь сражения не избежать. «Разделаемся с Космалей», — ответил он на промокашке и подsunул Войтеку, надеясь подбодрить его, так как было видно, что Войтек скис.

Тем временем пани Маковская велела Космале и Вальдеку сесть на место и объявила, что будет самостоятельная работа. К счастью, тема оказалась нетрудной, и Петрек бодро принялся за работу. Он написал уже полстраницы, когда совершенно случайно, задумавшись, взглянул в окно. Взглянул, и сердце его забилося. Продавец Шаров был снова на своём обычном месте, а концы его красного шарфа развевались на ветру. Жёлтый пёсик весело подпрыгивал и, наверно, лаял, только отсюда, сверху, да ещё при закрытых окнах этого не было слышно. Продавец Шаров, как обычно, стоял боком, поэтому лица его разглядеть было невозможно, и вдруг, совершенно неожиданно, он повернулся. К сожалению, из-за тумана лицо всё равно было видно плохо, но Петрек мог поклясться: Продавец Шаров смотрит на него. Именно на него. Это было так необычно, что Петрек забыл о географии, забыл о том, что пани Маковская очень строга и не любит, когда ученики вертятся на уроке. Он вытянул шею, не отрывая взгляда от окна. И тут Продавец Шаров совершенно явственно поднял руку и дружески помахал Петреку. Да, да, именно Петреку и никому иному.

Это было просто невероятно!

Петрек в крайнем возбуждении схватил Войтека за руку.

— Он смотрит на меня!

— Кто смотрит? — забеспокоился Войтек, поставив при этом огромную кляксу в тетради.

К сожалению, ответа он не услышал, так как пани Маковская сочла нужным заинтересоваться тем, что происходит на второй парте у окна.

— Войтек, ты уже написал?

— Ннне-ет, то есть не совсем, — пробормотал Войтек, пытаясь высушить кляксу промокашкой и бросая на Петрека укоризненные взгляды. Но Петрек продолжал смотреть в окно.

— Петрек! — воскликнула пани Маковская. — Почему ты не пишешь?

Продавец Шаров стоял с поднятой головой и продолжал дружески махать рукой, а шары казались ещё больше и ярче, чем обычно.

— Так почему же ты не пишешь? Через десять минут будет звонок! — Пани Маковская приближалась к ребятам.

— Может, у него болит голова, — предположила Юлька из среднего ряда.

Пани Маковская быстро обернулась к ней.

— Ты что, Юля, адвокат? Петрек, наверно, и сам может сказать.

— Нет, я ничего; только он жаловался на перемене, — пробормотала Юлька, покраснев до ушей.

Весь класс разразился смехом.

— Тихо! — крикнула пани Маковская.

Юлька склонилась над тетрадкой и стала быстро-быстро писать. Немножко нехорошо получилось с этой защитой, но ведь она хотела как лучше. Теперь девчонки будут дразнить, что она выгораживает мальчика, им невдомёк: если она принадлежит к Команде Героев, то должна защищать вождя. У Юльки были свои понятия о чести.

Между тем пани Маковская снова обернулась к Петреку, который всё ещё смотрел в окно.

— Что с тобой, Петрек? Плохо себя чувствуешь?

— Он махнул мне рукой, — прошептал Петрек, пытаясь поделиться с учительницей поразительной

новостью. Но пани Маковская смотрела на него с величайшим удивлением, явно ничего не понимая.

— Кто махнул тебе рукой?

И, повернувшись к классу, повторила строго:

— Кто махнул рукой? Кто машет на уроке? Признавайтесь немедленно! Что за поведение?

— Это не в классе! — пробормотал Петрек. — Это...

Он хотел сказать, что это Продавец Шаров, но быстро опомнился. Нет, такие вещи нельзя говорить при всём классе, тем более при Космале и его друзьях. К счастью, Космалю не понял, что речь шла о Продавце Шаров, и, желая скомпрометировать Петреку, пропищал тонким голосом:

— Ябеда!

Пани Маковская не расслышала этого и только сказала Петреку:

— Что с тобой сегодня происходит? Сиди спокойно, Петрек.

— Я из-за него не могу сосредоточиться, — заявил, воспользовавшись случаем, Космалю. — Он мне мешает! Я тут наделал ошибок.

— Спокойно, спокойно! — Пани Маковская подняла руку. — Если ты, Космалю, такой чувствительный, то научись сначала сам сидеть как полагается. — И добавила: — Ну, ребята, кто кончил, сдавайте тетради. Остальное соберут Петрек и Юля.

Как-то так получилось, что звонок зазвенел именно в тот момент, когда Петрек записывал последние слова. Он ещё раз взглянул на улицу, но Продавца Шаров уже не было. «Может, будет завтра», — утешил себя Петрек и быстро встал, чтобы собрать тетради. Протянул руку за тетрадкой Войтека, но тот всё ещё пробовал стереть чёрную жирную кляксу.

— Войтек, — шепнул Петрек, — давай. Учительница велела собрать.

— Ну и что, что велела! — зло проворчал Войтек. — Видишь же, что случилось. Ещё вlepит мне пару за эту кляксу.

— Петрек! — раздался голос пани Маковской (поскольку у Петрека была пятёрка по географии, учительница считала его достойным доверия и поручала ему все дела, связанные с уроками в их классе). — Петрек, — повторила она, — когда соберёте тетради, отнесите их вместе с картой в учительскую. Юля тебе поможет. — (У Юльки была пятёрка с мисусом, и потому она тоже заслуживала доверия).

— Хорошо, — быстро ответил Петрек и шепнул Войтеку: — Слушай, я бегу с картой, а Юлька будет собирать тетради. Ты отдашь последним.

Юлька испугалась.

— Послушай, Петрек, я не могу тебе сегодня помочь, у меня музыка, надо мчаться домой. Я только соберу тетради, а отнеси уж ты сам, ладно?

Космая стоял рядом и с усмешкой прислушивался к их разговору.

— Придётся тебе, Петрек, побегать, — процедил он сквозь зубы. — А то как бы Юлька не заплакала!

Сунув руки в карманы, он окинул обоих недобрым взглядом и вышел из класса.

— Противный мальчишка, — пробормотала Юлька, — каждому готов сделать гадость!

— Не обращай на него внимания! — крикнул Петрек и помчался в учительскую. Он поставил карту в угол и уже бежал по коридору в сторону класса, когда на полдороге встретил Войтека с тетрадами и портфелями.

— Отлично, — обрадовался он, — что ты взял и мой портфель. Быстро отнесём в учительскую тетради, оставим их в шкафу пани Маковской — и сразу домой!

— Хорошо! — согласился Войтек. Он уже утешился и забыл о злополучной кляксе. — Только... знаешь что? Забежим вместе в библиотеку. Мне надо там кое-что взять. Выйдем тем, другим ходом, будет даже быстрее.

Итак, в тот день Петрек вышел из школы другим ходом. Но Космая этого не знал.

7. «УХО! ДЫНЯ! СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ!»

Космаля стоял у главного подъезда школы, спрятавшись за выступом стены, и уже начинал нервничать. Что такое? Все уже вышли из школы, а почему этот Петрек не появляется? Небось возится там со своими книжками и тетрадками. Вот уж будет ему сюрприз! Пусть знает, что Космалю надо уважать. Космаля — это Космаля! Вождь Команды Силачей, которая никого не боится. А если что, может и проучить. Но почему его до сих пор нет? Юлька давно уже выскочила: спешила на музыку, а Петрек должен был выйти следом. Ну, ничего, терпение... Никуда не денется. Когда будет выходить, обязательно пройдёт мимо этого выступа, и всё получится отлично. Будет Петреку сюрприз! Пусть покажет, какой из него вождь Команды Героев.

И Космаля ехидно усмехнулся.

Тут он услышал шаги.

«Ага, топает наконец», — подумал он и стремительно выскочил из-за выступа с громким криком:
— Ухо! Дыня! Сто двадцать пять!

Крикнул и оторопел. Вместо ожидаемого Петрека перед ним стоял довольно крупный мужчина в странной шляпе-котелке и с красным шарфом, обмотанным вокруг шеи. Под мышкой он держал палку, к которой была прицеплена связка разноцветных воздушных шаров.

«Что это за тип? Наверно, тот самый Продавец Шаров! — подумал Космаля. — Вот это да! Ну я и попался!»

— Что ты сказал? — спросил низким, немного хриплым голосом Продавец Шаров.

— Нет, это я сам себе! — пробормотал Космаля.

— Себе? Правда? — Продавец Шаров рассмеялся, как показалось Космале, довольно неприятно.

— Так, значит, ты сказал это сам себе? — продолжал Продавец Шаров. — Странно, очень странно! Значит, ты сам себя вызвал? Так? Очень интересно.

О-очень! — повторил он, растягивая слово. — Ну так что же, не стесняйся! Ведь ты должен выполнить вызов! Думаю, что для вождя Силачей это не так уж трудно. Начинай!

— Как... как... как это — начинать? — заикаясь, пробормотал Космаля. Чувствовал он себя преглупо.

— Если не ошибаюсь, ты крикнул вызов: «Ухо, дыня» — и так далее. Человек чести должен его выполнить даже по отношению к самому себе. Или ты не согласен?

— Я сейчас ужасно спешу, — стал выкручиваться Космаля.

— Ничего. Надеюсь, ты быстренько сделаешь то, что полагается.

— Знаете... мне уже надо идти...

И Яцек Космаля сделал движение, словно собираясь удрать.

— Стой, братец!

Продавец Шаров загородил ему дорогу палкой с шарами. А они вдруг стали расти, множиться, и получилось что-то вроде цветной стены, которая отгородила Космалю и Продавца Шаров от улицы.

— Пустите меня! — захныкал Космаля. — Меня мама ждёт!

— И вовсе не ждёт, ты всегда опаздываешь. Чем скорее выполнишь своё же задание, тем скорее пойдёшь домой. Ты ведь ещё никому не прощал вызова? Дело оборачивалось худо.

— Ну так что? Я должен скакать, как дурачок? — спросил Космаля невежливо, видя, что выкрутиться не удаётся.

Продавец Шаров глянул на него так пронзительно, так грозно, что Космаля понял: придётся послушаться.

— Ну, скачи, братец.

Без всякой охоты Космаля схватился левой рукой за ухо, правой за нос и стал подскакивать на правой ноге. Продавец Шаров стоял рядом и считал подскоки:

— Один, два, три, четыре, пять...

— Больше не могу! — проговорил, запыхавшись, Космаля при тридцатом подскоке.

— Как это — не можешь! Мне показалось, ты называл большее число... Так-то ты выполняешь вызов?

Не оставалось ничего иного, как скакать дальше. Но когда Яцек дошёл до пятидесятого подскока, он остановился, тяжело дыша.

— Что это ты перестал скакать? — сладким голосом спросил Продавец Шаров.

— Я столько и должен был, — зло проворчал Яцек.

— С честностью у тебя плоховато. Я прекрасно слышал, как ты сказал: сто двадцать пять. Это во-первых. А во-вторых, сам знаешь, что вызывал ты не себя — не так уж ты, братец, глуп, — подкарауливал ты кого-то другого. Не выкручивайся. Я даже могу сказать тебе, как этого мальчика зовут. И он, хоть меньше и слабее тебя, должен был скакать сто двадцать пять раз, не так ли? Ты ведь знал, что это слишком трудный вызов. Ну так как? Поскачешь ещё?

— Не-е-ет, не могу! — прохныкал Космаля.

— Гм, не можешь? — сказал Продавец Шаров. — Ну, раз ты не смог выполнить свой вызов, значит, я выиграл и теперь могу вызвать тебя. Внимание.

С этими словами Продавец Шаров вытянул указательный палец левой руки в сторону Космали и сказал твёрдо:

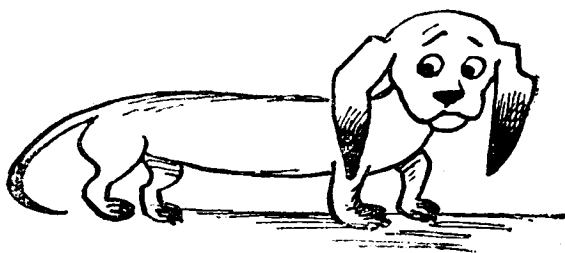
— Ухо!

В тот же момент Яцек Космаля с крайним удивлением почувствовал, что его уши растут, растут, становятся всё длиннее, мягче и покрываются, как он сумел заметить, короткой жёлтой шерстью.

— Что это? — поразился он.

— Ничего особенного, — благодушно заметил Продавец Шаров. — Просто вызывалка, которую ты так любишь. А теперь внимание, продолжаем. Дыня!

Яцек хотел крикнуть, что не хочет, не согласен, но не смог. Его круглое румяное лицо вытянулось в собачью мордочку, ноги, руки укоротились и превратились в кривые собачьи лапки. Всё тело стало длинным и покрылось жёлтой шерстью. Одновременно Яцек обнаружил, что ему очень неудобно стоять вот так, на двух ногах, и опустил на четвереньки.

— Что со мной происходит? — крикнул он удивлённо и испуганно, но вместо крика получилось глупое тьяканье.

Между тем Продавец Шаров, всё ещё держа палец нацеленным на Космалю, засмеялся:

— Я никогда не замечал, чтобы ты особенно переживал за тех, кому досаждал. — И закончил вызывалку: — Сто двадцать пять!

Яцек почувствовал, как его тело ещё больше вытягивается, живот почти касается земли, а нос становится холодным и мокрым.

— Ну, — сказал с удовлетворением Продавец Шаров, — теперь, кажется, всё в порядке. Ты, не подумав, крикнул вызов, которого сам не смог выполнить, и на этот раз проиграл, мой дорогой. Вот если бы ты наткнулся, как и собирался, на своего коллегу, на Петрека, ты бы здорово над ним посмеялся. Ведь ты же самый большой Силач, не так ли? Но я, братец, ещё больший силач. И раз уж ты проиграл, я смог превратить тебя в собачку. Теперь ты похож, как две капли воды, на того жёлтого пёсика, в которого утром, когда шёл в школу, швырнул камнем.

Могу пояснить, что такая собачка называется таксой. Пока трудно сказать, как долго тебе придётся оставаться жёлтой таксой.

И Продавец Шаров ушёл не оглядываясь.

8. ПОПРОСТУ: «ГАВ! ГАВ!»

С минуту Яцек стоял, не зная, как быть дальше. То, что он стал собакой, показалось ему совершенно невозможным, и потому он начал подозревать, что это просто смешной и нелепый сон и надо только проснуться. Он хотел ущипнуть себя за руку, так как считал это лучшим способом заставить себя проснуться, но никак не смог этого сделать с помощью своей короткой и кривой передней лапы с сильными чёрными когтями. Тогда он растерянно огляделся и с удивлением увидел перед своим носом высокую каменную стену. Поначалу он не мог понять, откуда здесь взялась стена, но, подняв повыше голову, сообразил, что это просто одна из ступенек лестницы, ведущей в школу. Оказалось, все остальные предметы тоже стали необычайно высокими по сравнению с его собачьим ростом. Он страшно расстроился и попытался встать на задние лапы, чтобы оказаться хоть немного повыше, но из этого ничего не вышло, и его длинное тело снова опустилось на все четыре лапы.

«Может, это всё-таки ужасный сон и я сейчас проснусь?» — подумал Яцек и вдруг почувствовал голод. Разве может кому-нибудь сниться, что он голоден? Пожалуй, нет.

«Всё равно. Пора на обед», — решил он и, не раздумывая больше, побежал домой.

Находить верную дорогу было нелегко, так как снизу, с высоты собачьих глаз, всё выглядело совершенно иначе. Очень странно было проскальзывать между ногами прохожих, которые казались огромными, а их ботинки угрожали маленькой таксе, как

вражеские танки. Стараясь увернуться от них, он попадал в лужи, основательно измазался и вымок. Босым лапам и голому забрызганному грязью животу было холодно. В какой-то момент чей-то ботинок, очень грязный и стоптанный, явно направился в его сторону и довольно больно ткнул в бок.

«Кто посмел меня ударить?» — возмущённо подумал Космаля, задрав голову, и с удивлением узнал своего одноклассника и дружка Фредека, надежду и опору Команды Силачей. Фредек вразвалочку брёл по улице, засунув руки в карманы.

«Ну, я ему заплачу», — решил Космаля и даже грозно крикнул: «Эй, ты, проваливай!»

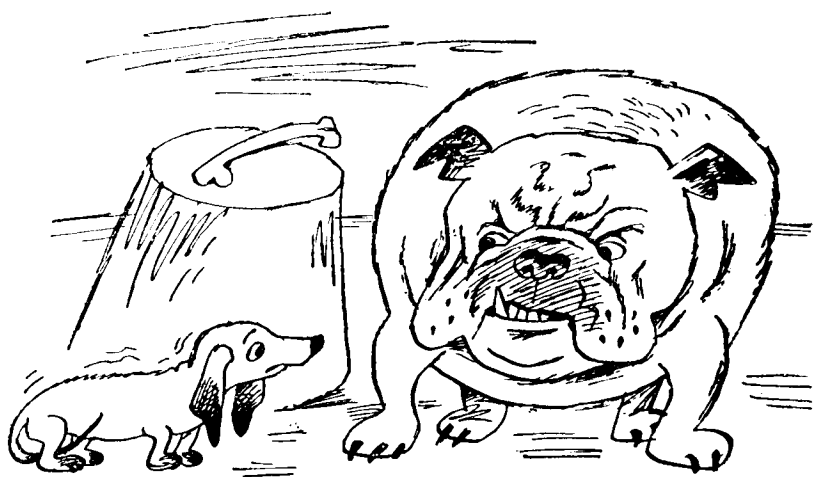
Но вместо задуманного окрика получился обычный лай, который так разозлил Фредека, что он собрался ещё раз пнуть строптивую таксу. К счастью, Яцек сумел увернуться и бросился наутёк. Он бежал вдоль стен, испуганный и перемазанный в грязи, когда до него донёсся какой-то вкусный запах. Ах, что-то пахло так изумительно, так заманчиво! Яцек только теперь по-настоящему почувствовал, как он голоден. Опустив к земле свой чёрный мокрый нос, он бежал в сторону чудесного запаха и скоро добрался до места, откуда он исходил. Это был магазин, где на крюках висели огромные туши, а возле пня для рубки мяса лежали аппетитные обрезки и кости.

— Ну, наконец что-то приятное! — обрадовался пёсик Космаля и вошёл в магазин. Но когда он уже собрался схватить необычайно привлекательную косточку, послышалось грозное рычание. Он поднял голову и задрожал. Сверху на него глядела огромная, клыкастая морда бульдога.

— Спасите! — хотел крикнуть Яцек, но прозвучало это как тихое, жалобное подвывание: — Спасите!

— В-р-р-р! Убирайся отсюда! — грозно повторил бульдог.

«Я очень извиняюсь», — хотел как можно вежливее сказать Космаля, но и на этот раз только жалоб-

но заскулил. Не оставалось ничего иного, как, поджав хвост, удирать что было прыти в кривых коротких лапах. Длинные уши развевались на бегу и скоро тоже стали мокрыми и грязными.

Миновав несколько домов, Яцек Космаля замедлил бег и осторожно оглянулся. Нет, никто за ним не гнался. Можно было отдышаться. Он пошёл медленно, внимательно осматриваясь. Ему казалось, что Парковая улица уже недалеко, но он не был в этом уверен. Таблички были подвешены слишком высоко, и как он ни задирает голову, не мог прочесть названий улиц. Но район казался ему знакомым.

Пробегая мимо фонаря, он вдруг почувствовал странное желание. В первую минуту он даже не понял, что, собственно, ему нужно. У следующего фонаря желание стало сильнее. Яцек пытался совладать с ним, но это было очень трудно, можно сказать, непосильно. И наконец, у восьмого, наверно, фонаря он больше не смог противиться. Осторожно оглядевшись, не смотрит ли на него кто-нибудь, он приблизился к железному столбу и поднял заднюю ножку... Ах! Что за удовольствие!

К счастью, никто этого не видел. Пёсик Космаля

лихо вытер задние ножки о тротуар и побежал дальше. Мир теперь казался ему более приятным. Достать бы ещё что-нибудь поесть.

Вдруг до его чёрного носа донёлся милый, знакомый запах. В первый момент он даже не понял, чей это запах, а когда понял, подпрыгнул от радости и весело протявкали:

— Ой, так ведь это же пахнет дом, мой родной дом!

Опустив нос к земле, он побежал быстро-быстро. Улица, поворот, знакомый тротуар. Здесь совсем недавно проходил его папа. Так могли пахнуть только его ботинки. Смешно, раньше он не умел узнавать вещи по запаху. А ведь всё вокруг так сильно пахнет, и очень легко узнать, кто перед этим проходил по улице.

Вот знакомая парадная. И лестница! Ой, как трудно маленькой собачке на коротких лапах взбираться по лестнице! Космаля здорово запыхался и, высунув язык, остановился перед дверью с большой табличкой. Встав на задние лапы, он для верности прочитал, что в квартире действительно живут З. и С. Космаля.

Дверь была закрыта.

Яцек уселся на коврик и стал размышлять, как попасть внутрь. Хоть бы кто-нибудь догадался и открыл дверь. Но нет, никто не открывал. Он попытался подпрыгнуть, чтобы достать до ручки или до звонка. Ничего не вышло: они были слишком высоко. «Никому и в голову не пришло, что собаке тоже может понадобиться позвонить в квартиру», — огорчённо подумал Космаля. Ему стало так грустно, что он сел и завыл тихо и жалобно.

Потом замолчал и прислушался. Где там! Радио включено на полную громкость, разве услышат, что под дверью кто-то... скажем так... тоскует. Чтобы не сказать — воет.

Подождав с минуту, он снова подал голос, на этот раз погромче.

За дверью слышались шаги. Кто-то вышел в прихожую. Космаля прижался носом к щели и, сильно вдохнув воздух, сразу понял, что это тётя Леокадия. Он хотел крикнуть, чтобы она поскорее открывала, но опять лишь завыл.

Щёлкнул замок, и тётя Леокадия открыла дверь.

— Пошёл прочь! — крикнула она и со злостью захлопнула дверь перед самым его носом. Тётя не любила собак и даже, можно сказать, плохо к ним относилась. Слышно было, как она в прихожей сердито проговорила:

— Сидит на коврике и воет!

Космаля почувствовал себя совершенно беспомощным. Он понимал: надо как-то объяснить тёте, что это вовсе не пёс, а он, Яцек, и к тому же ужасно голодный, но как это сделать? Придётся попробовать ещё раз. И, встав на задние лапы, он крикнул изо всех сил:

— Тётя! Это я!

Но опять вместо слов раздалось только:

— А-у-у-у-у! Гав! Гав! А-у-у-у-у!

— Снова завыл! — слышался из прихожей раздражённый тётин голос. — Вот я его сейчас щёткой!

За дверью что-то зашуршало.

— Куда подевалась щётка? Кто утащил щётку? В этом доме ничего не кладут на место!

Шуршание прекратилось. Дверь резко распахнулась — и на пороге появилась тётя, вооружённая щёткой. Но тут кто-то схватил её сзади за руку и закричал:

— Тётя, пожалуйста, не бей его, тётя! Такой маленький пёсик!

Яцек узнал голос Божены и подумал, что родная сестра тоже может человеку... то есть псу... иногда пригодиться. Божена тем временем выглянула из-за тётки и продолжала:

— Такой маленький, бедняжка. И весь дрожит: наверно, ему холодно.

«Конечно, холодно. Ты, Божена, лучшепусти меня домой», — хотел сказать Яцек и не смог. Но жалобное подвывание, которое раздалось вместо слов, растрогало доброе сердце Боженки. Она погладила Яцека по голове.

— Пёсичек, какой у тебя бархатный лобик! Ну что, пёсик, что? Тётя, как он грустно смотрит!

— Ещё бы не грустно, ведь я ужасно голоден. Ты лучше не причитай и добренькой панночки из себя не корчи, апусти в дом и дай поесть! — проворчал Космаля, уже порядком разозлённый затянувшимся разговором.

Это ворчание снова насторожило тётю.

— Ты не трогай его, Боженка. А то ещё укусит.

Тут Космаля окончательно потерял терпение.

— Конечно, укушу, если долго будете меня тут держать!

Прозвучало это как протяжный тоскливый вой. Боженка совсем расчувствовалась и широко распахнула дверь:

— Заходи пёсик, заходи! Ты хороший. Дам тебе молочка!

Нельзя сказать, чтобы Космаля обожал молоко. Потому и сейчас обещание Божены его не очень обрадовало. Молока! Дали бы чего-нибудь получше. Например, колбасы. При мысли о колбасе Космаля даже облизнулся, достав языком почти до ушей. Но Божена поставила перед ним мисочку с молоком, куда был накрошен хлеб. Этого Космаля просто терпеть не мог. Он поднял голову и сердито взглянул на сестру, сердито и в то же время растеряннo... Раньше, пока ещё не превратился в таксу, он был значительно выше Божены. Ведь ей всего девять лет. А теперь? Теперь она выглядела как великанша. Чтобы на неё взглянуть, он должен был задрать голову. Ноги у неё — как столбы, руки такие длинные по сравнению с короткими кривыми лапами Яцека.

— Пей, пёсик, пей, — уговаривала Божена.

— Вот видишь, видишь, какой он голодный? Да-

же не хочет молока, — приговаривала тётя Леокадия, очень довольная, что оказалась права. Она вообще любила оказываться правой.

— А может, он не любит молока? — предположила Божена.

«Однако Божена молодчина», — с братской нежностью подумал Яцек.

— Тётя, дадим ему овсяного супа, который остался с обеда. Собачкам полезно есть овсянку. Ведь верно?

— Вот ещё! — взвыл Космаля.

Неужели Божена не знает, что он и овсянку не любит? Это его ужасно рассердило. Он потянул носом и почуял восхитительный запах какого-то мяса. А может, печёнки? Тётя всегда чудесно готовила печёнку. Вот бы сейчас съесть! Между тем Божена взяла его за загривок и подтащила к тарелочке с супом, приговаривая:

— Хороший пёсик! Хороший. Ешь супчик, ешь!

Яцек был настолько голоден, что решил приняться за суп и огляделся в поисках ложки. Но как взять ложку собачьей лапой? Он наклонился над тарелкой и лизнул суп языком. Оказалось, что и так есть очень удобно. Суп был совсем неплох, и Яцек немного поел. А Божена всё повторяла:

— Хороший пёсик, красивый пёсик.

— Хватит уже! Далась тебе моя красота! — Яцек взглянул на сестру и хотел добавить, что он об этом думает, но опять ничего не вышло. Божена слышала просто тихое тявканье и поняла это совсем иначе.

— Тётя! Пёсик меня благодарит за еду! Тётя! Он останется у нас навсегда, правда? Он такой милый!

Тётя Леокадия недовольно проворчала, что пса надо будет выводить гулять и наверняка от него будет всякий беспорядок.

— А посмотри, какой он грязный, — добавила она. — Такого грязнулю невозможно держать в доме!

— Я его выкупаю, — предложила Божена.

Видно, эта мысль ей самой очень понравилась, потому что она тут же побежала в ванную — и оттуда донёсся шум воды.

Оставшись в одиночестве, Космалю решил воспользоваться случаем и исчезнуть из кухни. Дверь в комнату была открыта, и он тихонько шмыгнул туда. Поначалу комната показалась ему совсем незнакомой. Вся мебель была такой огромной, высокой. Немного смешно было свободно проходить под столом, под стульями. Мимоходом он глянул в большое зеркало в дверце гардероба. Глянул и остановился. Из зеркала на него смотрел длинный жёлтый пёс, настоящая такса, на коротких кривых лапах, с длинными, почти достающими до пола ушами.

— Это ещё что такое? — возмутился Яцек. Подошёл поближе и коснулся зеркала чёрным, мокрым носом. Жёлтая такса в зеркале сделала то же самое, они встретились носами.

— Так, значит, это я, — тихо проворчал пёс перед зеркалом. — Что за глупая история? Честно говоря, мне уже порядком надоел этот дурацкий сон, хорошо бы проснуться, или пусть мне приснится что-нибудь другое!

Вдруг он почувствовал зуд возле уха. Присел и почесался задней ногой. Отражение в зеркале сделало то же самое. И это убедило Космалю в том, что он действительно стал таксой.

— Но я не хочу быть собакой! — крикнул он в полном отчаянии.

Скрипнула дверь, и раздался смех Божены.

— Ах, тётя, если бы ты знала, какой этот пёсик смешной! Стоит перед зеркалом и рычит. Наверно, он думает, что там, в зеркале, другая собака! Ну пойдем, пёсик, я тебя хорошенько вымою, будешь чистый и красивый.

Предложение вовсе не показалось Космале таким уж приятным. Разве он, в конце концов, не мог бы пойти спать, и всё. У этой Божены вечно какие-то фантазии! Отвратительная девчонка, хоть и род-

ная сестра. Но с купанием ничего у неё не выйдет, нет уж!

И жёлтая такса резко отскочила в сторону.

— Не убегай, пёсик, — уговаривала Божена.

— Проси, проси, — твякнул в ответ Космаля и спрятался под стол. Божена наклонилась, чтобы вытащить его оттуда, а он перебежал под книжный шкафчик. Божена к шкафчику, а он — шмыг! — под журнальный столик. Божена к столику, а он выскочил в кухню. Там хотел схватить лежавшую на столе колбасу, которая пахла лучше всего на свете, но тут в кухню вбежала тётя. Она была очень сердита, и когда Космаля, вскочив на стул, уже схватил колбасу за свисающую верёвочку, тётя так сильно шлёпнула его мокрой тряпкой, что он выпустил верёвочку и жалобно взвыл.

— К тому же ещё и вор! — кричала тётя. — Такого пса нельзя держать в доме!

— Пёсик исправится, тётя, он так больше не будет! — горячо уверяла Божена.

Но тётя и слушать не хотела.

— Выгоню его, выгоню! — кричала она.

«Куда я денусь, если тётя меня выгонит? — подумал не на шутку перепуганный Космаля. — Ведь мне надо где-то ночевать! Что делать? Что делать? Как объяснить тёте, что я не пёс?»

Но было поздно. Разгневанная тётя схватила Яцека за загривок и, открыв дверь, выкинула его на коврик. Дверь с шумом захлопнулась, но за ней слышны были всхлипывания Боженки:

— Тётя, он будет хороший, он исправится!

Как жаль, что тётя не любит собак!

9. Я ХОЧУ ДОМОЙ!

Итак, Космаля сидел на коврике под дверью сердитый и всё ещё голодный. Он уже жалел, что пренебрёг супом и съел его так мало. Ненавидел в эту

минуту тётку Леокадию и признавался себе, что недооценивал Божену: оказывается, она добрая и любит собак. Его трясло от холода и голода. Но куда ему было идти?

Вдруг на лестнице слышались шаги и разговор. Заинтересованный, он глянул вниз. Голоса показались ему знакомыми. Ведь это мама и папа возвращаются домой! Какое счастье! Он сразу успокоился. Теперь всё будет в порядке. Мама с папой ни за что на свете не позволят, чтобы он сидел под дверью, как пёс!

Он вскочил и побежал им навстречу. Сначала бросился к маме. Но мама испугалась и закричала:

— Ах, ах! Что это за пёс! Испачкает мне одежду!

На маме был новый светлый плащ. А когда Яцек опёрся на него передними лапами, на плаще остались чёрные следы грязных собачьих когтей.

Мама всё сокрушалась:

— Ах, плащ совсем испорчен! Придётся отдавать в чистку! Что это за пёс? И откуда он вообще взялся?

Папа был возмущён.

— Дверь внизу открыта, вот он и вошёл. Какой-то совсем чужой пёс! Не огорчайся, Бася, — так сказал папа. — Сейчас его выкину!

С этими словами он наклонился, чтобы схватить Яцека. Испуганный Яцек увернулся, отскочил вбок, потом сбежал ниже по лестнице.

Папа пригрозил:

— погоди, я до тебя ещё доберусь! — и вынул ключ из кармана, чтобы открыть дверь.

Яцек Космаля стоял теперь этажом ниже и с отчаянием слушал такой знакомый скрежет ключа. Дверь в квартиру открылась, родители вошли, закрыли её за собой, а он снова остался на лестнице одинокий и бездомный. Ему стало совсем тоскливо, и он чуть было не завыл, но тут же подумал, что если папа услышит вой, то наверняка выйдет, чтобы прогнать его даже с лестницы.

«Что делать! Что делать?» — думал Яцек.

Но ничего не мог придумать. Наконец, тяжело вздохнув, он тихонько вернулся к двери родной квартиры и, свернувшись калачиком, улёгся на коврик. Снилось ему разное, он даже лаял сквозь сон.

Разбудил его какой-то шум. Он поднял голову, наострил уши и стал прислушиваться. За дверью в глубине квартиры раздавался громкий голос отца:

— Как это его до сих пор нет? Где он болтается вместо того, чтобы обедать? Который час? Вот, пожалуйста! Половина пятого! А уроки кончаются в час! Ну, получит он у меня!

— Ой, ой! — перепугался Яцек.

Теперь за дверью раздался голос мамы. Она была очень встревожена:

— Может, с Яцеком что-нибудь случилось? Он никогда ещё так поздно не возвращался домой!

— Наверно, его наказали и оставили в классе, — предположил отец. — Нашкодил небось! Помнишь, он побил парнишку из другого класса, так его тогда тоже оставили в школе.

— Но тогда из школы кого-то прислали, и мы по крайней мере знали, что случилось. Да он и не сидел в тот раз в школе так долго.

— Уж с ним-то ничего не случится, — успокаивал маму отец. — Скорее он кого угодно обидит. Мне уже с ним сил не хватает!

— Ох, нехороший, нехороший он мальчик, — отозвалась тётя Леокадия.

«А тётка всегда должна подлить масла в огонь», — подумал Космаля.

Мама продолжала нервничать:

— Уже половина шестого! Может быть, Стасик, — (папу зовут Станислав), — может быть, Стасик, сходишь в школу и узнаешь, что там с Яцеком?

— Ну, схожу, схожу, — вздохнул отец. — Но если узнаю, что он опять набедокурил, уж я с ним поговорю!

Послышались тяжёлые шаги.

«Голько бы отец слишком быстро не захлопнул дверь, — подумал Яцек. — Можно было бы попытаться проскользнуть в квартиру. Но он наверняка захлопнет. А если попробовать проскочить у него между ногами?»

Мысль ему понравилась. Во всяком случае, он ничем не рисковал. А вдруг удастся?

«Может, когда я снова окажусь дома, то опять стану мальчиком, — мечтал Яцек. — Я быстро побежал бы в ванную и сделал вид, что давно уже дома, только долго мою руки, потому что они в чернилах. Неплохо придумано. Голова-то работает».

Космаля от удовольствия помахал хвостиком, приблизился к двери и, затаившись, стал ждать. Как только дверь открылась, он стремительно проскочил в прихожую.

План удался. Отец, спешивший на поиски Яцека, так задумался, что не заметил маленького пёсика, прошмыгнувшего у него под ногами. И всё было бы отлично, если бы в этот момент через прихожую не проходила тётя Леокадия. Она несла поднос, уставленный посудой, которую только что собрала со стола. А Космаля, мчавшийся без оглядки, как раз попал ей под ноги. Тётя испугалась, пронзительно вскрикнула, покачнулась, и поднос с горой грязных тарелок и вазочкой с остатками шоколадного пудинга описал в воздухе красивую дугу и с невообразимым шумом рухнул на пол. Точнее, не на пол, а прямо на спину пробежавшего Космали.

— Ах! Ах! Убили! — завыл он в ужасе.

А тётя Леокадия подхватила:

— Ах! Ах! Опять собака! Хотела меня укусить!

— Вовсе и не хотел! — проворчал испуганный Космаля, с трудом выбираясь из-под подноса и груды тарелок. Он собирался ещё что-то добавить, но ему мешал пудинг, залепивший глаза и нос. Облизнувшись, Яцек почувствовал любимый вкус шоколада. Тогда, не обращая внимания на возгласы тёти, он стал смешно махать языком.

«Хоть так немного съем», — подумал он.

А тётя между тем выкрикивала:

— Скверная дворняжка! Прочь с глаз моих!

— Это я-то дворняжка?! — рявкнул возмущённый Космаля, быстро слизывая остатки пудинга.

— О! Она ещё ворчит на меня! Она собирается меня укусить!

— Тётя, — закричала Боженка, вбегая в прихожую, — это ведь тот самый пёсик, который сидел под дверью!

— Ну уж не знаю, тот или не тот! — сердито пробормотала тётя Леокадия.

— Ой! Как он выглядит? Бедная псинка! Вся мордочка в пудинге!

— Ну что ты разойкалась? — разозлился Яцек. — Разве так встречают родного брата? А ещё переживала, что меня долго нет...

К сожалению, вместо всех этих слов раздался лишь громкий лай:

— Гав! Гав!

— Про-очь! — завопила тётя.

В это время щёлкнул дверной замок. Вернулся отец. Он был сильно взволнован, шляпа съехала набок. Мама кинулась ему навстречу.

— Ну, что с Яцеком? — поспешно спросила она.

— В школе его нет, — ответил отец, — и неизвестно, где он болтается! Уж я с ним поговорю!

— Нигде я не болтаюсь! Я давно уже дома! — крикнул Космая.

— Это ещё что? — удивился отец. — Опять собака!

Яцек хотел объяснить, что никакая это не собака, а он, Яцек, но отец снова рассердился:

— Выгнать её вон! С ума можно сойти!

— Папочка! Пусть пёсик останется у нас, — стала просить Божена.

Но тётя была неумолима и решительно заявила:

— Я не потерплю здесь никакой собаки!

— Ну почему же? — заскулил Космая. — Уж если так получилось, что я временно стал собакой, неужели я не имею права остаться в родном доме, у папы с мамой? Но тётя никогда не любила животных, — добавил он горько.

Просьбы Боженьки не помогли. Космая почувствовал, что сильная папина рука берёт его за загривок и поднимает в воздух. Через минуту он уже снова сидел на коврикe под дверью и прислушивался к голосам в квартире.

— Но что всё-таки случилось с Яцеком? — спрашивала обеспокоенная мама. — Не обидел ли его кто?

— Может, он пошёл к тёте Люцине? — предположила Божена.

— Это возможно! — немного утешилась мама. — Но всё равно ему пора бы уже вернуться.

— Я поеду к Люцине, — решил отец. — Ну и задам я паршивцу за все наши тревоги!

Услышав это, Яцек весело замахал хвостом, что, как известно, служит у собак выражением радости. А радовался он потому, что благодаря превращению в собаку избежал неприятного разговора с отцом.

«И всё же мне не хотелось бы навсегда остаться в собачьей шкуре».

Дверь резко открылась, и на пороге появился отец. Космаля отскочил в тёмный угол лестничной площадки, стараясь не попасться ему на глаза. Осторожность никогда не помешает.

— Загляну к Люцине, а если его там нет, заеду ещё к Эрнестине, — говорил отец маме (Эрнестина — это была другая тётка).

— И возвращайся поскорее! — крикнула мама.

Как только отец спустился по лестнице, Космаля вернулся на своё место, на коврик у двери, и стал размышлять, как бы ему ещё раз попасть в квартиру. Он встал на задние лапы и попытался дотянуться до звонка. Напрасно.

— Надо подпрыгнуть, — решил он.

Это оказалось нелегко. Звонок был поставлен очень высоко. Но в конце концов после нескольких неудачных попыток ему удалось ткнуть носом в кнопку звонка. Он ткнул изо всех сил и чуть не взвыл от боли. Известно — нос у собак очень чувствителен. Зато цель была достигнута. Звонок задрезжал резко, пронзительно.

— Кто там? — спросил из-за двери голос тётки Леокадии. — Кто там?

Тут же закричала мама:

— Ах, Лёля! — Мама всегда называла тётю «Лёля». — Лёля! Может, это Яцек вернулся!

И быстро открыла дверь. Из-за маминой спины выглядывала Боженка.

— Никого нет?! — удивилась и одновременно испугалась мама.

— Гав! Гав! — сказал Яцек. — Гав! Гав! Ведь это я, Яцек! Только так вышло, что я временно стал собакой. Но это недоразумение! Я скоро снова стану человеком! Гав! Гав!

Из его лая мама, конечно, ничего не поняла.

А Божена закричала:

— Мама, наверно, звонил этот пёсик! Давай выпустим его! Пусть он останется у нас навсегда!

«Мировая девчонка эта Божена», — подумал Космаля и твякнул:

— Ну ладно! За то, что ты меня теперь защищаешь, я, когда снова стану мальчишкой, не буду таскать тебя за те два мышинных хвостика, которые ты называешь косами.

Божена не поняла его твяканья, но продолжала упрашивать:

— Видишь, мама, как он жалобно твякает. Возьмём его!

Мама уже почти согласилась, но тут опять вмешалась тётка Леокадия:

— Неизвестно, что это за пёс! Ещё укусит кого-нибудь в доме. К тому же вон какой он грязный, и, наверно, у него блохи!

— Нет у меня блох! — рассердился Яцек. — Нет никаких блох!

И надо же! Вместо этого восклицания, полного благородного возмущения, раздалось обычное собачье ворчание, к тому же довольно грозное. Тётя разгневалась ещё больше.

— Видите? Видите? — торжествующе кричала она. — Я же говорила, что это злой и опасный пёс! Ещё укусит нас! А то и вовсе загрызёт!

Яцек готов был расплакаться. С горя он сел на задние лапы и завыл тихо и очень жалобно. Это ещё больше растрогало Боженку.

— Ах, тётя! Он просит прощения, видишь? Как хорошо он просит прощения!

Но тётя не разделяла восторга Боженки.

— Подумаешь! Этакий уродец на кривых лапах! И что тебе в нём понравилось, малышка? — пробормотала тётя. — Не видела собак покрасивей?

Дверь снова закрылась.

Нет, это было уж слишком! Космаля возмутился до глубины души и грозно проворчал:

— Я уродец? У меня кривые лапы? Если так, я уйду, и всё. Возьму и уйду навсегда...

Он уже стал спускаться по лестнице, но тут услышал, что кто-то идёт вверх. Через минуту он понял, что это его родной папа. Папа шёл очень быстро и тяжело дышал. Космаля хотел ещё раз сказать отцу, что не надо расстраиваться, ведь он, Яцек, вернулся домой, правда в собачьем виде, но всё же вернулся, однако отец пробежал мимо, словно вовсе его не заметил, и нетерпеливо позвонил в дверь. Открыла мама.

— Его нет? — услышал Яцек её испуганный голос.

— Нет ни у Люцины, ни у Эрнестины!

Мама начала всхлипывать.

— Пропал, ах! Ах!

— Может, он засиделся у какого-нибудь товарища, — попробовал утешить её отец.

Продолжения разговора уже не было слышно. Наверно, все ушли в комнату. Космаля решил, что не остаётся ничего другого, как, свернувшись калачиком, улечься на коврик и терпеливо ждать, что будет дальше. А через несколько минут, утомлённый непривычными переживаниями этого дня, он уже сладко спал под дверью своей квартиры.

Правда, скоро он проснулся, услышав какой-то скрип, и в щели приоткрытой двери увидел лицо Божены. Она осторожно выглянула и обрадовалась, увидев его. В руке она держала большую кость с остатками мяса.

— Пёсик, таксочка, — зашептала она, — ты, наверное, голодный. Мне тебя так жаль! Спишь здесь на жёстком коврике.

«Вы поглядите, — снова подумал Яцек, — Боже-на действительно добрая девчонка».

Кость пахла очень вкусно. Он цапнул её зубами и стал жадно обгрызать. А в благодарность повилял хвостом.

— Принести ещё что-нибудь? — спросила восхищённая его аппетитом Божена. И погладила по головке, приговаривая: — Хороший, хороший, любимый пёсик!

10. ВСЕ ЕЩЕ ЭТА СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Где-то, за какой-то дверью, пробило шесть, когда Космаля проснулся. Он открыл один глаз, но поскольку вокруг ещё было довольно темно, тут же закрыл его и решил спать дальше. Припомнился ему ужасно смешной сон — будто был он не мальчиком, а маленькой жёлтой собачкой. «И что только человеку не приснится», — подумал он. Собрался повернуться на другой бок, но тут почувствовал, что ему холодно. «Наверно, съехало одеяло», — вздохнул он и уже собрался протянуть руку, чтобы накрыться с головой, но тут же понял, что одеяла на нём вообще нет. Да и рука не протягивалась, уж очень она была короткая.

«Это от холода свело руку, не иначе, — решил он. — Хорошо ещё, что я закалённый, не какой-нибудь мерзляк. Но всё равно надо будет поднять одеяло и укрыться. Ведь ещё очень рано, можно поспать часок. Только бы тётя не подумала разбудить меня пораньше, чтобы послать за хлебом».

Яцек попробовал повернуться на другой бок — не вышло. «Что такое? — рассердился он. — Почему мне так неудобно лежать? И кровать такая жёсткая».

Наконец он сел. И тогда только понял, что сидит под дверью родной квартиры, на грязном коврике. Взглянул на руки — нет, это были не руки, а всё ещё кривые собачьи лапы, в точности такие, как у всех такс. И хвост был такой, как полагается. В общем, он всё ещё был псом.

Послышались чьи-то шаги. Кто это тащится так рано? Какая-то грузная женщина тяжело шлёпала по ступеням, поднялась на площадку и наконец остановилась возле коврика у дверей.

— А это кто? — удивлённо спросила женщина. — Откуда ты взялся, пёсик?

Яцек Космаля хотел, конечно, ответить, что он вовсе не пёсик, а сын супругов Космаля, которые живут тут, за этой дверью, но, к сожалению, звуки, которые он издал, были просто жалобным лаем. Теперь он понял, что заговорившая с ним женщина была не кем иным, как пани Чубашковой, по утрам разносившей жильцам молоко. И теперь она, разговаривая с Яцеком, забрала пустую бутылку и поставила на её место полную.

— Ну что, пёсик? — спросила она снова. — Не хотят тебя впустить? Видно, провинился? Ну, попроси хорошенько, тебе и откроют.

Идея показалась Яцеку очень разумной. Оказывается, иногда и другим могут прийти в голову хорошие мысли, как, например, на этот раз пани Чубашковой.

Он попробовал допрыгнуть до звонка, но теперь ему это не удалось. Поскрёб дверь лапой — тоже безрезультатно. С минуту прислушивался, наклонив голову, но, видно, в доме все ещё спали.

«Они спят себе в кроватях, под одеялами, им тепло и удобно, а я, как пёс, на коврике!»

Космале хотелось зареветь, даже ударить в дверь кулаком, но как ударишь кулаком, если и кулака-то нет. Тогда... взгляд его упал на бутылку с молоком. Правда, он не любил молока, но, в конце концов, если человек... то есть пёс... впрочем, неважно кто...

если кто-то голоден, то может выпить и молока. Только как это сделать, как напиться из бутылки? Яцек встал на задние лапы, опершись передними о бутылку, и попробовал заглянуть в неё сверху. Бутылка была закрыта серебристой крышечкой. Открыть её зубами не так-то просто, но чего не сделаешь, если голоден. Он покрепче уперся в бутылку передними лапами и попытался подцепить зубами

нижний край крышечки. Но тут лапы у него соскользнули, бутылка перевернулась и со звоном покати-лась по каменному полу площадки.

Шум был так силен, что открылась дверь не только квартиры Яцека, но и двух соседних квартир.

— Что случилось? — спрашивали все.

Потом увидели перевернутую бутылку молока.

— Это собака перевернула бутылку! — крикнула соседка с правой стороны.

— Собака? — откликнулась тётя Леокадия, и её голова, вся в бигуди, показалась в дверях квартиры. — Собака? — повторила она.

Голос её прозвучал так сердито, что бедный Яцек, не ожидая последствий, поджал хвост и со-

брался удрать вниз по лестнице. Но в этот момент на лестнице показалась огромная фигура, в которой Яцек без труда узнал их дворника.

Дворник не любил Яцека Космалю. Если в доме случалось что-нибудь плохое, он сразу же говорил, что это сделал Яцек. Правда, обычно он не ошибался, но мог ведь и ошибиться. Ничего удивительного, что при виде дворника Космалю кинулся в сторону и проскользнул в открытую дверь соседкиной квартиры.

К счастью, соседка, очень увлечённая обсуждением происшествия с молоком, не заметила, что главный виновник проник в её владения. А Космалю, на смерть перепуганный, забрался под кровать, в угол, поближе к стене. Убежище показалось ему надёжным, к тому же после ночи, проведённой на лестничной площадке, он наконец-то оказался в тепле. Тут было тихо и спокойно. Голос соседки доносился с лестницы, говорила она много и громко.

«Пусть поболтают», — подумал Космалю и снова почувствовал голод. Осторожно высунул из-под кровати кончик носа. Пахло чем-то вкусным.

«Надо всё-таки поесть».

Решительно покинув своё укрытие, он потрусил в кухню. Вскочил на табуретку, стоявшую у стола, и замер от радости: на тарелке розовели аппетитные ломтики ветчины. Соседка, видно, любила вкусно поесть. Яцек быстро расправился с ветчиной и хотел уже похлебать из чашки кофе с молоком, когда в прихожей хлопнула дверь. Вернулась хозяйка. Космалю чуть не выругался, но, к сожалению, получилось только что-то вроде: «Вр-р-р, вр-р-р».

Хорошо ещё, ворчание было тихим и входившая в кухню хозяйка его не слышала. Не заметила она и желтую собачку, которая стремительно шмыгнула в комнату. Зато она увидела перевернутую чашку, а кофе залило стол и тихо капало на пол.

Спрятавшийся под кроватью Космалю слышал восклицания хозяйки по поводу разлитого кофе.

— Ах, и как это у меня вышло? — говорила сама себе хозяйка. — Наверно, выбегая, я зацепила чашку.

Потом она замолчала, очевидно вытирая со стола лужу и наливая себе другую чашку. Тут раздался её удивлённый и испуганный крик:

— А где же ветчина?!

Космаля невольно облизнулся, вспомнив её вкус. Ветчина была действительно отличная.

«Жаль только, мало», — добавил он мысленно. И снова почувствовал голод. Разве можно наесться двумя ломтиками ветчины? Съесть бы ещё что-нибудь.

А если соседка уйдёт и не оставит ничего съедобного, что тогда?

«Собачья жизнь», — подумал Космаля и решил побыстрее выбраться из этой квартиры. Да, но как? Если пойти в прихожую и стать под дверь, ожидая, когда хозяйка будет выходить, она сразу поймёт, кто съел ветчину, и трёпка обеспечена. А если остаться под кроватью, то так и просидишь целый день в чужой запертой квартире.

Тут он подумал: надо ведь что-то делать, чтобы снова стать человеком. Может, поискать Продавца Шаров? А может, пойти в школу? Но как же идти в школу, если никто не поймёт, что ты вовсе не пёс, хотя выглядишь как самый настоящий жёлтый пёс?

«Пора сматываться отсюда, — решил он. — Ничего, рискну. В случае чего — не дамся, и всё!»

Он осторожно вышел из-под кровати, чтобы разведать обстановку. Соседка всё ещё была в кухне. Космаля с завистью слушал, как она звенела посудой.

«Она там ест и ест без конца, а я голоден как чёрт! Что, если она сегодня вовсе не выйдет из дому?»

Крадучись, он выбрался в прихожую и уселся в уголке за вешалкой, на которой висели какие-то плащи и шляпы.

«Подожду, — сказал он себе, — подожду, пока она не соберётся уходить. Так будет лучше. Она открывает дверь, а я — шасть на лестницу. И ходу!»

Но соседка, видно, не спешила. Возилась в кухне и что-то напевала.

«Так она никогда не уйдёт», — нервничал Космаля. Потом стал прислушиваться. На лестнице слышались шаги. Кто-то шёл, остановился перед дверью и постучал.

В тот же момент Космаля почувствовал, что должен громко и грозно залаять, что его собачий долг — защищать эту запертую дверь, за которой стоит неизвестно кто. Он вылез из-за вешалки и залился сердитым лаем. Одновременно раздался испуганный крик соседки:

— Ой, ой, откуда тут взялся пёс? Помогите!

Неизвестно, зачем она кричала «помогите», ведь Космаля вовсе не собирался пугать её или, тем более, кусать. Он только честно выполнил свой собачий долг и был этим даже немножко горд.

Стук повторился.

На этот раз Космаля повёл себя ещё более грозно, стараясь лаять басом.

— Откуда взялась собака? — нервничала соседка.

В прихожей было темно, и она ничего не видела. Когда же она зажгла свет и увидела подскакивающего и сердито рычащего Космалю, то сразу сообразила:

— Ах, это ведь тот пёс, который был на площадке!

Она как будто немного успокоилась.

Стук в дверь повторился ещё раз.

Космаля совсем разбушевался. Он лаял и кидался на дверь. Хотел показать, на что способен.

— Кто там? — спросила наконец хозяйка квартиры.

— Почта, — ответил мужской голос, — но сначала уберите собаку, а то ещё укусит.

— Попробую, только не знаю, смогу ли, — беспомощно ответила хозяйка. — У меня никогда не было собак, и я не знаю, как с ними обращаться. Но я попробую.

И она просительно заговорила, обращаясь к Космале:

— Тихо, пёсик, тихо!

— Ну ладно, буду тихо, только выпустите меня, — пробормотал Космалю, что на собачьем языке прозвучало примерно так: «Гав, гав, гав!»

— Его надо привязать, — советовал через дверь почтальон, — или запереть в ванной.

— Прекрасная мысль, — обрадовалась хозяйка. — Запру его в ванной.

Она открыла дверь в ванную и стала уговаривать Космалю, чтобы он туда вошёл.

— Не хочу ни в какую ванную, — взбунтовался Космалю. — Я туда зайду, как дурачок, а вы захотите меня выкупать. Ещё чего!

И, глухо ворча, он снова спрятался за вешалкой.

— Он не хочет и ворчит, — сообщила соседка почтальону.

— Тогда я суну письмо под дверь и пойду, мне некогда ждать, — заявил почтальон.

Послышался шелест подсовываемого под дверь письма.

— А что мне делать с собакой? — растерянно спросила соседка, но ответа не получила. Она стояла в прихожей, стиснув руки. Увидев, что Космалю вылезает из-за вешалки, она отступила. Но он подошёл к двери и тихонько заскулил:

— Выпустите меня, пожалуйста. — На собачьем языке это прозвучало так: «Гав, гав! Ау-у! Ау-у-у!»

— Ах, ты хочешь выйти, пёсик? — обрадовалась соседка и побыстрее открыла дверь.

Космалю без оглядки выскочил на лестницу.

«Теперь надо вернуться домой, — подумал он. — Я голоден: может, в конце концов, дадут мне поесть».

И с надеждой в сердце он остановился перед дверью своей квартиры. Тявкнул тихо раз и другой, но дверь не открывалась.

«Видно, никого нет, — подумал он. — Конечно, никого нет. Мама и папа на работе, Божена в школе, а тётя Леокадия ушла за покупками! Что же делать? Может, поискать Продавца Шаров? Ведь не могу же я навсегда остаться собакой».

На лестнице послышались шаги. Кто-то спускался сверху, шаркая тяжёлыми ботинками.

— Дворник! — охнул Космаля. — Дворник!

Действительно, это был дворник и вдобавок с метлой.

Вид его был страшен. Космаля одним прыжком отскочил от двери и кинулся вниз по лестнице с такой быстротой, на которую были способны его короткие лапы.

Остановился он лишь посреди двора, у большого газона, где росло несколько деревьев и стояли скамеечки. Спрятавшись под одной из них, он стал осторожно осматриваться.

А во дворе было всё как обычно. На скамейках сидели мамы с колясками, в которых спали маленькие дети. Проходили жильцы и заговаривали с де-тишками постарше, которые ещё не ходили в школу. Космаля знал почти всех, частенько их задира-л, когда шёл в школу или из школы. Но сейчас он думал не об этом, ему надо было разобраться в собственных делах.

Внезапно он почувствовал сильнейшее желание обнюхать одно из деревьев. До сих пор он никогда этого не делал, но теперь, став настоящей, породистой таксой, должен был подчиняться собачьим законам. Он осторожно вылез из-под лавки и приблизился к дереву. Обнюхал его чёрным мокрым носом и убедился, что пахнет оно интересно: иначе говоря, совсем недавно здесь проходила другая собачка. Только он собрался по собачьему обычаю поднять одну ногу, как его отвлек совсем иной запах. Запах

этот был отчетливый, только... минутку... что же это такое? Ну конечно, это был запах врага! Космаля поднял голову и увидел: по ровно уложенным плитам дорожки шёл большой рыжий кот. Раньше, ещё будучи мальчишкой, Космаля часто гонял его и швырял в него камнями. Вот и сейчас, громко лая, он кинулся за ним.

Кот остановился, выгнул спину, шерсть на ней стала дыбом. Выглядел он довольно грозно и ростом теперь был с Космалю. Он открыл рот и зашипел:

— Хи-и-и!

Космаля остановился.

— Хи-и-и! — повторил Рыжий и вытянул лапу, вооружённую острыми когтями. — Хи-и-и! Я тебя узнал! Ты Яцек Космаля, превратившийся в собаку. И сейчас будешь ко мне приставать? Попробуй только — за всё тебе отплачу!

Яцек сначала ужасно удивился, что так хорошо понимает кошачье мяуканье, но уже в следующий момент возмутился. Как? Этот котёнка осмеливается разговаривать с ним так нахально?

Несмотря на грозный вид Рыжего, Космаля бросился на него, яростно взлаивая:

— Ах ты Рыжуха! Ах ты жалкий мышелов! Я тебе покажу! Проваливай отсюда! Ну!

Но Рыжий и не думал отступать. Он ещё больше выгнул спину и цапнул растопыренной когтистой лапой длинную мордочку Космали.

— Ау-у-у-у! — взвыл от боли Космаля. — Ау-у-у-у! Ты злодей! Я тебе дам! Попадись только мне! Подожди!

Но Рыжий и не думал ждать, а, цапнув Яцека ещё раз, теперь за ухо, взобрался на дерево и с явным удовольствием стал глядеть оттуда на своего бывшего преследователя.

— Ау-у-у-у! — жалобно выл Яцек.

— Вот видишь! — торжествовал Рыжий. — Всегда важничал и швырял во всех кошек камнями, а

теперь и сам получил. Чего скулишь? Этакий смельчак. Посмотрите на него! Вождь Команды Силачей! И как хнычет!

Всё можно было бы снести, только не такие издевательства. Яцек, как сумасшедший, кинулся к дереву, не обращая внимания на кровь, капавшую с его расцарапанной мордочки. Но Рыжий сделал великолепный прыжок и исчез за стеной. А на газоне во дворе остался посрамлённый жёлтый пёсик.

Тут возле него раздался знакомый голос:

— Откуда здесь взялся этот пёсик?

Космаля обернулся. Рядом стояла пани Малиновская, та, которая жила этажом ниже и всегда жаловалась, что Яцек шумит на лестнице.

— А пёсик-то хороший, — продолжала она. — Может, приبلудный? Какой-то неухоженный. И грязный. Взять его, что ли? Видно, что ничей. Выкупать бы его только сначала! Ну, пойдём, пёсик, пойдём со своей хозяйкой.

— Какая вы мне хозяйка! — рассердился Космаля. — Никуда я с вами не пойду.

Но и на этот раз вместо слов из его горла раздалось лишь грозное ворчание, сопровождаемое оскалом острых зубов. Пани Малиновская возмутилась.

— Поглядите только, — обратилась она к оставившейся рядом соседке, — какой злой! На вид симпатичный и добрый, а только я заговорила с ним — ворчит.

— Может, он просто нервничает: его только что здорово поцарапал кот, — вмешалась какая-то мама с коляской.

— Может быть! Он, наверно, испугался, — утешилась пани Малиновская и, не теряя надежды завладеть собакой, приблизилась к Космале с явным намерением взять его домой.

— Ни за что на свете! — рывкнул Космаля и, поджав хвост, кинулся наутёк.

Он мчался во всю прыть, поминутно оглядываясь, не гонится ли за ним пани Малиновская. Пани

Малиновская не гналась, зато огромными прыжками настигал его какой-то большой косматый пёс.

— Загрызёт меня, и конец! — охнул Космалю и попытался бежать ещё быстрее, но пёс догнал его и пролаял низким голосом:

— Стой! Стой! Обожди!

Яцек не собирался ни стоять, ни ждать, а продолжал бежать так быстро, как только позволяли его короткие, кривые лапы. Тогда кудлатый пёс обогнал его и преградил дорогу. Космалю испуганно поднял глаза к нависшей над ним морде, отлично понимая, что он сейчас целиком во власти этого огромного создания.

— Привет, Яцек! — пролаяла собачища. — Что это ты? Не узнаёшь меня? Раньше ты никогда от меня не бегал!

Яцек осторожно пригляделся — действительно, что-то знакомое. Сейчас, сейчас! Ну, да, конечно! Ведь это же Гапа! Та самая Гапа, которая частенько бегала около школы и возле его дома!

В минуты опасности мысль работает быстро. Так она сейчас работала и у Космали. Ну, в самом деле! Он отлично вспомнил, как Юлька из его класса хваталась, что это собака её дяди и что она самая умная из всех собак. Но не это главное! Яцек тихо охнул и снова закрыл глаза, так как в этот момент вспомнил, что совсем недавно, кажется, на прошлой неделе, он бросал в Гапу каштанами и даже два раза камнями, а один раз попал ей камнем по лапе так, что она целый день хромала.

«Сейчас она меня за это искушает», — подумал он с ужасом и был готов к самому худшему.

Но Гапа, как видно, не собиралась бросаться на Космалю. Она села рядом и, почесав за ухом, заметила:

— Ну что? Сдаётся мне, что, как это у вас людей говорится, началась для тебя собачья жизнь, не так ли? Как чувствуешь себя в собачьей шкуре?

Яцек не ответил. Ему только стало не по себе, и

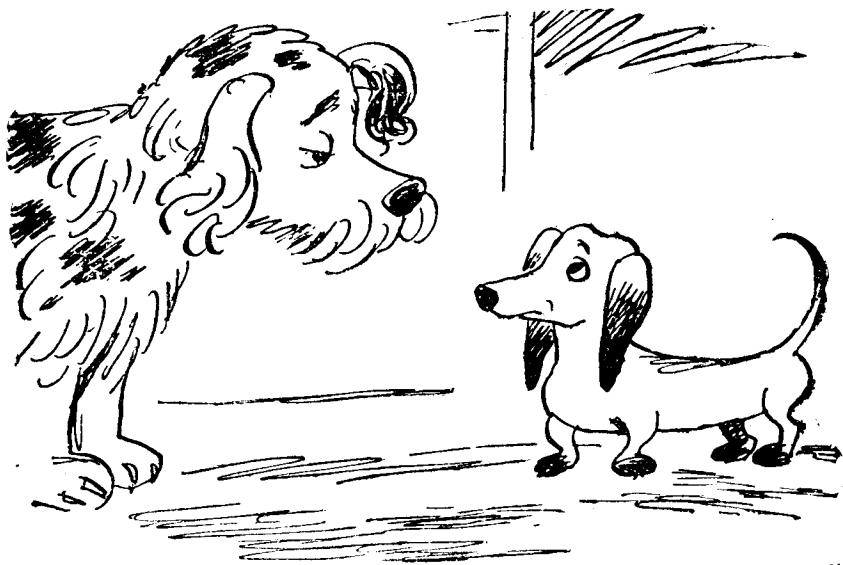
он почувствовал, что краснеет, но под шерстью, густо покрывающей мордочку, это было не видно. А Гапа зевнула и добавила:

— Не бойся, ничего тебе не сделаю. Я не обижаю маленьких собачонок! — Она великодушно вильнула хвостом и удалилась. Обескураженный Космая с минуту сидел, не зная, как себя вести.

Гапа обошлась с ним, как с глупым щенком!

Но позвольте, позвольте: выходит, Гапа знает о том, что Продавец Шаров превратил его в таксу! Караул! А что, если псы из всей округи явятся, чтобы свести с ним счёты? Ведь он им немало досаждал. Скверная получается история. И вот что удивительно: будучи в собачьей шкуре, он прекрасно понимает не только человеческую речь, но и язык животных! Подумайте, ведь он без труда понял, что говорил ему тот бессовестный котище, а с Гапой вообще беседовал совершенно запросто.

«По крайней мере, хоть немного развлекусь — послушаю, о чём говорят между собой собаки, — подумал он в утешение. — А интересно, мог бы я, например, поговорить с конём?..»

Сидя так на газоне и размышляя о своей собачьей доле, он снова услышал пронзительный голос пани Малиновской, которая звала его:

— Пёсик, пёсик! Иди ко мне!

11. РОЗОВЫЙ БАНТ

Он бежал изо всех сил, лишь бы подальше от пани Малиновской. Пробегал какие-то улицы и переулки, нигде не останавливаясь.

Наконец он так устал, что просто не мог больше бежать. Тогда он сел под незнакомым забором, высунув язык чуть не до земли, и решил хоть минутку передохнуть после такого сумасшедшего бегства.

В этот момент из ворот соседнего дома выбежал мальчик с портфелем под мышкой. Наверно, он спешил в школу, но, увидев Космалю, остановился и пронзительно свистнул. Свист прозвучал очень неприятно, Космалю даже вздрогнул. Парнишка свистнул ещё раз.

«Это он мне свистит, — подумал Яцек. — Как он смеет! Я ему покажу, как свистеть Космале!» Он повернулся и стал скрести землю задними лапами, готовясь броситься на обидчика. Парнишка приблизился, и Яцек с огромным удивлением узнал в нём Манека. Того самого, из своей Команды. И вместо того, чтобы рычать и бросаться, он побежал ему навстречу, виляя хвостом в знак приветствия.

— Гав! Гав! Гав! — весело тявкал он.

Но Манек не обратил никакого внимания на эти знаки радости и, уж конечно, не мог понять, что Яцек кричал ему: «Привет, Манек! Что это ты? Не узнаёшь меня? Чего строишь такую глупую мину?! Ведь это я! Только меня заколдовал Продавец Шаров!»

Яцек хотел поведать товарищу свою историю: что пёс этот вовсе не пёс, а он, Яцек Космалю, и даже упёрся в мальчишку передними лапами, но тот от-

нёсся к его радости совершенно безразлично, отскочил назад и крикнул:

— А иди ты! Что это ещё за пёс? Привязался! — Он наклонился за камнем. — Вот погоди, дам тебе хорошенько! Штаны-то как мне замарал!

Действительно. На тёмно-синих отглаженных брюках остались следы грязных собачьих лап.

Тут Манек прицелился и швырнул в него камнем. Хорошо ещё, что Яцек вовремя увернулся, а то бы ему здорово досталось.

Он спрятался за угол дома и с горечью подумал: «Вот так товарищ. А я ещё взял его в свою Команду Силачей и даже хотел сделать моим помощником...»

В это время Манек, страшно злой, отряхивал брюки... Тут из ворот вышел какой-то парень. Космалю немного знал его, так, по внешнему виду: тот часто болтался возле школы. Правда, в школу уже не ходил, но его брат учился в третьем классе.

— Перемазался? — спросил он Манека. В зубах он держал сигарету, говорил поэтому невнятно.

— Какое там перемазался! — ответил Манек. — Вон тот пёс стал на меня прыгать как ошалелый и испачкал мне брюки. Совсем новые, третий раз надел. Я тебе дам! — Это уже было обращено к выглядывавшему из-за угла Космале. Манек погрозил кулаком.

— А это разве не твой пёс? — спросил пареньёк с сигаретой.

— Какое там! — отмахнулся Манек. — Пристал просто.

— Он ведь породистый. Вроде бы такса, видишь?

Парень с сигаретой явно заинтересовался жёлтой таксой. Яцеку это даже понравилось, и он побольше высунулся из-за угла.

— О, какие лапы у неё кривые и уши какие длинные. Я тебе говорю: это породистая собачка. И наверно, дорогая. Я в них разбираюсь: мой дядя раньше торговал собаками. А эта, видно, потерялась. Ну, иди сюда, иди!

Парень зачмокал и вытянул руку.

«А он, вроде бы, хороший парень», — подумал Яцек и высунулся ещё больше. Он стоял теперь, скорчив скромную мину, и даже поднял вверх одну лапу.

— Ну, иди сюда, не бойся, — продолжал звать парень. — Вот, на тебе.

С этими словами он вынул из кармана что-то завёрнутое в бумагу и стал эту бумагу разворачивать. До чёрного мокрого носа Космали донёлся вкусный запах — как ему показалось, запах колбасы. Он потянул носом по сильнее и убедился: колбаса. Есть хотелось ужасно. Надо подойти поближе. Парень как будто хороший и хочет его угостить. А может, он понял, что этот пёс — заколдованный Яцек Космаля? Вежливо помахивая хвостом, Яцек решил выйти из-за своего укрытия и приблизился к ребятам. Манек стоял с безразличным видом и смотрел, что будет дальше. Вдруг он вспомнил:

— Ой, ой! Пора ведь в школу! Привет!

— Привет! — ответил второй и снова обратился к Яцеку: — Иди, пёсик! Хороший пёсик, хороший! Не бойся! Смотри, какая вкусная колбаска! Иди, получишь.

Яцек не мог больше противиться. Он быстро побежал и вытянул свою длинную мордочку, чтобы взять колбасу.

Но тут произошло нечто неожиданное!

Парень мгновенно убрал руку с колбасой и схватил Космалю за шкурку.

— Ага, попался! — воскликнул он торжествующе. — Попался!

Космаля попробовал вырваться, но парень держал его очень крепко.

— Пусти меня! — крикнул Яцек. Но тихое повизгивание, которое он издал, не произвело особого впечатления на похитителя. Тогда Космаля, чтобы спастись, решил воспользоваться зубами и вцепился в руку, которая оказалась возле его носа.

— Ах ты, дьявол! — обозлился парень и ударил Яцка довольно сильно. — Дьявол! — повторил он. — Я тебе дам! Будешь кусаться? Я научу тебя вежливости.

Он стянул с шеи шарф и обмотал им мордочку Космали. Потом сунул его под куртку и пустился бежать незнакомыми улицами. Яцек пробовал вырваться, но всё было напрасно. Парень держал его крепко и сильно, до боли, встряхивал.

«Куда он меня несёт? — думал не на шутку перепуганный Космалю. — Что он со мной задумал сделать?»

Яцек так разнервничался, что начал дрожать всем телом.

Между тем похититель замедлил бег, миновал незнакомые ворота, вошёл в дом и поднялся на третий этаж.

Там он постучал в облезлую дверь.

Открыла старая, полная женщина.

— О-о-о, как ты стучишь! — сказала она вместо приветствия. — Не можешь потише?

— Не волнуйся, бабуля, — ответил парень не слишком вежливо. — У меня дело, потому и спешу.

— Дело, дело, — повторила старуха, — знаю я твои дела. Того и гляди, в милицию попадёшь.

— Не попаду, — отмахнулся парень. — Нет ли у тебя какой-нибудь ленточки?

— Погляжу. — Женщина открыла ящик комода и стала в нём рыться.

Парень тем временем гладил Космалю по голове и приговаривал:

— А ты ничего не бойся и, главное, не вырывайся. Увидишь, как тебе будет хорошо.

— Откуда у тебя этот пёс? Наверно, украл?

— Сразу и украл! Что ты, бабуля? Просто увязался за мной на улице.

— Корми его теперь.

— Не бойся, бабуля. Другие будут кормить. Ну как, есть лента?

— Да вот, нашла кусочек. Розовая! Хочешь розовую?

— Всё равно. — Парень взял широкую розовую ленту и, несмотря на сопротивление Космали, который дёргался и вырывался, завязал ему на шее пышный бант. — Шикарно теперь выглядишь, — заметил он удовлетворённо. — Привет, бабуля!

— Куда это ты снова? — беспокоилась бабушка.

— Я же говорю: дело есть, — ответил парень, сунул Космалю под мышку и вышел из квартиры.

Он снова бежал разными улицами, пока не оказался на оживлённой площади. Яцек, оглядевшись, понял: это площадь Зелёная, самая красивая в городе.

«Интересно, зачем он сюда пришёл?» — думал Яцек. Ему было неудобно сидеть под мышкой. Парень держал его крепко, а бант мешал и щекотал ухо.

«С этим розовым бантом я выгляжу идиотом. Только бы никто из школы меня не заметил, а то ведь засмеют!» — переживал Яцек; он опять совершенно забыл, что никто не знает о его превращении в маленького жёлтого пёсика. Никому бы и в голову не пришло, что жёлтая такса не кто иной, как Яцек Космалю из пятого «В».

Этого, конечно, не знал и парень, который, держа его под мышкой, стал громко выкрикивать:

— Породистый пёсик, настоящая такса, недорого продам! Продам недорого!

— Ах, мама, какой хорошенький пёсик! — вскрикивали дети, которые проходили со своими мамами. — Купи нам такого пёсика!

— Недорого, недорого! — продолжал выкрикивать парень.

Некоторые прохожие останавливались и оглядывали Космалю.

Наконец какая-то женщина с двумя девочками решила купить недорогую жёлтую таксу.

Девочки пищали и подпрыгивали от радости, а

женщина торговалась с парнем. Наконец они договорились — и Космаля был продан.

— Только как мы его заберём домой? — забеспокоилась женщина.

— Мама, посадим его в кукольную колясочку, — предложила младшая девочка.

Маме идея понравилась. Яцек был положен в колясочку и накрыт атласным одеяльцем. Он краснел до ушей, думая о том, как выглядит с розовым бантом под кукольным одеялом. Но, во-первых, не было видно, что он краснеет, ибо, как известно, мордочка у него была покрыта шерстью, а во-вторых, никто ведь и не знал, что это сам Космаля, вождь Команды Силачей. И всё же ему было стыдно. Поэтому он решил как можно скорее сбежать из этой колясочки. Но парень, который как раз кончил пересчитывать деньги, предупредил:

— Вы его лучше привяжите к колясочке, а то он такой хитрец, что может сбежать.

И Яцек был тут же привязан каким-то пояском.

— Да, а как его зовут? — вспомнила женщина.

— Можете назвать как хотите. У него ещё нет клички.

Девочки наперебой запищали:

— Мама, как мы его назовём? Как его назовём?

Яцек вмешался в разговор, желая объяснить, что его зовут Яцек и незачем называть по-другому, но его лай вызвал только новый взрыв восторга у девочек:

— Мама! Как он чудесно лает! Пусть полает ещё.

«Погодите, погодите, ещё увидите, как я лаю!» — хотел сказать Космаля, так как был уже страшно зол и по горло сыт всей этой историей, но, поскольку никто бы не понял его лая, он решил промолчать. Сидел себе в колясочке и мрачно размышлял: «Выгляжу я как идиот. И вдобавок неизвестно ещё, что со мной будет дальше. Может, я навсегда останусь собакой? Был бы хоть огромной овчаркой, которая

может бросаться и кусать и которую все боятся. Но такса! На кривых лапах, длинная, как гусеница. Семьдесят пять сантиметров от кончика носа до конца хвоста! Ужас!»

Он вздохнул над своей горькой судьбой, улёгся поудобнее в колясочке и, утомлённый всем пережитым, заснул.

Проснулся он, когда его новые хозяева прибыли домой. Жили они в просторной квартире на первом этаже. Девочки внесли коляску вместе с Космалей в прихожую, и тут же раздался голос какого-то мальчика:

— Наконец-то вы вернулись! Когда обед, мама? Ужасно есть хочется!

— Сейчас будет, Янушек, — успокоила его мама. — Погляди, какого чудесного пёсика мы купили на площади Зелёной. Девочки меня уговорили.

Девочки вытащили Космалю из коляски и поставили на пол.

— Мама! — закричала младшая. — Мама! Назовём его Пимпуть.

— Вот ещё, только этого не хватало! — хотел протестовать Ядек. — Пимпуть! — Имя показалось ему комичным. Разве вождь Команды Силачей может зваться Пимпуть? Нет! Это немыслимо. И потому он грозно зарычал: — Не позволю так себя называть!

— Мама! — пищали девочки. — Мама, он на нас ворчит.

— Сами просили купить, а теперь боитесь? — забеспокоилась мама. — Что же нам с ним теперь делать?

— Я знаю, — отозвался Янушек, — у меня отличная идея. Наденем ему намордник!

Этого уж Космалю не выдержал, разозлился вконец. Он оскалил все свои зубы и бросился на Янушека.

— Вр-р-р! Гав! Гав! Вр-р-р! Гав! Гав! Гав! — хрипел он из последних сил, что должно было

обозначать: «Погоди, я тебе покажу намордник!» В ярости он схватил Янушека зубами за штанину и стал трепать.

— Кусается! Помогите! — верещал Янушек. — Выкиньте этого пса!

Легко сказать — выкиньте! А кто осмелится приблизиться к собаке, которая рычит и кусается? К счастью, старшей девочке пришла в голову мысль открыть дверь на лестницу. Яцек воспользовался этим, прошмыгнул в неё, как заяц, и кинулся наутёк. Он бежал, а возле правого уха торчал огромный розовый бант.

12. АХ! ЧТО ЗА ОХОТНИЧЬЯ СОБАКА!

Бант развевался и щекотал правое ухо, но Космая не обращал на это внимания и мчался вперёд. Подалее бы от этого семейства с намордником! Ещё чего! Поглядите на них! Намордник!..

На каком-то углу он остановился. Место было совершенно незнакомым. Он попробовал принюхаться к следам, но, видно, слишком недолго ещё был собакой, чтобы хорошо ориентироваться по запаху. Правда, среди множества следов на тротуаре одни показались ему знакомыми. Может, пойти по ним? И Космая побежал, опустив голову к земле и всё время принюхиваясь. Следы становились всё более и более знакомыми. Космая от души радовался. Наконец он остановился и огляделся. О, ужас! Вот куда привели его эти следы! Ведь здесь жил парень, который продал его на площади Зелёной. Хороша история!

Космая весь задрожал, поджал хвост и собрался поскорее исчезнуть, но тут послышался знакомый голос:

— Поглядите! Моя такса! — Это был его недавний похититель. — Вот так пройдоха! Я её продал, а она снова тут. Даже бант тот же самый. Молодец,

пёсик. Продадим тебя снова. Только в другом месте. Не пробуй удирать, всё равно я тебя поймаю.

И действительно, поймал. Бедняга Яцек даже глаза закрыл, когда почувствовал, что большая рука хватает его за загривок и поднимает в воздух. Что говорить, Космалю был в отчаянии. Наверно, первый раз в жизни. Тем временем продавец собак сунул его под куртку и зашагал в неизвестном направлении.

«Что теперь со мной будет, — думал Яцек. — Кому он меня теперь продаст?»

— Не вертись, а то получишь, — приговаривал при каждом его движении продавец собак.

Наконец они добрались до какого-то оживлённого района. Это опять была площадь... Выглянув из-под куртки, Яцек понял, что это рынок. Вокруг было полно народу, продающего и покупающего. Парень остановился, отогнул полу куртки так, чтобы была видна голова Космали, поправил немного бант и принялся выкрикивать:

— Породистый охотничий пёсик, дешёво продам!

— Как это охотничий? — хотел запротестовать Космалю. — Вовсе я не охотничий! Пусти меня!

Но парень держал его крепко и продолжал:

— Чудесный пёс, породистый от головы до хвоста! Продам совсем недорого!

Слыша это, Яцек даже обиделся и проворчал мрачно:

— Что же ты меня дешёво продаёшь, если я весь такой чудесный и породистый?

— И зверя сгложет, и сторожить может! — продолжал заливаться продавец собак.

Всё это, как видно, показалось заманчивым какому-то мужчине. Он был толстый, с красным лицом и чёрными усиками.

— Я бы купил таксу, — сказал он, — для охоты пригодится. Только продайте мне её подешевле!

— Не могу! Сами видите, какая чудесная собака, — расхваливал парень.

— Ну ладно, — согласился толстый мужчина. Вынул деньги, отдал парню и взял Космалю на руки.

— Хороший пёсик, хороший! — приговаривал он, глядя Яцека по голове.

— Вовсе я не пёсик и не хороший! — огрызнулся разозлённый Космалю, а прозвучало это как сердитый лай.

— Видите, какой отличный пёс, — заметил продавец, пряча полученные от мужчины с усиками деньги. — А какой злой! Потому что породистый. Он вам очень понравится.

Новый хозяин Космали кивнул головой, что в равной степени могло означать и удовольствие от удачной покупки, и сомнение в столь необычных достоинствах собаки. Потом, крепко держа Яцека под мышкой, он направился к стоянке такси.

— Прошу садиться, — вежливо сказал водитель. — Куда вас везти?

— В гостиницу!

Водитель кивнул.

— Едем! — воскликнул он и включил радио. Передавали какую-то весёлую музыку, и водитель подпевал.

«Ему-то весело, — подумал Космалю, — он ведь не собака, которую продали».

И стало ему ужасно грустно, даже захотелось жалобно завывать, но тут музыка неожиданно умолкла — и раздался голос диктора:

«Внимание! Внимание! Передаём специальное сообщение: вчера вышел из школы и до сих пор не вернулся домой мальчик одиннадцати лет. Приметы: рост — высокий, волосы — светлые, лицо — круглое, одет в тёмно-синий свитер, такого же цвета брюки и куртка. Зовут Яцек Космалю. Того, кто видел пропавшего или что-нибудь знает о нём, просим сообщить родителям мальчика по адресу: улица Липовая, пять, квартира шесть или в комиссариат милиции по телефону ноль-ноль-семь...»

Слова диктора заглушил радостный лай таксы:

— Меня ищут! Яцек Космалю — это я! Это я!

Но конечно же, его лая никто не понял.

— Видно, собачка не любит радио, — сказал, покачивая головой, водитель и выключил приёмник.

Яцек хотел крикнуть, что дело вовсе не в радио, а в том, что он и есть пропавший Яцек Космаля, но тут такси остановилось перед входом в роскошную гостиницу. Мужчина с чёрными усиками заплатил водителю, снова взял Яцека под мышку и вошёл в парадную дверь.

Яцек попытался вырваться, чтобы поскорее вернуться домой, — напрасно, новый хозяин держал его так крепко, что о бегстве не могло быть и речи.

— Сиди спокойно, пёсик, а то получишь, — сказал мужчина сердито, и Яцек понял, что лучше подчиниться.

«Всё равно надо постараться выбраться отсюда, — лихорадочно думал он, — выбраться и поскорее бежать домой. Ведь там все волнуются!» Но тут же вспомнил, что теперь он вовсе не Яцек Космаля, которого ищут родители, а маленькая жёлтая такса. И даже вернись он домой, никто этому не обрадуется, ведь там ждут Яцека, а не собаку!

— Собачья доля! — печально вздохнул он.

Между тем какая-то женщина, которая вместе с ними вошла в лифт, восхищалась его красотой.

— Ах, какой хорошенький пёсик! Породистая такса! И какое у неё забавное печальное выражение мордочки! — говорила она, гладя Яцека по спине.

«Ещё бы не печальное», — подумал Яцек, но ничего не сказал, да и к чему? Ведь всё равно его никто бы не понял.

Но поскольку он очень не любил, когда его гладят, то на всякий случай оскалил зубы, чтобы немного испугать женщину.

— Ах! — вскрикнула она. — Ах! Эта собака бросается на людей. Надо надеть ей намордник! И как можно возить собаку без намордника?

К счастью, лифт остановился как раз на четвёртом этаже, и хозяин Яцека побыстрее выскочил из

кабины. Он быстро пошёл вдоль коридора, остановился возле одной из дверей, толкнул её и вошёл в довольно большую комнату. Там он поставил Яцек на пол, точнее — на большой пушистый ковёр.

— Сиди спокойно, — сказал он и вышел, заперев дверь на ключ.

«Вот так история, — совсем расстроился Яцек, — запер меня на ключ, как в тюрьме. Что же теперь делать? Вдобавок родители меня ищут и милиция тоже».

С минуту он сидел неподвижно посреди комнаты. Его кривые лапки казались ещё более кривыми, а длинные уши касались ковра.

— Что делать? Что делать? — повторял он, что в переводе на собачий язык звучало как тихое, жалобное подвывание. Потом он встал, подошёл к двери и попробовал допрыгнуть до ручки. Но это ему не удалось. К тому же он вспомнил, что дверь заперта на ключ. Оглядел комнату. Возле широкой кровати, накрытой розовым атласным покрывалом, на низком ночном столике стоял телефон. У Яцека возникла, как ему показалось, блестящая мысль:

— Надо позвонить в милицию и сказать, что я нашёлся.

Он быстренько вскочил на кровать и попытался оттуда дотянуться до телефона.

— Скажу им просто, что я тут! Вот только снять бы трубку.

К сожалению, это оказалось не так-то просто сделать. Наконец после долгих усилий, запыхавшись так, что даже пришлось высунуть язык, он сумел захватить зубами чёрную трубку.

«Теперь надо ещё набрать номер милиции! Как там?.. Сейчас, ах, да: ноль-ноль-семь».

Набрать! Вот так штука! Как же набрать номер короткой когтистой собачьей лапой? Легко сказать! Пусть бы кто-нибудь попробовал!

И всё же Космая решил сделать это во что бы то ни стало. Ему было очень неудобно держать в зубах

этот чёрный, твёрдый и довольно тяжёлый предмет, но он не сдавался. Поднял правую лапу и попробовал набрать номер. Получалось плохо. Острые когти соскальзывали с диска, проскакивали нужные цифры, и ничего не выходило. Во всяком случае, никакой номер не набирался. В конце концов, после многих попыток что-то, наверное, вышло, так как в трубке раздался мужской голос:

— Пожарная охрана слушает!

«Пожарная охрана? — удивился Космая. — Нет, я же хотел звонить в милицию, но если уж отозвались, скажу им, что я здесь, пусть передадут маме и папе».

Он положил трубку на столик и стал поспешно говорить:

— Пожалуйста, очень прошу вас поехать поскорее на улицу Липовую, дом пять. Я Яцек Космая! Скажите моему папе, что я здесь! А то у нас дома нет телефона!

Он говорил возбуждённо и громко, так как хотел, чтобы пожарник хорошенько его расслышал. Но, к великому огорчению Яцека, голос в трубке явно рассердился:

— Что за глупые шутки! Звонят в пожарную охрану и устраивают ложную тревогу! Я слушаю, а в ответ какой-то собачий лай!

— Надо сообщить в милицию: пусть проверят, откуда это звонят, — послышался другой голос. — Поймают такого шутника да посадят за решётку — будет знать!

— Вот тебе и на! — жалобно заскулил Космая. Он не на шутку испугался. — Что теперь будет?

Между тем в трубке жужжали и бормотали какие-то голоса.

«Надо поскорее повесить трубку, — думал перепуганный жёлтый пёсик. — Если узнают, что это звонил я, будет мне на орехи! Ещё, чего доброго, арестуют!»

С минуту он размышлял, можно ли арестовать

собаку... В любом случае надо как можно быстрее положить трубку на место. Но тут в коридоре послышался громкий разговор, и дверь резко распахнулась. На пороге появился его новый хозяин, ещё более красный, чем раньше, а рядом — кто-то очень высокий и в мундире.

«Ай, ай! Пришли меня арестовывать», — подумал Космаля, соскочил на пол и залез под кровать. Там он забился в самый дальний угол и стал ждать, что же будет дальше.

— Из этого номера звонили в пожарную охрану! — строго говорил мужской голос.

— Но я не звонил! — отвечал хозяин Яцека. — Уверю вас, не звонил.

— Как это не звонили, — продолжал первый голос, — если телефонная станция утверждает, что вызов был отсюда. Вдобавок вы ещё разыгрывали пожарников! В вашем возрасте стыдно так шутить! Вы лаяли в трубку!

В ответ на это из коридора раздался громкий смех. Смеялись дежурная, лифтер и ещё несколько человек, которые жили в соседних номерах.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха! — разносилось по всему этажу.

— Клянусь вам, я не лаял, — уверял мужчина с усами. — С чего бы это мне лаять в телефон? Да как вы можете обвинять меня в этом!

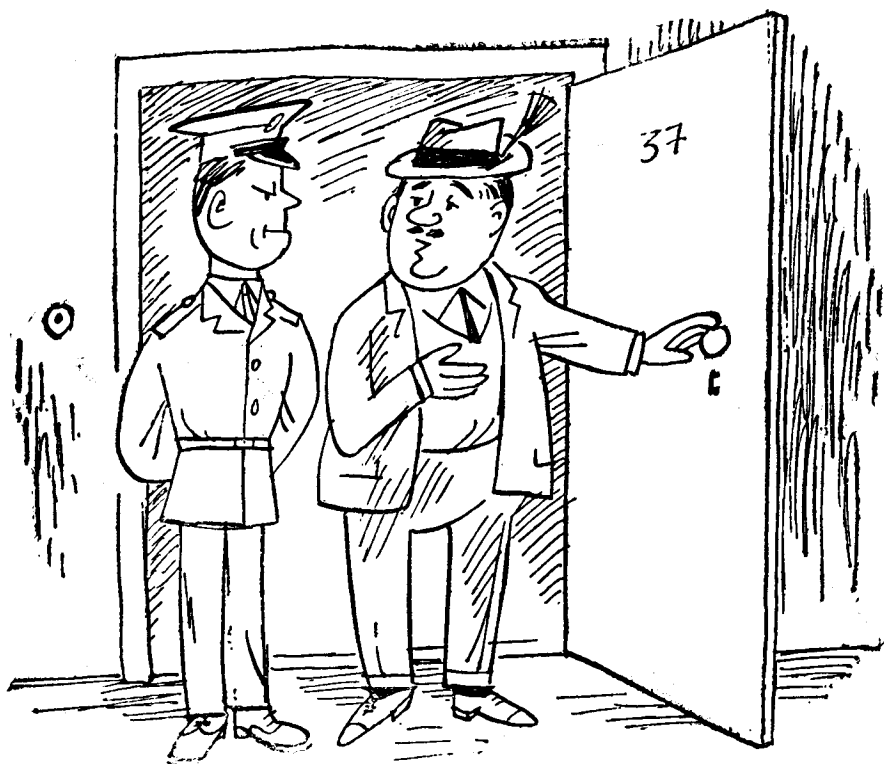
— Кто же в таком случае лаял, — гремел сердитый голос, — если вызов был из вашего номера? Да вот, поглядите, и трубка снята! Лучшее доказательство вашей вины!

— Я не виноват! Не виноват! Это недоразумение! — Хозяин Яцека даже подпрыгивал от возмущения.

— Кто же лаял?

— Может, моя собака залаяла! Я оставил в номере свою собаку!

— Ах, так? Значит, собака сняла трубку и набрала номер? Что вы нам сказки рассказываете! Ес-

ли бы у вас была такая собака, о ней бы уже все газеты писали. Подумать только: собака звонит по телефону!

— А может, это действительно такой необычный пёс? — говорил мужчина с усиками. — Я ведь о нём ничего не знаю. Всего час назад купил его у уличного торговца.

— И уличный торговец продал вам такого диковинного пса? — удивлялся голос.

«Хорошенькая заварушка, — подумал Космая даже с некоторым удовольствием. В своём убежище он чувствовал себя в безопасности, и происходящее начинало его развлекать. — Интересно, чем всё это кончится».

— Где же ваш пёс? — допытывался сердитый

голос. — Я спрашиваю, где собака, которая, как вы говорите, могла лаять по телефону? Я её не вижу!

— Но она ведь только что была здесь! Такая жёлтая такса с розовым бантом на шее!

— Не вижу тут ни жёлтой, ни голубой таксы! — распался голос.

— Никакая она не голубая, а жёлтая, — вежливо уточнил мужчина с усиками, — жёлтенькая. Все видели, как я вылез с ней из такси и вошёл в лифт!

— Что верно, то верно, — отозвался ещё какой-то голос. — Я сам поднимал на лифте этого мужчину с жёлтой собачкой. Такой длинной, на коротких лапках!

— Вот видите, — обрадовался мужчина с усиками, — значит, была собака!

— Куда же она подевалась?

— Может, спряталась? Надо её поискать! Это очень породистая и нервная собака, она могла просто испугаться и спрятаться, — уверял мужчина с усиками. — Сейчас я её позову! — И стал звать: — Собачка, собачка, иди ко мне! Собачечка, выйди, пожалуйста!

«Ага, собачка, собачечка! — заволновался Космая. — А стоит мне выйти, надаёте по шее. Все на мне отыграются!»

И решил не выходить из своего укрытия.

Но его хозяин твердил своё:

— Собака должна быть здесь, надо только хорошенько её поискать! — И наклонился, чтобы заглянуть под кровать.

Дело принимало такой опасный оборот, что Космая, не долго думая, встал на передние лапы и быстро втиснулся между пружинами матраца. Он сделал это буквально в последний момент, так как сразу же увидел заглядывающую под кровать голову своего усатого хозяина, а рядом и ещё чью-то голову.

«Заглядывайте, заглядывайте, всё равно меня не увидите, — торжествовал Космая. — Неплохо

это я придумал. Я тут немного посижу, а вы меня поищите!»

— Нет собаки! — удивился мужчина с усиками. — А ведь я оставил её в номере. Прекрасно помню, что закрыл дверь. И даже запер на ключ. Не иначе, как её украли! Украли мою чудесную, породистую таксу! Пан директор, я требую, чтобы вы немедленно начали поиски её по всей гостинице или заплатили мне компенсацию!

— У нас в гостинице ничего не пропадает! — воскликнул возмущённый директор, который только что вошёл в номер. — Наша гостиница самая лучшая во всём городе, самая удобная и вообще превосходнейшая.

— И тем не менее моя собака — породистая такса — пропала, — упорствовал хозяин Космали.

— Мы найдем её, и очень быстро, — заверил директор гостиницы. — У нас есть свои прекрасные детективы, которые займутся поисками вашей собаки. Эй, позовите сюда детективов!

— Прошу вас, пусть сейчас же начнут поиски, — подхватил мужчина с усиками, — и отыщут мою ценную собаку. Тогда, во-первых, окажется, что я невиновен, а во-вторых, вернут таксу.

После этого заявления Космаля почувствовал себя довольно скверно.

«Надо как можно скорее сматываться отсюда, — решил он. — Только как это сделать? И зачем я вообще впутался во всю эту историю!»

Хлопнула дверь, и в комнате воцарилась тишина. Наверно, все вышли. Может, пошли за детективами? Космаля потянул носом. Своим собачьим чутьём он определил, что в комнате никого нет. Успокоенный этим, он осторожно вылез из пружинной сетки и вышел на середину комнаты, чтобы хорошенько потянуться: у него ужасно затекли лапы.

Уф, как приятно расправить конечности. Если бы ещё избавиться от этого противного банта, который порядочного человека... то есть собаку... здорово

нервирует и щекочет ухо. Он сел и стал чесаться. К счастью, ему удалось зацепить когтем узел банта, бант развязался, и надоедливая лента свалилась с шеи. Космаля встал на все четыре лапы, отряхнулся и почувствовал себя значительно лучше. Потом он снова сел на ковёр, решил спокойно обдумать своё положение, но тут в коридоре раздались быстрые шаги — и дверь с шумом распахнулась.

Одним прыжком, быстрым как молния, Космаля исчез в своём укрытии между пружинами кровати.

В комнату, как ему показалось, вошёл его хозяин и ещё двое незнакомых людей.

— Значит, из этого номера украли вашу жёлтую таксу? — спросил один из вошедших.

— Именно так, пан детектив, — грустно ответил мужчина с усами, — из этого номера. Ах! Ах! — воскликнул он громко. — На ковре лежит розовая лента, которая была на шее моей собаки! Её украли! Ах! Её украли!

— Успокойтесь, пожалуйста, — откликнулся другой голос. — Я возьму эту ленту. Она облегчит нам поиски.

«Интересно, каким это образом? — подумал Космаля, пошевелившись в своём укрытии. Одна из лап застряла в пружине, это было очень неудобно. — Интересно, каким образом лента может облегчить поиски?»

Дверь опять хлопнула; должно быть, детективы удалились, слышались только приглушённые ковром шаги мужчины с усами, очень огорчённого происшедшим. Потом, очевидно устав ходить, он бросился на кровать.

Это было ужасно! Пружины матраца сжались и придавили Космалю.

— Ау-у-у-у-у-у, ау-у-у! — жалобно взвыл он.

Мужчина вскочил как ужаленный.

— Что это? — крикнул он. — Кажется, я слышал голос моей собаки? Или это мне только показалось?

— Вы меня чуть не раздавили, — проворчал в ответ Космая, вылезая из-под кровати. — Разве можно так бросаться на пружинный матрац!

Но мужчина с усами, не обратив внимания на ворчание, схватил его на руки, радуясь как ребёнок.

— Ты нашёлся, нашёлся, мой пёсик... даже не знаю, как тебя звать. Неважно. Придумаю тебе какое-нибудь хорошее имя... например, Цезарь, а? Годится? Или Филюсь! Но главное, что ты нашёлся. Неужели это ты лаял по телефону? Не может быть! Наверно, кто-нибудь забрался в номер и позвонил в пожарную охрану, чтобы сыграть с ними дурацкую шутку, а потом, напуганный тобой, сбежал, и подозрение пало на нас!

— Гав! Гав! — залаял в ответ Космая. — Ничего подобного, это я звонил, откуда и весь шум! И ещё буду звонить, ведь я пропал. Даже дважды пропал: один раз как Яцек Космая, а второй — как жёлтая такса. Вот так-то!

И чтобы доказать свою решимость позвонить ещё раз, он стал передними лапами на столик с телефоном.

— Ш-ш-ш-ш! — зашипел мужчина с усами и схватил его за мордочку. — Ш-ш-ш-ш! Не лай!

Конечно, он ничего не понял из слов Яцека, произнесённых на собачьем языке.

— Если будешь лаять, — толковал он, — всё начнётся сначала. Лучше всего нам обоим сейчас потихоньку исчезнуть отсюда. Правда, номер оплачен до завтра, ну да ладно, пусть пропадает!

С этими словами он взял Яцека на руки, сунул под плащ и на цыпочках вышел из номера.

13. И ВСЁ-ТАКИ ПИМПУСЫ!

Бегство из гостиницы удалось как нельзя лучше. На улице, всё время оглядываясь, не гонится ли кто-нибудь за ним, и продолжая крепко держать Яцека

под мышкой, мужчина с усами заспешил к ближайшему промтоварному магазину. По дороге он говорил:

— Надо непременно придумать тебе имя, мой пёсик. Это даже как-то глупо, что я не знаю, как тебя зовут. Поэтому я решил, что буду звать тебя... стой... как же всё-таки? Может быть, Цезарь?

«Цезарь — это, пожалуй, неплохо, — подумал Яцек. — Цезарь был вон кто!»

Но мужчина с усами, видно, передумал:

— А может, лучше всё-таки Пимпусь?

— В-р-р-р! — решительно раздалось в ответ из-под плаща. — Вр-р-р!

— Я вовсе не собираюсь зваться Пимпусь, — разнервничался Яцек, — подумать только, опять Пимпусь! Те — Пимпусь, теперь снова — Пимпусь! Неужели ничего лучше нельзя придумать? И потом, меня зовут Яцек, и не надо ничего выдумывать!

Тут он вспомнил: ведь надо постараться побыстрее вернуться домой и сообщить родным, что он все не пропал, а только превратился в жёлтую таксу. Яцек дёрнулся, пытаясь вырваться. Но хозяин держал его крепко, не собираясь выпускать, сказал только: «Сиди спокойно, Пимпусик!» — и заспешил дальше. Наконец он остановился перед витриной. Это был магазин спортивных товаров.

— Здесь! — с удовлетворением заметил владелец чёрных усов и толкнул дверь.

— Чем можем служить? — любезно спросила продавщица.

— Дайте, пожалуйста, кожаный поводок для таксы и намордник.

— Намордник?! — рявкнул, услышав это, Яцек, он же Пимпусь. — Намордник?! — Он ворчал так грозно, что все бывшие в магазине сразу же согласились: такой злой пёс должен носить намордник. Только ни у кого не хватало храбрости примерить этот намордник рвущемуся из рук грозному Пимпусю.

— Гав! Гав! Не дам примерить! Не позволю! — хрипел Пимпусь-Космаля.

В конце концов общими усилиями продавцов и мужчины с усами на него всё же были надеты кожаные элегантные лямки с длинным поводком и изящный намордник.

— Теперь, — сказал мужчина с усами, оплачивая покупку, — теперь можем ехать дальше. В деревню!

— В деревню? Я вовсе не хочу ехать в деревню! — Яцек-Пимпусь снова рванулся как сумасшедший, пытаясь сбежать вместе с поводком. — Мне надо домой, надо в школу! Я должен сообщить в милицию, что не пропал! — кричал он в крайнем возбуждении. Но поскольку всё это был обычный лай маленькой жёлтой собачки, никто не обратил на него внимания.

«Ах, до чего же плохо быть собакой», — с грустью подумал Яцек Космаля.

Выйдя из магазина, хозяин Пимпуса сел в такси и велел побыстрее ехать на вокзал. Там он купил билет, сел в поезд и занял в купе очень удобное место возле окна, а так как его жёлтая такса, кажется, тоже хотела смотреть в окно, он посадил её на колени.

«Может, мне удастся выскочить в окно?» — подумал Яцек.

К сожалению, окно было закрыто, и вдобавок перед самым отправлением поезда в купе вошла женщина с множеством свёртков и маленьким мальчиком. Она села напротив и сразу же стала возмущаться:

— Что это за порядок, чтобы собака ехала в купе! Я не согласна! Вот ещё! Проводник!

Поезд тронулся, а проводника нигде не было видно.

— Поглядите только, собака ей не нравится, — рассердился Яцек. — Собака её раздражает. Так где же мне ехать?

— Собака должна ехать в специальной клетке в

товарном вагоне, — выкрикивала женщина, — а не вместе с людьми!

— Нет, вы послушайте, — ещё больше разозлился Яцек, — я уже не могу ехать в нормальном вагоне!

— Он очень спокойный пёс и к тому же в наморднике, — успокаивал нервную женщину мужчина с усами. — Ведь он вас не укусил.

— Этого ещё не хватало! Заберите немедленно своего мерзкого пса!

— Это я-то мерзкий? — возмутился Яцек. — Я мерзкий! Вы слышали что-нибудь подобное?

И так расстроился, что даже заскулил.

— Тихо, тихо, пёсик, не волнуйся. — Хозяин погладил его по голове. — Ты очень хороший породистый пёс, просто эта женщина не разбирается в собаках.

— Разбираюсь или не разбираюсь, только я не могу позволить, чтобы собака ехала вместе с моим ребёнком! С моим дорогим Томусем!

Между тем дорогой Томусь уже успел высыпать на пол мусор из пепельниц, испачкать грязными ботинками новую красивую обивку сидений в купе и сейчас пытался дотянуться до занавески, чтобы её сорвать.

«Что за несносный мальчишка!» — Яцек Космала в облике жёлтой таксы даже затрясся от возмущения. Его хозяин, видя это, тоже стал кричать:

— Успокойтесь немедленно! Даже собака нервничала от всего этого шума. А ваш сынок ещё более несносный, чем мой Пимпусь!

— Хи-хи-хи-хи! Пимпусь! — захихикал Томусь и попытался уцепиться таксу за хвост.

«Видали, на мне намордник, защищаться я не могу, а он ко мне пристаёт, — возмутился Космала, — разве это справедливо? И вообще надо запретить приставать к собакам!»

В этот момент Томусю удалось схватить Яцека за хвост.

— Ау-у-у, — завыл Яцек, — больно!

А Томусь весело засмеялся.

— Мама! Смотри, как он меня боится!

— Скверный мальчишка! — стал на защиту своей собаки мужчина с усами. — А вы должны сказать сыну, что так делать нельзя!

— Томусик, веди себя хорошо, сынок! Не надо тянуть собачку за хвостик!

— А я буду тянуть! — упорствовал Томусь.

— Попробуй только! — грозно рявкнул Космаля и оскалил зубы.

— Вот видишь! Если будешь тянуть, собачка на тебя рассердится!

Тут разговор прервался, так как поезд остановился на какой-то станции и мама с сыном поспешно вышли. В купе стало тихо и хорошо. Космаля пытался выглянуть в окно, и наконец это ему удалось. Он даже сумел прочесть большую надпись на здании вокзала: «Жабья Воля».

— Ай, ай, ай! Жабья Воля! — жалобно заскулил Космаля. — Ай, ай, ай! Это же страшно далеко, где-то на краю света! Бедный я, бедный! И куда же везёт меня этот незнакомый человек? Что со мной будет?

— Тихо, пёсик, тихо! — успокаивал его мужчина с усами. — Скоро будем дома!

И гладил его по голове.

— Но я хочу к себе домой, — всхлипывал по-собачьи Яцек, — хочу домой!

Мягкое покачивание вагона и монотонный стук колёс действовали усыпляюще. Несмотря на все огорчения, Космаля всхлипывал всё тише и наконец уснул сладко и крепко. Так крепко, что не слышал, как поезд останавливался на разных станциях и как на одной из них мужчина с усами взял его на руки и вышел на перрон. Солнце уже клонилось к закату. Поезд, отправляясь дальше, пронзительно зашвистел.

— Ой! — испуганно вскрикнул Космаля, сразу проснувшись. — Ой! Что случилось?

Вскоре Яцек и его хозяин уже сидели в смешной бричке, запряжённой гнедым конём. На козлах торчал какой-то парнишка и правил. Щёлкая кнутом, он рассказывал обо всём случившемся за последние дни, а к мужчине с усами обращался: «Пан лесничий».

К Яцеку парнишка отнёсся добродушно. Для начала погладил его по голове и сказал, что хороший пёс в лесничестве пригодится, особенно охотничий, так как Бурый для этого не подходит.

— Только бы он не вздумал покусать этого маленького желточка, — добавил он, показывая на Яцека. — Бурый не любит чужих собак.

— Какого ещё желточка? — проворчал обиженный Космаля. Но никто не обратил на него внимания.

— Ничего, привыкнет, — успокоил лесничий и добавил: — А этого зовут Пимпуть.

Парнишка кивнул.

— Неплохо, хоть немного смешно, — похвалил он и, повернувшись на козлах, позвал: — Пимпуть!

Космаля, не очень-то довольный таким обраще-

нием, отвернулся и сделал вид, будто к нему это не относится. «Ничего себе, придумали имечко. Тут, в деревне, небось все будут надо мной смеяться».

И стал представлять себе, что было бы в классе, если бы кто-нибудь из ребят узнал, как его, самого Яцека Космалю, непобедимого вождя Команды Силачей, называют сейчас Пимпусь! Он тяжело вздохнул, но его размышления длились недолго, их прервал чей-то громкий смех. Смех звучал ехидно, и Космалю не сомневался — смеются над ним. Он спокойно зашевелился, прислушался и тогда понял, что это ржёт конь, запряжённый в бричку.

А конь заливался смехом.

— Хи-и-и-и, хи-и-и-и! — весело ржал он. — Пимпусь! Поглядите-ка: Пимпусь! Хи-и-и!

— Тихо ты, чего развеселился? — сердито тявкнул Космалю. — Имена бывают разные. И нечего тут смеяться.

— Как это — нечего, — фыркнул Гнедой и махнул презрительно хвостом. — Бывают случаи, когда и конь может посмеяться. Вот хоть бы над тобой — маленькая псина на кривых лапах, а важничаешь.

— Я вовсе не псина, а породистая охотничья собака, — проворчал Космалю, — и, кроме того, я ученик пятого В.

— Ну и насмешил! — снова заржал Гнедой и ускорил бег.

14. ГДЕ ЯЦЕК КОСМАЛЮ?

В тот день, когда Космалю не явился в школу и с самого утра продолжал свою непривычную «собачью» жизнь, а родители разыскивали его по радио, в школе номер семнадцать и, прежде всего, в пятом «В» все были ужасно озабочены исчезновением Яцека. Что с ним случилось? Почему возле школы найдены его куртка и портфель с книжками? Где Яцек Космалю?

Везде — на улицах, в квартирах, в кинотеатрах, на вокзалах — звучали сообщения об исчезновении мальчика. Всех волновала его судьба: дома переживали родители и тётка Леокадия, а сестра Божена то и дело плакала. Где Яцек Космаля?

В пятом «В» не было и речи о нормальных уроках. Все с нетерпением ждали новостей. Строились разные предположения.

— А может, он завербовался на какой-нибудь корабль? А может, стал космонавтом? Или ковбоем? Что он сейчас делает? Где находится?

— Всё узнаем, когда он вернётся, — сказал Вальдек, — зачем зря голову ломать. Яцек не таков, чтобы с ним могло случиться что-нибудь плохое. Увидите, он просто отмочил такую шутку.

— Шутку, — говорили другие, — какая же это шутка? Что его нет?

— А может, его схватили похитители детей? — волновалась Юлька.

— Ну, это уж вряд ли, — закричали в классе, — кому пришло бы в голову украсть такого Космалю! Ты, Юлька, тоже придумаешь! Вот ты бы его украла?

— Нет, конечно! — Она передернула плечами.

— Вот видишь! Кому нужен Космаля? Довольно, что у его родителей голова идёт кругом!

Во всяком случае класс жил в ожидании новостей об исчезнувшем Яцке, и все были так заняты этим событием, что даже любимая вызывалка «ухо, дыня» перестала, к великой радости учителей, находить желающих. Правда, Вальдек как-то попробовал вызвать Войтека, но Юлька тут же накинулась на него с криком: хватит, мол, этой вызывалки.

— Я вообще удивляюсь, как такие вещи приходят тебе в голову, когда исчез твой друг и вождь вашей Команды!

— Подумаешь! Раз нет Яцека, значит, я вождь Команды, — заявил Вальдек, — а если уж говорить об исчезновении, то он не такой лопух, чтобы по-на-

стоящему исчезнуть. Я его знаю. Он это сделал так, для интересу. Вот увидите!

Таково было мнение Вальдека.

Однако чем дольше не было новостей о Космале, тем большая часть класса склонялась к предположению Юльки о том, что его похитили. Аргументы были очень весомые: откуда взялась возле школы куртка Космали, ведь было уже довольно холодно, и Яцек по доброй воле наверняка не отказался бы от тёплой одежды?

Но были и такие ребята, которые при этом пожимали плечами.

— Кому надо похищать голого Космалю? — спрашивали они.

— А может, он оставил куртку потому, что переоделся во что-то другое, — предположила одна из девочек.

— Зачем он стал бы переодеваться? — засомневались некоторые ребята.

— Как зачем? Чтобы его нельзя было узнать!

Во всяком случае, дело дошло до того, что во время большой перемены Петрек предложил всем немедленно организовать новую Команду, которая занялась бы розысками Яцека. Большинству его идея очень понравилась, Юлька и Магда даже сделали специальные значки из серебряной бумаги от шоколада, и члены новой Команды сразу же нацепили их, только так, чтобы не было видно: ведь Команда была тайной. Было решено назвать её «Командой Сыщиков».

— Верно, здорово? — хвалился Петрек, ведь это он придумал название. И все согласились, что название действительно удачное. Правда, у Войтека были кое-какие возражения, и он даже подкинул мысль называться «Командой Искателей». Это вызвало довольно длинную дискуссию; Магда, например, заявила: «Услышав такое название, люди могут подумать, будто создана Команда Искателей Золота или Сокровищ, а ведь Космалю трудно считать

сокровищем». В конце концов победило название «Команда Сыщиков».

Следует ещё добавить, что хотя Вальдек был Силачом и не очень-то расстраивался из-за исчезновения Космали, он тут же сказал:

— Отлично! Я вступаю, но уверен: всё это липа.

Поскольку Команда была тайной, что, безусловно, требовалось при поисках следов и наблюдении за теми, кто мог что-нибудь знать об исчезновении Яцека, необходимо было придумать пароль и отзыв, которыми могли бы, когда это потребуется, обмениваться члены Команды Сыщиков. В результате после долгого совещания, проведённого шёпотом, были установлены пароль «Малыш» и отзыв «Дрозд».

Все сочли эту выдумку очень остроумной, и члены Команды стали время от времени тихо переключаться тайными словами.

Но ведь нельзя было ограничиться только выбором названия и паролем. Надо было действовать. С общего согласия руководство Командой было поручено Петреку, который, воспользовавшись тайнописью, разослал всем приказ:

«Внимание! Следить за подозрительными личностями, которые могли быть замешаны в исчезновении Яцека. Наблюдать за следами обуви и попытаться добыть отпечатки пальцев подозрительных лиц. При обнаружении чего-нибудь, что могло бы способствовать раскрытию дела, немедленно докладывать вождю Команды Сыщиков. Всем членам Команды принять приказ к исполнению».

Подпись: Вождь Команды Сыщиков.

Да, это выглядело солидно.

15. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Бричка долго катилась по мягкой песчаной дороге, и маленький Пимпусь в конце концов уснул, утомлённый дорогой и переживаниями, которые выпали на его долю.

Разбудил его толчок; при этом он чуть не свалился с сиденья, на котором лежал, завёрнутый в тряпку.

— Тпру! Гнедой! — крикнул парнишка, правивший бричкой. — Стой! Тпру!

Гнедой остановился, тяжело дыша, и сразу же раздался басовитый лай какого-то, видно большущего, пса.

— Гав! Гав! — лаял он хриплым голосом. — Поглядите на них! Приехали и сразу катят во двор! Смотри, Гнедой, мою будку раздавишь! Что за привычка так громко щёлкать кнутом! И вдобавок, если не ошибаюсь, в бричке приехал какой-то незнакомый! Ну-ка вылезай да покажись! Сдаётся мне, что это не приличный пёс, а так, ни то ни сё, на кривых лапах!

Космая при этих словах прямо взвился.

— Что? — залаял он тонко и пронзительно. — Что? Ни то ни сё? И вдобавок на кривых лапах? Ах ты Бурый, недрессированный! Пошёл в будку!

— Тихо, Пимпусь! — успокаивал его лесничий. — Что за лай? Бурый у себя, в своей будке, и имеет право лаять на чужую собаку.

— Что? Имеет право на меня лаять? — заливался Космая тонким, пискливым голосом. — Я ему покажу, можно ли на меня лаять! Пустите меня к нему! Загрызу!

— Гав! Гав! Поглядите на него! — звеня цепью, отвечал басом Бурый. — Поглядите на него! Он ещё будет мне грозить! Подойди поближе, ты, гнутая мебель, сразу узнаешь, кто кого загрызёт!

— Бурый, тихо! Пимпусь, тихо! — прикрикнул лесничий. Он держал Космая на поводке и даже шлёпнул его для успокоения.

— Только без рук! — рявкнул обиженный Космая. Ему было не больно, но стыдно. А Бурый тут же начал издеваться:

— Вот видишь? Видишь? Получил, да?

— Ну и получил, — огрызнулся Космаля и высунул длинный красный язык. Ему стало жарко.

Между тем от дома бежали к лесничему какие-то дети и женщина.

— Кароль, дорогой! — закричала женщина, бросаясь на шею лесничему, то есть мужчине с усами. — Как хорошо, что ты приехал!

А дети тянули лесничего за одежду и верещали:

— Папа! Папа, что ты нам привёз?

— Собачку привёз, — ответил лесничий. — Поглядите, какая хорошая собачка! Покажись, Пимпуть!

И поставил его на землю.

— Гав! Гав! — насмешливо залаял Бурый. — И это называется собака?

«Я вовсе не собака!» — хотел крикнуть Космаля, но не успел, так как дети схватили его на руки и начали гладить, приговаривая:

— Ах, какой он смешной, какой маленький! Какой у него чёрный мокрый нос! А какие длинные уши! И хвостик такой смешной и лапки! Кривые и короткие, как у крота!

— Оставьте меня в покое! — взвыл Космаля. — Я вовсе не смешной! Тоже мне, прицепились! Если вам не нравятся мои лапы, то и не смотрите. Гав! Гав!

— А как он смешно лает, — сказала одна из девочек. Теперь Космаля разглядел, что детей было трое: две девочки и один мальчик.

— Собака очень породистая и умная, — с гордостью заявил лесничий. — В гостинице её обвинили в том, что она звонила по телефону. И я даже думаю, они не ошиблись. К тому же это отличная собака для охоты. Особенно на лисиц!

«Ну, наконец-то меня признали, — подумал Космаля. — Хоть собака из меня получилась отличная. Правда, я никогда не охотился на лисиц, но думаю, что это не так уж трудно. Надо просто уметь хорошо стрелять. А я хоть никогда и не стрелял из на-

стоящего ружья, но уверен: у меня это получится прекрасно».

Он был так доволен собой, что даже завилял хвостом, чем вызвал новый взрыв восторга у всей семьи лесничего.

— Какой он миленький! — кричала младшая девочка.

— Мама, он, наверно, голодный! — закричала другая девочка. — Мама, ему, наверно, хочется пить!

— Ну, наконец-то я слышу разумные слова, — удовлетворённо протявкал Космалю, — конечно, я ужасно голоден и хочу пить. Лучше всего сейчас было бы выпить холодного лимонада.

К сожалению, о лимонаде не могло быть и речи. Когда они вошли в дом, старшая дочка лесничего принесла мисочку с холодной водой и поставила на пол.

— Пей, пёсик! — сказала она, глядя Космалю по голове.

— Только не гладь, я этого не люблю, — проворчал Космалю, — и вообще не люблю нежностей. Ты даже не знаешь, кто я такой. Поэтому не позволяй себе слишком много.

К сожалению, и на этот раз слов не получилось, а получился обычный лай, который девочка встретила с восторгом.

— Папочка, как он чудесно лает! И как смешно пищит!

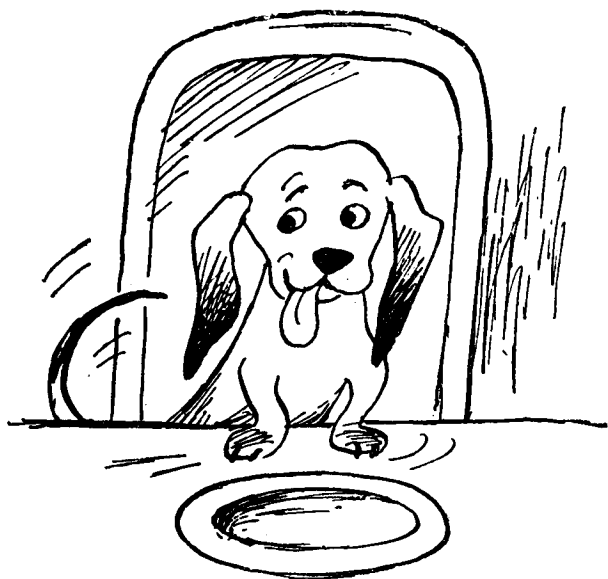
После этого Космале не оставалось ничего иного, как сунуть нос в мисочку с водой и с удовольствием захлюпать длинным красным языком, а когда он почувствовал, что больше пить не хочет, старательно облизнулся. Настроение его немного исправилось, тем более, что сразу же раздался збоннок, и лесничиха, то есть жена лесничего, начала кричать:

— Ужин! Дети, руки мыть! К столу! Ужин!

«Хорошо, что я пёс и мне не надо мыть руки, —

подумал Космаля, — оказывается, и в собачьей жизни есть свои преимущества. Наконец-то дадут поесть, а то я голоден как волк. Интересно, будет ли что-нибудь вкусненькое?»

Раздались шарканье ног и шум придвигаемых стульев — садились к столу. Космаля тоже быстро побежал туда и остановился возле одного из стульев. Стул был пуст, и Космаля решил сесть на него.

Да, но как? Стул был высокий, надо было прыгать. Он сильно оттолкнулся всеми четырьмя лапами, прыжок получился отличный. Теперь он сидел на стуле и мог убедиться, что лесничиха накладывает на тарелки аппетитные клёцки и кружочки жареной колбасы. Только он собрался попросить, чтобы ему дали порцию, как почувствовал, что чья-то рука ухватила его за загривок и подняла вверх. Это был лесничий.

— О-ля-ля! Пимпек! — воскликнул он весело. — Это ещё что? Хочешь сидеть за столом?

Обе девочки в ответ радостно закричали:

— Да, да! Папочка! Пусть он сидит за столом! Он будет есть с нами.

Лесничий, наверно, не имел бы ничего против и согласился бы, но жена запротестовала:

— Ни за что не соглашусь, чтобы собака ела за столом. Забрызгает всю скатерть, и вообще, на что это похоже? Будет есть из своей мисочки!

— Видишь, Пимпусь? Хозяйка не разрешает, — вздохнул лесничий и поставил Яцек на пол.

— Вр-р-р, — рассердился Яцек, — я ведь ужасно голоден.

— Надо его покормить, Хеленка, — добавил лесничий.

— Сейчас получит. Осталось немного супа от обеда, я уже налила ему в мисочку. Только пусть остынет.

— Ах, быстрее, быстрее, я не хочу ждать, пока остынет, — волновался Яцек.

— Подожди, пёсик, подожди! — успокаивали его девочки, а младшая погладила его, чтобы утешить.

Наконец лесничиха поставила на пол мисочку с супом. Суп был овсяный, Космаля его терпеть не мог, но сейчас ел с большим удовольствием. Съел быстро и даже дочиста вылизал миску. Он сразу почувствовал себя лучше, и собачья жизнь показалась ему не такой мрачной.

«Теперь мне должны дать кусочек колбасы, которая очень вкусно пахла», — подумал Яцек и облизнулся, так как ужасно любил колбасу. Но на этот раз ему не повезло. Хотя девочки и уговаривали маму угостить его, лесничиха сказала твёрдо, что собакам, особенно породистым, нельзя давать жареной колбасы: это им вредно.

— Мне не вредно, я очень люблю мясо! — тявкнул Космаля, но никто не обратил на это внимания.

После ужина девочки выбежали в большие сени.

— Иди, пёсичек, иди! — стали звать они Яцек.

— Прошу не называть меня «пёсичком», — рявкнул сердито Космая, но девочки, видно, не поняли и продолжали звать:

— Пимпусь! Иди сюда, пёсик! Иди! Смотри, какая у тебя чудесная кровать.

16. НЕОЖИДААННЫЕ ЗНАКОМСТВА

В корзине, на пахучем сене спалось великолепно, и наутро Космая проснулся отлично отдохнувшим. Не открывая глаз, он лениво потянулся и тут же вспомнил, что ещё вчера вечером был собакой. «Может, теперь я уже снова мальчик?» — мелькнула мысль. К сожалению, его тут же постигло разочарование. Стоило ему открыть глаза и увидеть свои короткие кривые лапки и тонкий хвост, чтобы убедиться: он всё ещё остаётся маленькой жёлтой таксой.

Но поскольку чувствовал он себя прекрасно, а сквозь приоткрытую дверь заглядывало весёлое утреннее солнце, он тут же решил, что не остаётся ничего иного, как осмотреть территорию и познакомиться с новым местом. Он выбрался из корзинки и осторожно вышел на крыльцо. С крыльца несколько ступенек вело во двор, ограждённый слева забором, очень высоким, как показалось Космале. Во всяком случае, по сравнению с его нынешним собачьим ростом забор выглядел высоченным. Между досками, из которых был сделан забор, проглядывали ветки кустов и высокая трава. С правой стороны двора виднелись разные хозяйственные постройки и огромная будка, в которой жил Бурий.

«Вот уж с кем мне вовсе не хочется встречаться», — подумал Космая. Он решил избегать той стороны двора, и пойти к забору, за которым раскинулся сад. Недолго думая, спустился с крыльца и потрусил туда. Но едва он сделал несколько шагов, как наткнулся на очень странных, как ему показалось,

птичек. Они были покрыты жёлтым пухом, смешно бегали и пищали. Он решил разобраться, что это за пташки, а заодно и припугнуть их, поэтому повернул в их сторону и щёлкнул зубами; тут же какая-то огромная птица, расправив крылья, с громким кудахтаньем бросилась на него.

«Наверно, это орёл», — в ужасе подумал Космаля.

И прежде чем понял, что это обычная квочка, почувствовал сильный удар клювом в лоб. От боли он жалобно заскулил, а квочка тем временем кудахтала:

— Я тебе дам — пугать моих детей! Не позволю обижать их! Убирайся, пока цел, а то клюну тебя ещё раз, да так, что запомнишь на всю жизнь.

— Отстань от меня! — твякнул Космаля. — Не думай, что я позволю тебе клеваться! Вот как выдеру из хвоста несколько перьев, сразу успокоишься.

И грозно оскалил зубы.

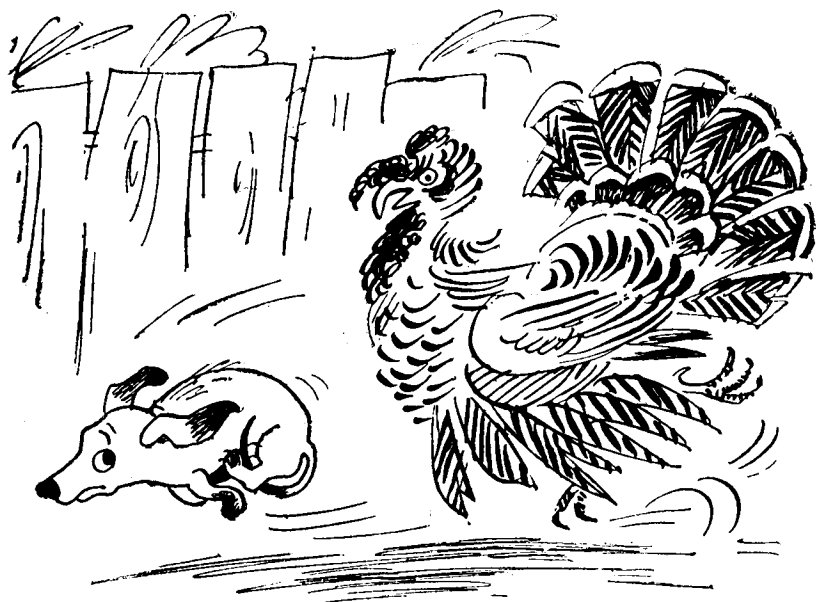
Только этого и не хватало квочке. Она ещё больше раскинула крылья и залилась пронзительно:

— Помогите! Помогите! Хулиган! Он обижает моих детей! А меня грозитя ощипать! Помогите!

На дворе поднялся большой шум. К кудахтанью квочки присоединились и другие голоса, в которых Космаля не мог разобраться. Он хотел ещё раз рявкнуть на квочку, но тут услышал странный шелест и увидел приближающееся к нему необычное существо. Это была огромная птица, раза в два больше его самого. Птица двигалась в сторону Яцека, шелестя встопорщенными перьями. Клюв у неё был громадный, а с клюва свисал ярко-красный нарост. Из горла раздавалось бормотанье:

— Что за чужак позволяет себе нападать на нашу квочку? Особу солидную и уважаемую! Пх-х-х! Пх-х! Вот как клюну нахала, сразу отучится обижать порядочных животных! Раз и навсегда!

«Это индюк! — мелькнула мысль в маленькой

голове пса Пимпуса, то есть Яцека Космали. — Это индюк! Но какой большой! Прямо слон!»

Конечно, индюк не был как слон, но ведь Яцек был всего лишь маленькой жёлтой таксой, значительно меньшей, чем рассерженный, надутый индюк.

— Убирайся отсюда! Пх-х! — бормотал тем временем индюк. — Убирайся! — и подходил всё ближе к жёлтой таксе.

— Ну что я такого сделал? Ничего я не сделал! — ворчал Яцек, пытаясь с честью выйти из этого положения. — Чего ты ко мне привязался?

Ответа он не услышал, зато почувствовал новый болезненный удар в лоб. Заскулив, он отскочил вбок. Квочка и индюк против него одного — силы неравные. Пора было побыстрее уносить ноги. Поджав хвост, он стал бочком отходить в сторону забора.

— Пх-х-х! Пх-х! — бормотал и шипел индюк. — Убирайся, и поскорее!

— Мы ещё поговорим, — тихо тьякнул Пимпуть,

так, для порядка, чтобы последнее слово осталось за ним, и задом проскользнул в сад.

Индюк двинулся дальше, надутый и взъерошенный, бормоча что-то не очень лестное о собачьей невоспитанности. А Космая в это время уже сидел за забором на зелёной благоухающей траве. Тут было очень приятно. Фруктовые деревья бросали уютную тень, кусты смородины и малины казались маленькому Пимпуску высокими деревьями, а цветы были с него ростом. «Прямо как в джунглях», — подумал Космая.

А поскольку от всего пережитого он немного устал, то решил слегка вздремнуть на мягкой траве и улёгся в тени.

«Ах, как чудесно!» — вздохнул он.

И тут же оказался нос к носу с каким-то созданием. Это была большая жаба, которая сидела на дорожке, уставившись на него своими выпуклыми глазами. Она показалась Яцеку огромной, глядела равнодушно и вовсе не собиралась удирать, хотя он принялся лаять на неё довольно угрожающе.

— Катись отсюда, лупоглазая!

— Вот ещё! — ответила жаба. — Сад мой, а что ты тут делаешь, приبلудный, неизвестно.

— Я приبلудный? — рассердился Космая и стал насккивать на жабу, пытаясь напугать её.

Тут он услышал человеческие голоса. Обернулся в ту сторону, откуда они доносились, и обнаружил, что это разговаривали двое парнишек. Они показались ему великанами, хотя им было не больше десяти — одиннадцати лет.

— Фелек, погляди, — крикнул один из них, — видишь жабу на дорожке? И того пса? Вот так уродец на кривых лапах!

— Такой пёс называется такса, — ответил второй парнишка. Он был рыжий и ужасно веснучатый.

— Такса не такса — всё равно уродец. Ты, псина! Взять её! Взять!

— Это он мне? — Космаля удивлённо посмотрел на ребят. Да, сомнений не было, веснушчатый вытянул руку в его сторону и повторил:

— Взять её! Взять!

— Как ты смеешь называть меня псиной! — разозлился Космаля и громко залаял на парнишку.

— Какой-то дурной пёс! — заметил другой паренёк. — Вот сейчас кину камнем в эту жабу, увидишь, что будет!

Он оглянулся в поисках камня. Жаба тем временем ускакала в кусты, а на дорожке осталась только жёлтая такса.

— Жаба сбежала, — отметил рыжий. — Кидай в пса!

Прежде чем Космаля успел отскочить, он почувствовал болезненный удар в заднюю лапу.

— Ау-у-у-у! — завыл он. — Ау-у-у, ты, хулиган! Я тебя сейчас...

Но ребята не обратили внимания на его вой, а рыжий прицелился вторым камнем. Бросок получился точным, и Космаля получил ещё один чувствительный удар. Надо было удирать, и как можно быстрее. Поджав хвост, Яцек кинулся напрямую через кусты. К счастью, он сразу же наткнулся на большую дыру в заборе и проскочил во двор. Там он осторожно оглянулся, не зная, что делать дальше, так как вспомнил недавнюю встречу с квочкой и индюком. И тут до него донёсся негромкий басовитый лай:

— Эй, малыш, беги ко мне, в мою будку! Тут тебе будет безопасно. Уж я скажу этим ребятам, что я о них думаю!

Яцек взглянул в сторону, откуда доносился голос. Перед будкой стоял Бурый, большой и косматый, и продолжал басом:

— Не бойся, беги скорей, а то они тебя опять ударят. Я вам покажу, хулиганы, как кидать камнями в маленького! Погодите только, уж я до вас доберусь! А ты, малыш, влезай быстрее!

Новый камень, брошенный рыжим, просвистел у самого уха Космали. К счастью, мимо. Ничего другого не оставалось, как воспользоваться приглашением Бурого. Космаля потрусил к будке и быстро сунулся внутрь. Там было тихо и спокойно. Он сел на солому, не зная, что делать дальше, когда вслед за ним в будку протиснулся Бурый. Космаля подвинулся, чтобы дать ему место, и был уверен, что сейчас повторятся вчерашние угрозы. Но — о диво! — Бурый дружески засопел, обнюхал его и даже лизнул в ухо.

— Не бойся меня, — проворчал он добродушно. — Ты, верно, не забыл вчерашнего разговора. Не сердись. Любой порядочный пёс не любит, когда в доме появляется чужой. Но теперь ты уже свой — и будем помогать друг другу. Против тех парней, которые приходят сюда и швыряются камнями.

— Они скверные! — жалобно заскулил Космаля. — Разве можно в такого маленького мальчика, я хотел сказать пса, кидать камнями!

— Скверные и подлые, — подтвердил Бурый.

— Они хотели меня обидеть, — жаловался Космаля.

— К сожалению, ещё есть ребята, которые обижают собак, — поучительно заметил Бурый.

— Да, есть такие, — повторил Космаля. И ужасно покраснел под жёлтой шерстью. Он вспомнил историю с таксой Продавца Шаров. Что говорить. Ведь он сам не раз кидал в неё камнями! И ему стало стыдно перед большим, добрым Бурым. Он опустил голову и сделал вид, будто ловит блоху где-то возле хвоста.

— Должен тебя предупредить, — шепнул Бурый, — в моей будке, к сожалению, есть блохи. В дворовых будках они всегда есть. Комнатные собаки этого не знают, зато у них меньше свободы. Не расстраивайся, и к блохам можно привыкнуть. Ты, наверно, городской пёс?

— Я вовсе не пёс, а Яцек Космаля! — взмущённо тявкнул Яцек. — Меня только предали в пса!

Бурый недоверчиво потряс головой.

— Путишь. Думаешь, если я простая деревенская псина, то можно меня разыгрывать? Ни к чему это. Я и так уже считаю тебя своим другом. Не бойся, не дам тебя в обиду. Если хочешь, я толкую и с тем глупым индюком, чтобы тебя не трогал.

— Спасибо, ты хороший парень, то есть пёс, — ответил Космаля, стараясь не глядеть Бурому в глаза. И тут же почуял какой-то аппетитный запах. Потянул носом.

— Хорошо пахнет, правда? — вежливо спросил Бурый. — Честно говоря, я тут припас тебе небольшое угощение. Вот, отведай!

С этими словами Бурый разгрёб лапой солому и вытащил из-под неё большую кость, на которой было ещё немало мяса.

— Лесничиха дала, — пояснил он, — а я припрятал для тебя. Попробуй, какая вкусная да хрустящая.

Космаля ещё раз потянул носом. Кость действительно выглядела очень аппетитно и пахла чудесно.

— Изумительная! — тявкнул он с восторгом.

— Вот видишь! — удовлетворённо сказал Бурый. — Чего не сделаешь для друга!

17. СЫЩИКИ ДЕЙСТВУЮТ

Пока Яцек Космаля переживал столь необычные приключения, Петрек и вся Команда Сыщиков продолжала активные розыски. Прежде всего, сразу после уроков они несколько раз внимательно осмотрели место, где был найден портфель Космали. Войтек, чтобы получше изучить следы, даже принёс из дома лупу. Правда, это была не совсем его лупа, он вы-

просить её у старшего брата, но для дела это не имело значения. Главное, у них была настоящая лупа и сквозь неё можно было внимательно изучить следы. Ведь это могло здорово помочь в поисках. Петрек твердил, что без лупы никак нельзя. Правда, сквозь лупу лучше всего было разглядывать кожу на руках. Она была похожа на кожу слона или гиппопотама. Во всяком случае, через лупу было видно больше. Петрек даже уверял, что с её помощью различает следы мужских ботинок, а это могло подтвердить мысль о похищении Космали.

Но Вальдек тут же его высмеял:

— Не может быть, ребята! Чтобы Яцек дал себя похитить? Что вы! Такой сильный парень! Он сам бы ещё надавал тому, кто захотел бы на него напасть.

— А если это был кто-то очень большой и сильный, Яцек бы с ним не справился, — упорствовал Петрек. — погоди, дай мне лупу! Я ещё раз осмотрю следы.

— Они совсем затёрты, ничего не поймёшь, — отметил Вальдек.

— Не знаю, что и думать, — пробормотал расстроенный Петрек.

— Есть мысль! — Юлька даже подпрыгнула от возбуждения. — У меня мысль! Я читала, что при розысках часто используют собак...

— Ну и что? — прервал её Вальдек. — Где нам взять такую собаку? Ведь она должна быть специально натренирована!

— Вовсе нет! — возразила Юлька. — Я знаю одну собаку! Она очень умная. Наверно, самая умная из всех собак! Уж если она стала бы искать, то наверняка бы нашла!

— Не верю я в твою необычайную собаку, — сказал Вальдек. — Собака должна быть милицейская, дрессированная!

— У меня тоже дрессированная! — защищала Юлька свою подопечную. — Она умеет подавать ла-

пу, понимает, когда ей говоришь «сидеть», и изображает мёртвую.

— Э-э-э, такое каждая собака умеет!

— Не знаешь, а говоришь, — не на шутку рассердилась Юлька.

— Как это — не знаю! В собаках я разбираюсь. Подавать лапу каждый щенок умеет, — настаивал Вальдек.

— Зато она ещё умеет приносить из газетного ларька газету, играет в прятки и провожает сына хозяев в детский сад!

Это уже звучало солидно. Столько достоинств и талантов!

— Её зовут Гапа, — сказала под конец Юлька.

— Гапа? — повторили ребята. — Так ведь Гапа — это большая кудлатая собака, которая иногда бегаёт возле школы.

— Точно, — кивнула головой Юлька. — Её специально прозвали Гапой *. В шутку. Чтобы все думали, что она действительно растяпа, хотя на самом деле она очень умная.

— А знаете, это даже хорошо! — решил Войтек. — Получается как бы маскировка. Никто не догадается, что собака с такой кличкой может использоваться для розысков похитителей Космали.

— Так я сейчас сбегаю и спрошу, дадут ли нам её, — предложила Юлька. — А если мой дядя согласится, то возьму собаку — и мы встретимся после обеда.

— Договорились.

— Сбор в половине пятого, — уточнил Петрек, вождь Команды Сыщиков. — Только без опоздания!

— Можешь на меня положиться, — решительно ответила Юля.

— Почему это только на тебя? На нас тоже, — возмутились Вальдек и Войтек. Они хотели ещё что-

* Гапа — ретривер, разиня, растяпа. (Примечание переводчика.)

то добавить, но передумали: ведь благодаря милицейской собаке, выступающей под псевдонимом Гапа, Юлька теперь стала важной особой.

Впрочем, не только важной, но и надёжной.

Ровно в половине пятого, когда ребята собрались в условленном месте, Юлька прибежала вместе с Гапой, держа её на поводке.

— Вот это и есть Гапа, — представила девочка.

— Мне кажется, — неуверенно заметил Петрек, что она не очень-то похожа на милицейскую собаку. Разве милицейские собаки бывают пятнистые?

— Ты что, сдурел, Петрек? — осадил его Войтек. — Так ещё лучше! Никто не догадается, что это за пёс. Вроде обычная собака, белая в бурых пятнах, а она спокойно будет идти по следу, понял? И никто не догадается, в чём дело.

— Отлично! Годится, — поддержал Войтека Вальдек.

— Вот и мне показалось, что это подходящий пёс, — скромно сказала Юля, а в душе чуть не лопалась от гордости. — Уж я-то в этом немного разбираюсь.

— Гм, тогда пора начинать розыск, — не очень уверенно заметил Петрек.

— Конечно! — Юля потянула Гапу за поводок. — Гапа! — сказала она тихо и очень таинственно. — Гапа, теперь внимание! Понюхай этот след. Очень важно, чтобы ищейка понюхала первый след.

Однако то ли Гапа была другого мнения, то ли не прочувствовала ещё всей важности возложенной на неё задачи, но вместо того, чтобы нюхать следы, она села на задние лапы и, склонив голову набок, смотрела на Юлю с живым интересом.

— Гапуля! Будь умницей, понюхай след! — снова попросила Юлька. Гапа ответила вежливым помахиванием хвостом.

— Ну, Гапа! слышишь?

— А может, она боится? — высказал предположение Войтек.

Юльке только этого и не хватало.

— Что? Такой пёс — и боится?! Гапа! За дело! Покажи, на что ты способна! Ну?

Неизвестно, что поняла из этих слов Гапа, только вдруг она сорвалась с места и с громким лаем бросилась вперёд. А за ней и вся Команда Сыщиков.

— Почуяла! Почуяла! — обрадовался Петрек.

— Я же говорила, что это настоящая ищейка! — торжествовала Юлька. — Теперь сами видите.

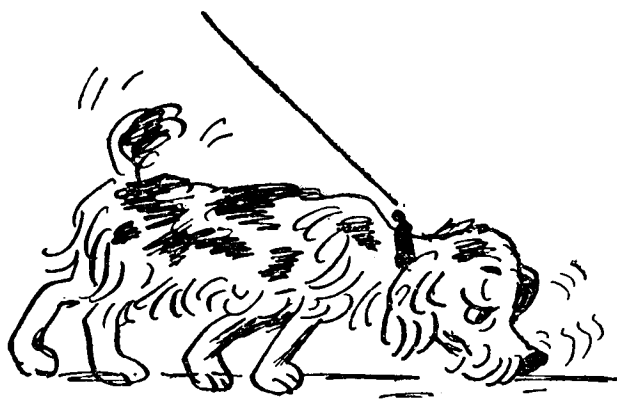
Гапа тянула её так сильно, что Юлька мчалась, едва переводя дух, и то и дело спотыкалась.

— Давай я её подержу, — крикнул Войтек.

— Скорее я должен её вести, — откликнулся Петрек.

— Но ведь это я придумала! — защищалась Юлька, хоть уже порядком устала. Она тяжело дышала, а Гапа, как сумасшедшая, носилась по всей площади перед школой.

— Она ищет след. Видно, Космаля ходил здесь взад-вперёд. — Войтек с интересом наблюдал за Гапой.

— А может, взад-вперёд ходил тот, кто похитил Космалю?

— С чего бы ему так ходить, и зачем вообще похищать Космалю? — рассердился Вальдек. — Не верю я в похищение. Кто вообще это придумал?

— Может, похититель раздумывал. Потому и ходил взад-вперёд. Мой дядя, когда о чём-нибудь думает, всегда так ходит, — заметил Петрек.

Вальдек пожал плечами.

— Всё равно не верится. А ты, Юлька, лучше отдай собаку Петреку или мне.

— Хорошо, — согласилась Юля, — пусть теперь Петрек поведёт собаку, а когда устанет, я снова возьму поводок.

Неизвестно, оттого ли, что Петрек взялся за поводок, или просто Гапа обнаружила что-то новое, но она внезапно резко рванулась. Чёрный мокрый нос Гапы касался земли, она решительно потянула Петрека в сторону улицы Осенней.

— Теперь она наверняка взяла след! — кричала Юля.

— Тихо ты, — прикрикнул на девочку Вальдек, — а то ещё собьёшь собаку с толку! Теперь надо только бежать за ней. Петрек, когда устанешь, дашь поводок мне.

— Хорошо!

Петрек уже тяжело дышал, но в душе поклялся себе, что ни за что на свете не отдаст поводка, особенно теперь, когда Гапа, казалось, взяла след.

Но вот неожиданность! Гапа вдруг свернула на улицу, где жил Космая. Она бежала, виляя хвостом и весело лая. При этом не обращала никакого внимания на то, что запыхавшиеся от бега члены Команды Сыщиков едва за ней поспевают.

— Ой, не могу больше! — охал время от времени Вальдек. — Куда эта сумасшедшая мчится!

— Верно, знает, куда мчится! — отвечала Юлька, тяжело дыша раскрытым ртом. Петрек даже не отвечал, а только из последних сил нёсся вслед за Гапой.

К счастью, Гапа вскоре остановилась. Как раз в том месте, где утром встретила Космалю в собачьем облике. Она внимательно обнюхала траву, тявкнула два раза, потом села, высунув язык. Вид у неё был

очень довольный. Она виляла хвостом и смотрела на ребят, словно ожидала восхищения и похвал.

Но Сыщики не выражали особого восторга.

— Да ну,— махнул рукой Вальдек,— наговорила Юлька неизвестно чего. Собака просто прибежала сюда, потому что ей так захотелось, вот и всё!

— Вот уж нет,— возмутилась Юлька,— она наверняка знает, зачем сюда прибежала. Видишь, как она умно на нас смотрит?

Вальдек уже собирался ответить что-то не очень любезное, когда заметил, что к ним бежит запыхавшийся Мачюпа.

— Откуда ты взялся?!

— А я увидел издалека, что вы бежите, вот и пустился вдогонку. Ну ты, Петрек, здорово гнал за этим псом! Марафонский бег! Даю слово... Я подумал, что вы уже что-нибудь знаете о Космале, ведь тут живут его родители. Он вернулся?

— Нет, не вернулся, — покачали головами ребята.

— А ведь верно,— крикнул Вальдек,— верно! Здесь живёт Космаля. Может, зайдём к нему домой и спросим, нет ли каких новостей?

— Если бы были новости, в школе наверняка бы знали! — заметил Петрек. Он хотел ещё добавить, что, наверно, неудобно вот так заходить и беспокоить расстроенных родителей, но Юлька прервала его:

— Вот видите? Разве я не говорила, что Гапуля очень умная? Ведь если Космаля здесь живёт, значит, она бежала по его следам! Потому нас сюда и привела. Наверняка Яцек тут был!

— Конечно, был, если он тут живёт, — вздохнул Петрек. — Ну и что дальше?

— Это зависит от Гапы! — запальчиво крикнула Юля. — Мы должны положиться на неё, пусть ведёт нас!

— Ну ладно, — согласились ребята, — только пойдёт ли она дальше?

— Посмотрим. Что, Гапуля, поведёшь нас, а? — с надеждой спросила Юлька.

Гапа встала, и все поняли: она готова бежать дальше.

— Я бы тоже пошёл с вами, только если не надолго, — сказал Мачюпа. — Который сейчас час?

— Без трёх минут пять, — ответил Петрек, так как у него были часы.

— Ладно, согласился Мачюпа, — у меня есть ещё часок. А уроки вы сделали?

— Конечно, — ответили все, — ведь из-за того, что пропал Космаля, почти никто ничего не задал на завтра!

— Ну так что? Что с собакой? — допытывался Вальдек.

— Сейчас, сейчас, — успокоила его Юлька, — надо с ней потолковать.

И присела возле Гапы.

— Гапуля, ищи, ищи дальше, умная собачка!

Гапа побежала дальше. Сначала по улице Осенней, потом по Жасминной, пересекла Кленовую аллею и добралась до переулка, в котором жил продавец собак. Взбежала по лестнице и остановилась перед дверью. За ней чуть ли не на четвереньках взобрались измученный Петрек и остальные ребята.

Гапа стояла под дверью и громко нюхала.

— Здесь, — шепнула Юля.

— Что — здесь? — спросил Вальдек и сел на ступеньку, так как здорово устал.

— Не понимаешь? — рассердился Войтек. — Тут, наверно, прячут Космалю.

— Как это — прячут?

— Не могу больше! Ничего не понимаешь! Ну те, которые похитили Космалю, прячут его здесь.

Вальдек даже побледнел. Вот это да! Они стояли у двери похитителей Космали.

— Не дрейфь, — шепнул Мачюпа, — я войду первым. Я ничего не боюсь.

— Ти-и-ихо! — шикнул на него Петрек. — Ни-

куда ты не войдёшь; сначала надо решить, что делать дальше.

— Что тут решать? — вмешался Войтек. — Собака привела нас сюда. А такая почти милицейская собака знает, что делает. Идём!

И он постучал в дверь... На стук никто не ответил.

— Наверно, всё же не здесь! — решил Вальдек. — От твоей собаки, Юлька, никакого толку.

— Как это — никакого? — возмутилась Юлька. — Вот увидите! Надо постучать сильнее. Или позвонить, вон звонок.

И она нажала на кнопку. Через минуту все услышали тяжёлые шаркающие шаги.

— Кто там? — прохрипел сердитый голос.

— Что сказать? — растерянно спросила Юлька.

— Как это — что? — заволновался Петрек. — Откройте! Это мы!

— Что за мы? — снова спросил голос за дверью.

— Мы! — повторил Петрек. — Откройте!

Заскрипел засов, и дверь приоткрылась. За ней показалась пожилая, очень толстая женщина.

— Кто такие? — ворчливо спросила она своим хриплым голосом.

— Мы товарищи Яцека, — быстро ответил Войтек.

— Какого Яцека? Что всё это значит? Убирайся! — последнее относилось к Гапе, которая, воспользовавшись приоткрытой дверью, резко рванулась и проскочила в квартиру. При этом она так резко дёрнула Петрека, что он повалился вперёд, прямо в дверь, выпустив поводок.

— На помощь! — крикнула старуха. — Грабят!

— Извините, пожалуйста, — пробовала успокоить её Юлька, — никакие мы не грабители! Мы только ищем Космалю! То есть Яцека Космалю!

— Ничего не понимаю! Что это за собака? Почему она ворвалась в мою квартиру? Она может меня укусить! Заберите её немедленно!

— Но она ищет Космалю! — объяснил Вальдек.

— Что за глупости! — не на шутку рассердилась старуха. — Убирайтесь немедленно! Вы просто банда хулиганов.

— Вовсе нет, — решительно возразил Петрек, который уже успел прийти в себя. — Мы Команда Сыщиков.

— Хулиганы вы, а не сыщики! На помощь! На помощь!

— Не хулиганы мы, успокойтесь, пожалуйста! — закричали ребята хором. К ним присоединилась и Гапа, её громкий лай звучал так пронзительно, что можно было подумать: в квартире происходит что-то ужасное.

Начали открываться другие двери на лестничной площадке.

— Что случилось? — спрашивали все.

— Это банда хулиганов! Воры! Похитители! Помогите! — кричала старуха во весь голос, показывая на Юльку, Петрека и остальных ребят.

— А что они сделали? — поинтересовался какой-то старичок в очках.

— Они вас ударили? — спросил кто-то другой.

— Вот ещё, я бы им показала, — заверила сердитая старуха, — только они явились неизвестно зачем, да ещё с собакой. А мне уже сегодня надоели собаки. Внучек мой прибегал с какой-то собакой, но то была такса. Жёлтая такса.

— Жёлтая такса? — изумлённо ахнул Петрек и даже подскочил от возбуждения. — Слышите, — обернулся он к ребятам, — тут была жёлтая такса.

— Это неспроста! — воскликнула Юлька. А Вальдек и Войтек добавили:

— Может, это пёсик Продавца Шаров?

— Очень может быть, — убеждённо подхватил Мачюпа.

— А я видела, как ваш внучек нёс такого жёлтого пёсика с розовым бантом! — крикнула одна из соседок.

— Ну и что, что нёс, разве нельзя? — рассердилась толстая старуха. — Сказала, убирайтесь, и конец.

— Ладно, уходим, — ответил немного обиженный Петрек, — мы ничего плохого не сделали. Пошли!

— Гапа! Веди! — скомандовала Юлька. — Будем искать дальше.

Гапа снова послушно стала нюхать и побежала, опустив голову к земле, таща за собой на поводке Юльку. Следом помчались остальные ребята. Миновали несколько улиц. Гапа бежала всё быстрее и вдруг замерла перед входом в большое красивое здание. Сыщики в удивлении остановились и окружили её.

— «Гостиница», — прочитал Петрек над входом, а Гапа тем временем толкала носом дверь и скребла её лапой.

— Гапа хочет туда войти! — крикнул пораженный Войтек.

— Не укрылись ли там похитители? — подхватил Вальдек.

— Войдём, — решил за всех Мачюпа.

Это было смелое, по-настоящему мужское решение, но ничего из него не вышло. Помешал высокий, шикарно одетый мужчина. На нём был красный мундир с золотыми пуговицами и фуражка с золотым околышем.

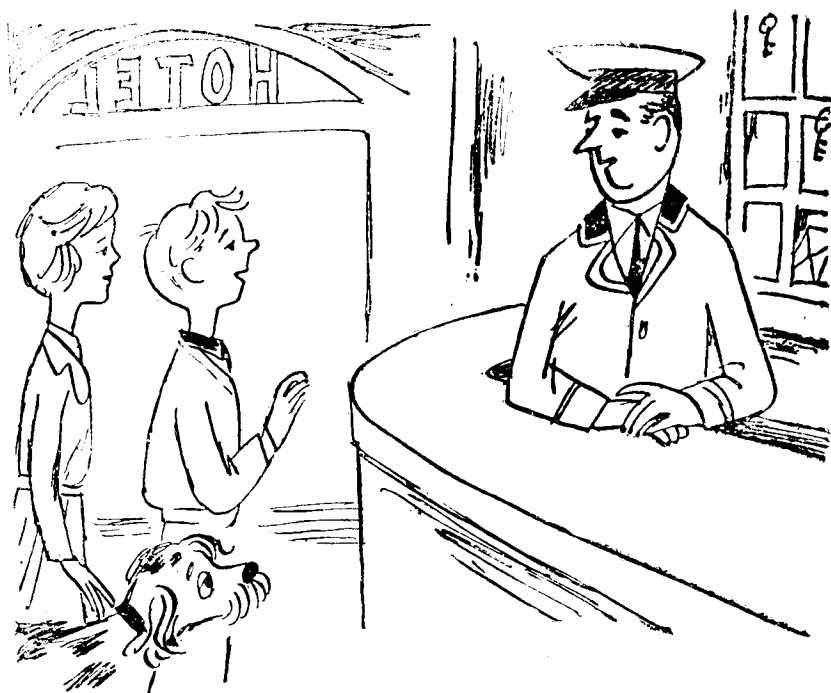
— Куда лезете? — спросил он строго.

— Мы за Гапой, — как можно вежливее объяснила Юлька. — Гапа...

— Что за гапа? — рассердился незнакомец в сверкающем золотом мундире. — Если думаете, что я ротозей, то очень ошибаетесь.

— Нет, что вы, Гапа — это наша собака, — поспешно объяснил Петрек. — А мы хотим сюда войти...

— Кто это? — шёпотом спросила Юлька Мачюпу.

— Не знаю, — ответил Мачюпа, — но, видно, кто-то важный, если кричит и не пускает.

Одетый в красное мужчина продолжал сердиться:

— Зачем вам входить? С собаками входить нельзя...

— Но ведь это же почти милицейская собака...

— Что? — мужчина даже подскочил. — Милицейская? Хватит с нас милиции, и пожарной охраны, и собак. Бегите-ка отсюда, и побыстрее.

— Наша собака ищет одного мальчика...

— С ума можно сойти! — охнул мужчина в красном. — Ничего не понимаю! Сегодня утром какая-то собака, вроде бы, звонила в пожарную охрану. Из-за этого у нас в гостинице был большой шум. А теперь вы говорите, что это милицейская собака, хотя она вовсе не похожа на милицейскую. Правда, та была ещё меньше похожа на собаку, которая

может звонить по телефону. Разве может звонить маленькая жёлтая такса? Да ещё с розовым бантом на шее. Вот именно, все говорили, что на ней был розовый бант.

Теперь Петрек, Юля, Войтек, Вальдек и Мачюпа поглядели друг на друга.

— Вы говорите, пан администратор... — вежливо начала Юлька.

— Откуда она знает, что это администратор? — снова шёпотом спросил Вальдек.

— Тихо ты, — шикнул Мачюпа, — не видишь, у него на фуражке написано.

И действительно! На фуражке одетого в красное великана золотистые буквы складывались в слово «администратор».

— Понял, — пробормотал Вальдек.

Тем временем Юлька возбуждённо расспрашивала:

— Так вы говорите, пан администратор, что это была жёлтая такса? С розовым бантом?

— Именно так. Из-за неё тут был большой скандал. Приезжала пожарная охрана и милиция. Шуму было немало. А теперь бегите, тут нельзя стоять в проходе. Видите, приехали иностранные гости.

— Извините, ещё одно только слово, — умоляюще проговорила Юля, с трудом удерживая рвущуюся в гостиницу Гапу. — Скажите нам только...

— Скажите нам только, — подхватил следом за ней Петрек, — что было дальше с этой таксой.

— Уехала вместе со своим хозяином, — нетерпеливо ответил администратор, — а теперь исчезайте!

Он отвернулся и быстро пошёл к машине, из которой вылезли какие-то люди.

— Что же делать? — беспомощно произнёс Петрек. — Слышали? Со своим хозяином. Может, это был Продавец Шаров?

— А ты всё о своём Продавце! — рассердился Вальдек. Войтек поддержал его:

— Я вообще ничего не понимаю. Кого мы ищем, Космалю или какую-то жёлтую таксу? У меня уже всё в голове перепуталось!

— Это всё из-за Гапы, — откликнулся Вальдек. — Вместо того, чтобы искать Яцека, она вела нас по следу неизвестного пса!

— Только не кричи на Гапу, — возмутилась Юлька и хотела ещё что-то добавить, но Петрек прервал её:

— Погодите, сейчас не время ссориться. Давайте подумаем спокойно. Сейчас, сейчас! Минутку.

Он повернулся и снова подошёл к администратору.

— Извините, пожалуйста, — сказал он как можно вежливее, — тот мужчина, который уехал с собачкой, это был Продавец Шаров?

Администратор от удивления широко раскрыл глаза:

— Какой ещё продавец шаров, мальчик? Это был лесничий!

— Лесничий? — теперь уже удивился Петрек. — Ничего не понимаю. — Он вернулся к ребятам. — Просто не знаю, что делать дальше. Лесничий! Удивительная история!

Но Юлька не теряла присутствия духа:

— Знаете что, попробуем ещё немного. Что нам стоит? Пройдём ещё кусочек за Гапой. Веди, Гапуля!

— Эх, твоя Гапуля действительно разиня, — зло проворчал Вальдек, но побрёл следом за всеми.

— Если не хочешь, можешь не искать, никто тебя не заставляет, — отозвался Петрек. — Я считаю — необходимо ещё попробовать. У меня есть полчаса, потом я должен идти домой.

— Договорились! — подхватили остальные члены Команды Сыщиков. — Нам тоже надо скоро возвращаться, а то дома будут беспокоиться. Ты, Вальдек, делай как хочешь.

— Мне надоело бегать за этой глупой собакой, — Вальдек пожал плечами. — Вдобавок я договорил-

ся с ребятами сыграть в футбол. Космалю мы всё равно не найдём. Тут вся милиция его ищет. И по радио тоже.

— Милиция — само собой, а мы — само собой, — решительно сказала Юля. — И кивнула головой: — До свидания. — Потом погладила Гапу и, наклонившись к ней, шепнула на ухо: — Ищи, Гапуля, ищи дальше.

В ответ Гапа весело завиляла хвостом, твякнула и бросилась вперёд. Ребята побежали за ней и вскоре оказались перед железнодорожным вокзалом.

— Наверно, его увезли, — вслух предположил Петрек.

— Кого ты имеешь в виду? — спросила Юлька. — Жёлтого пёсика или Космалю?

— Честно говоря, не знаю, — признался Петрек. — Теперь ничего уже не знаю. Отсюда уходит столько поездов...

— И в одном из них, возможно, ехал похищенный Космалю, — грустно добавил Мачюпа.

— А не могла бы она, то есть Гапа, показать, в каком поезде уехал Яцек? — спросил Войтек Юлю.

— Иди ты, откуда собака может знать такие вещи! — стал на защиту Гапы Петрек. — Этого она наверняка не знает.

— Тут слишком много следов, — пояснила Юлька.

— Значит, нам здесь нечего делать, — вздохнул Вальдек.

С минуту они стояли, грустно опустив головы, потом решили:

— Всё, надо возвращаться домой.

18. БОЛЬШАЯ ОХОТА

Яцеку Космале снилось, что он в классе и из маленькой рогатки целится прямо в нос Петреку, и тут он почувствовал, что кто-то взял его за шиворот. Он

открыл сначала один глаз, потом другой и убедился, что всё ещё остаётся собакой, что прекрасно спал в просторной, хоть и с блохами, будке почтенного Бурого. Рука, которая так безжалостно вырвала его из приятного сна, принадлежала не кому иному, как самому пану лесничему.

— Эй, Пимпусь! — кричал он. — Хватит храпеть! Едем на охоту.

— Вот ещё, — буркнул Космая, — на охоту! Не хочу я. Мне очень хорошо в этой будке. К тому же я устал и хочу отдохнуть. Да и что я буду делать на охоте, если в этих кривых собачьих лапах не сумею удержать ружья? Нет, не нравится мне всё это.

Но лесничий был неумолим.

— Иди, Пимпусь! К ноге!

И без всяких церемоний вытащил Космая из будки.

— Не хочу! Не хочу! — отбивался Яцек. — Не пойду никуда! Останусь тут с моим другом Бурым!

— Ничего не поделаешь, — проворчал Бурый. — Придётся идти, если зовут. Такова уж наша собачья доля, мой дорогой.

— Я же говорил тебе: я не собака! — возмущённо таявал Космая. — Я мальчик!

Бурый поглядел на него недоверчиво.

— Непохоже, чтобы ты был мальчиком, — пробормотал он. — Разве ты сможешь ходить на двух ногах? И потом, ты покрыт шерстью, а люди голые, на них совсем нет меха. Да и вообще ты не похож на человека. Разыгрываешь меня.

— Нисколько не разыгрываю, — вздохнул Космая. — Во всяком случае, спасибо тебе за гостеприимство и за кость. Она была чудесная.

На прощание он лизнул Бурого в чёрный мокрый нос.

— Привет! Держись! — пролаял в ответ Бурый.

Лесничий пристегнул Космале поводок и поднял его на бричку. Они поехали полевой дорогой и скоро добрались до леса. Там лесничий вылез, спустил

Космалю с поводка и стал внимательно вглядываться в траву и кусты.

— Есть, есть! — вдруг крикнул он. — Тут недавно проходила лиса. Ищи, пёсик, ищи!

И действительно, потянув носом, Космалю почуял какой-то странный острый запах. Он не сомневался, что это запах лисы, и тут же почувствовал желание пойти по следу. Опустив нос к земле, он побежал, стараясь не потерять этот запах. Лесничий подзадоривал его:

— Ищи, Пимпусь, хорошая собачка! Ищи!

«Ясно, буду искать и найду, — подумал Космалю. — Поймаю лису. Ещё никто в нашей школе не был на охоте. Принесу эту лису в класс. Вот будет шуму! Девчонки наверняка будут бояться её и ужасно пищать. А мне хоть бы что — принесу её просто под мышкой. И так адрессирую, чтобы всех кусала, а меня нет».

Так он воображал, труся по следу, но тут до него снова донёсся голос лесничего:

— Ищи, Пимпусь, ищи!

И он сразу вспомнил, что нет теперь никакого Яцека Космали, которого все боялись в классе, а есть маленькая жёлтая такса. Ему опять стало грустно, он даже жалобно завыл.

Но лесничий, видно, неправильно его понял, очень обрадовался и стал кричать:

— Нашел лису? А? Хорошая собачка, хорошая, ищи, ищи! Вот здесь!

Не оставалось ничего иного, как сунуть нос в дыру, которая, как считал лесничий, была лисьей норой.

И действительно, стоило Яцеку потянуть носом, как он снова почувствовал тот же острый, не очень приятный запах. Теперь его собачий инстинкт точно подсказывал ему, что это лисья нора. Странно, но ему всё больше хотелось найти и поймать лису. Он стал быстро-быстро рыть землю своими кривыми короткими лапами, стараясь пролезть в нору. Мокрый

песок засыпал глаза и забирался в нос, но Космаля не обращал на это внимания и продолжал ожесточённо рыть.

Наконец он добрался до просторной части норы. Тут он услышал какое-то странное потягивание и увидел две пары блестящих жёлтых глаз. Поначалу они были неподвижны, но потом стали явно приближаться.

«Это лисы! Хотят напасть на меня и, может быть, съесть!» — со страхом подумал Космаля. Тем более, что через дыру, которая, наверно, была другим выходом из норы, падал свет и в нём отчетливо прорисовывались две удлинённые лисьи мордочки, вооружённые острыми зубами.

— Помогите! — крикнул Яцек. — Они меня загрызут!

Остатки мужества мгновенно улетучились, и он кинулся наутёк через замеченный им выход. Он карабкался изо всех сил, бешено работая всеми четырьмя лапами, и наконец выбрался на поверхность. Там он отряхнулся от облепившей его мокрой земли и огляделся. Его окружали заросли кустов можжевельника со слегка пожелтевшими уже листьями. Людей не было видно. Наверное, лесничий остался с той стороны кустов, у входа в нору.

«Что же делать? — размышлял Космаля. — Что делать? Теперь я совсем один в незнакомом месте. А там и папа, и мама, и все остальные, наверно, ищут меня. Правда, я всё ещё собака, но всё равно, даже в таком виде, хочу вернуться домой, вернуться в школу».

Он снова огляделся, потом, приблизив нос к земле, стал нюхать. Это было очень странно, но он почувствовал, что с помощью носа может определить, в какую сторону надо бежать, чтобы выйти на дорогу. Он побежал, низко опустив голову, и скоро выбрался на сельскую дорогу с глубокими колеями от множества проезжавших тут телег. Здесь он остановился, поднял голову и сильно втянул воздух своим

мокрым чёрным, слегка облепленным землёй носом, втянул раз, другой и наконец почувствовал, что с востока доносится слабый запах дыма. Такого дыма, который выпускают паровозы.

— Урра-а-а! — хотел от радости крикнуть он, но получилось только: — Гав! Гав!

Во всяком случае, было ясно, что он может добраться до станции и вернуться в город. Не теряя времени, он помчался в сторону, откуда доносился запах паровозного дыма.

19. КУПИТЕ ГУСОЧКУ!

С высунутым чуть не до земли языком запыхавшийся Космаля влетел на небольшую станцию как раз в тот момент, когда там стоял готовый к отправлению поезд.

«Хорошо, что я собака, — подумал Яцек, — по крайней мере, не надо брать билет».

Он решил сесть в вагон первого класса, где всегда меньше пассажиров. Он быстро нашёл вагон, на котором стояла единичка, означавшая первый класс, и попробовал в него влезть. Только ничего из этого не вышло. Ступеньки были очень высоко, а такса, как известно, собачка небольшая, да ещё на коротких лапах. Все его подпрыгивания ничего не дали. На ступеньки он так и не взобрался. А тут паровоз свистнул — и какая-то женщина объявила в мегафон, что поезд отправляется в столицу. Так, так, с минуты на минуту поезд тронется и покатит туда, где живут мама, и папа, и Божена, и тётя Леокадия, где его школа и товарищи... Ах! Яцек Космаля жалобно тявкнул и ещё раз попытался вскочить на ступеньки. Ему это опять не удалось, к тому же и проводник стал кричать:

— Пошёл отсюда! Домой, пёсик!

Положение было трудное. Почти безнадежное. Ведь если он не сядет в этот поезд, что тогда? Ждать

следующего? Неизвестно ещё, когда он будет. Что делать? Что делать?

Космаля бегал по перрону в поисках способа забраться в вагон. И наконец в полной растерянности сел возле каких-то мешков и кошёлок. Их хозяйка, молодая ещё деревенская женщина, болтала со своей подружкой, не обращая внимания на багаж. Между тем из одной корзины доносилось жалобное гоготание. Космаля приблизился к корзине и носом поднял крышку. В корзине сидела молодая белая гусыня. Она была расстроена не меньше Космали.

— Ах! — причитала она. — Не хочу никуда ехать! Забрали меня со знакомого двора, и не знаю я, что со мной будет!

— Не хочешь ехать? — тихо твякнул Космаля. К счастью, болтливая хозяйка не смотрела в их сторону.

— Конечно, не хочу! — загоготала гусыня. — Зачем мне ехать? Выпусти меня отсюда, выпусти, если ты добрый, псрядочный пёс и хочешь мне помочь.

— Я вовсе не пёс, — проворчал Космаля, — я мальчик, превращённый в пса, но всё равно готов тебя выпустить.

— Пёс ты или не пёс, но ты очень добрый, — ответила гусыня. — Умоляю, выпусти меня побыстрее!

— Конечно, это надо делать быстро. — Космаля встал на задние лапы и зубами поднял крышку. — Вылезай скорее, — пробормотал он. — Только не гогочи. И сразу валяй в сторону.

Счастье, что хозяйка всё ещё была занята разговором и ничего не видела. Белая гусыня, освобождённая из своей тюрьмы, проворно заковыляла в сторону, где кончался перрон маленькой станции, а Космаля, ни минуты не раздумывая, забрался на её место, свернулся калачиком и даже довольно удобно устроился на сене, которым было выстлано дно корзины.

«Только бы попасть в вагон! — думал он. — Потом я отсюда выберусь и найду другое место. Даже не обязательно удобное, лишь бы доехать до дому».

Его размышления прервало оживившееся движение на перроне. Женщина с мегафоном предложила всем сесть в вагоны и закрыть двери. Послышались поспешные шаги, потом кто-то сказал:

— Ну, до свидания, Малгожата!

И корзина поднялась в воздух.

— А что ты там везёшь? — снова спросил голос, который только что прощался с Малгожатой.

— Гусыню везу, — ответила Малгожата. — Не пойму, что это она сейчас кажется мне лёгкой, а раньше, вроде, была тяжелее.

— Может, не покормила да не напоила её перед дорогой, вот она и голодная.

— Может быть, — согласилась Малгожата. — Так я сажусь. До свидания!

— До свидания!

Космаля почувствовал, что Малгожата влезает в вагон, потом идёт по проходу в поисках свободного места. Наконец она нашла то, что искала, так как вошла в купе и, спросив, свободно ли место, стала усаживаться.

— А корзину лучше поставьте на полку, — посоветовал кто-то из пассажиров.

— Только нет ли там чего-нибудь, что может разлиться и капать на голову? — забеспокоился женский голос.

— Нет, нет, — заверила Малгожата, — ничего не прольётся. Да я недалеко еду.

«Как это — недалеко? — хотел спросить Космаля, весьма обеспокоенный. — Значит, Малгожата не едет в город? В столицу?»

От огорчения он совсем забыл о том, что должен сидеть тихо, и жалобно заскулил.

— Что это? — сразу забеспокоилась женщина, которая спрашивала, не будет ли капать. — Что это? Здесь собака? Ах, я боюсь, ещё укусит!

— Какая вы пугливая, — рассердился Космаля, — собачки боитесь. Такой маленькой хорошенькой собачки! — Он был, и вправду возмущён. Что ж из того, что он пёс? Можно ли устраивать такой скандал из-за того, что пёс едет в купе? — Пёс тоже живое существо, уважаемая, — сказал он с горечью.

К счастью, свист паровоза и стук колёс заглушили его ворчанье, а Малгожата и остальные пассажиры сумели как-то успокоить нервную дамочку. Они даже заглядывали под лавки, чтобы убедить её: никакой собаки тут нет.

А Космаля сидел в корзине и переживал: ведь вся история складывалась совсем не так, как ему хотелось. Поначалу он собирался выскочить из корзины, как только Малгожата залезет в вагон. Но как это сделать сейчас, когда корзина стоит на высокой полке?

«Может, выбраться и быстро спрыгнуть с полки, чтобы никто не понял, что произошло?» — думал он. Но при этом побаивался такого прыжка. Чтобы лучше представить себе, как всё это может получиться, он приподнял носом крышку и сразу понял: прыгать придётся прямо на колени нервной дамочки. Страшно подумать, что бы из этого получилось. Поэтому он сидел в корзине и горевал. А поскольку собаки умеют горевать только вслух, в купе снова раздалось жалобное:

— Ау-у-у-у! Ау-у-у-у!

— Что это? — так и подскочила нервная женщина. — Кто-то плачет?

— Может, в соседнем купе? — попробовал успокоить её какой-то железнодорожник, сидевший рядом с Малгожатой. — Не волнуйтесь. Наверно, ребёнок плачет.

— Или у кого-нибудь зуб болит, — предположила Малгожата.

— Тоже возможно, — согласился железнодорожник.

Поезд стал сбавлять ход.

— Какая это станция? — забеспокоившись, спросила Малгожата.

— Сейчас будет Весёлая Гура, — тут же откликнулся железнодорожник. — Минуты через две.

— О боже! Через две минуты? — Малгожата вскочила с места и схватила стоявшую на полке корзину. При этом она так резко дёрнула её, что Космаля сильно ударился носом о плетёную стенку. У него даже искры из глаз посыпались!

— Осторожнее! — рявкнул он. Но Малгожата ничего не слышала, так как в этот момент прощалась с попутчиками.

— До свидания, — говорила она, — я выхожу здесь, в Весёлой Гуре, сегодня тут базар. Хочу продать гусыню!

— Гусыню? — тихо охнул Космаля. — Так это же я! Ничего себе! Мало мне быть собакой, теперь отдувайся ещё и за гусыню! Ну уж нет!

Он совсем забыл, что сам забрался в корзину вместо гусыни, и теперь готов был выскочить из неё, не обращая внимания на изумление Малгожаты, к тому же он вспомнил, что ведь Малгожата выходит в Весёлой Гуре, а вовсе не едет в его родной город.

Это было самое ужасное!

Между тем поезд остановился, и Малгожата вышла из вагона. Дежурный по станции и проводники кричали:

— Весёлая Гура! Просим садиться. Закрывайте двери!

— Вот именно! Мне тоже надо садиться и ехать дальше, — взвыл Космаля, заметавшись в корзине. Но, видно, шум, царивший на станции, совершенно заглушил его голос, только Малгожата, обеспокоенная движениями внутри корзины, сказала сладким голосом:

— Ну, ну, не дёргайся, гусочка! — и заперла крышку корзины на маленькую деревянную затычку. Теперь о бегстве не могло быть и речи.

Малгожата, таща свой беспокойный груз, шагала по улочкам шумного городка и вскоре добралась до рынка. Здесь слышались музыка, крики торговцев, мычание телят и блеяние овец. Уж теперь никто бы не услышал голоса Космали, как бы он ни лаял. Ему не оставалось ничего иного, как терпеливо ждать, что же будет дальше.

«Только бы мне выбраться из этой корзины», — подумал он со вздохом.

Наконец Малгожата, очевидно, нашла подходящее место, потому что остановилась и стала взывать к проходящим:

— Может, купите гусочку? Чудесная гусочка!

— Покажите свою гусочку, — сказала наконец какая-то женщина, остановившись перед Малгожатой. — Она хорошая, жирная?

— Ах, дамочка! Такой гуски вы в жизни ещё не видали, — уверяла Малгожата, открывая корзину.

— Ясно, не видала, — тявкнул Космалю, он же

Пимпусь, показавшись из корзины во всей своей красе.

— Боже! — ахнула Малгожата. — Это ещё что?

— Шутки шутите, хозяйюшка! Стыдно вам, — возмутилась женщина. — Вы что, собаку от гусыни отличить не можете?!

— Но ведь я посадила туда гусыню, — растерянно бормотала Малгожата, — это какое-то наваждение...

Но Космаля не стал ждать, что она скажет дальше, а одним прыжком выскочил из корзины. Он понимал, что сейчас самое время удирать, пока изумление Малгожаты не превратилось в злость.

«Ещё надаёт мне хорошенько, — решил он, — если я сейчас же не смоюсь».

Он мчался по рынку как сумасшедший. Проскальзывал в ногах у прохожих, пролезал под телегами. А тут Малгожата, оправившись от первого потрясения, подняла крик, что воры заменили ей гуся на собаку, и показывала на удирающего Космалю. Несколько человек бросились за ним в погоню.

Он уже порядком устал, когда сумел наконец укрыться за кучей капусты и с облегчением подумал, что ушёл от этой ужасной погони. Но тут какой-то мальчишка увидел его и стал кричать:

— Вот это, наверно, тот самый пёс! У нас в городе такого не было! Уши длинные! А лапы короткие! Ловите его! — И он бросил в Космалю камнем.

— Ах ты, скверный мальчишка! — пролаял Космаля. — Как ты смеешь обижать такую маленькую собаку, как я. Я ведь тебе ничего не сделал!

Но мальчишка нагнул за другим камнем. Надо было удирать.

«Взберусь-ка я быстро на эту гору капусты и перескочу на ту сторону! — решил Космаля. — Так они потеряют мой след».

Как только мог быстрее, он вскарабкался на самый верх, но тут одна из головок капусты сдвинулась, за ней повалились другие, и Яцек, будто с ла-

виной, покатился куда-то вниз. Твёрдые головки белой и красной капусты били его по бокам, по голове, а он, свернувшись в клубок, катился и катился, почти потеряв сознание.

И тут произошло неожиданное. Космаля думал, что упадёт на камни, на твёрдые камни и здорово расшибётся, но случилось иначе. Вдруг он услышал странный треск и почувствовал себя так, словно упал в воду, во всяком случае, во что-то мокрое. Тут же раздался женский крик:

— Ах, ах! Все яйца разбились!

Космаля осторожно открыл один глаз. Другой он открыть не мог, так как тот был залеплен какой-то густой массой. Сомнений не было: он попал в корзину с яйцами, которые к тому же все разбились! Он лежал в самой середине.

— Ах ты, подлый пёс! — причитала женщина. — Что ты наделал! Весь товар угробил! Какое несчастье!

— Очень извиняюсь, — хотел сказать Космаля, ему было ужасно не по себе. Он хотел ещё объяснить, что всё происшедшее — чистая случайность и что он вовсе не пёс.

— Мамочка! — прозвучал рядом детский голосок. — Слышишь, как этот пёсик скулит? Не кричи на него, он, наверно, не виноват, ведь он свалился вместе с капустой!

— Но видишь, что он натворил! — продолжала возмущаться женщина.

— Он не виноват, — упорно повторил тот же голос. — Посмотри, какой он маленький. И какой смешной. А какая у него милая, испуганная мордочка.

— Вот ещё! У меня милая мордочка! — буркнул Космаля. Но он не был зол, просто чувствовал себя как-то странно. Никто ещё ему не говорил, что он милый. В самом деле.

Наконец ему как-то удалось лапой протереть другой глаз и глянуть в сторону, откуда доносился

детский голос. Он убедился, что хозяином голоса был маленький, очень симпатичный мальчик со светлыми торчащими волосами и вздёрнутым носом со множеством веснушек.

— Мама, — приставал мальчик, — мама, может, он ничей, пусть он у нас останется, ладно?

— Вот ещё, — Космаля снова приготовился удирать, — кто меня ни увидит, тут же хочет, чтобы я у него остался. Но парнишка, кажется, хороший. Защищает меня перед мамой. Не то, что другие, которые сразу швыряются камнями... Ой, ой! Я-то ведь тоже швырялся...

Ему стало стыдно и грустно, он вспомнил жёлтого пса Продавца Шаров и многих других псов и котов, в которых бросал камнями, гонял их, бил, таскал за хвосты и за уши. Да что говорить, всё это было довольно-таки скверно...

— Мама, — повторял мальчик, — мама, за те яйца, что разбились, я тебе отдам деньги, а пёсик пусть останется у нас.

— Что ты мне отдашь? — ворчала женщина. — С каких доходов?

— А заработаю и буду понемногу отдавать. Вот увидишь!

«Хороший ты парнишка, — подумал Космаля. — Только, братец, мне всё равно придётся удирать, ведь я хочу вернуться домой. А как удеру, тогда и заработки твои — пустое дело».

Тут ему стало жаль паренька. Да и мать его пострадала: яйца-то побились.

«Вот ведь как случилось, — удивился Космаля. — Первый раз в жизни я кого-то пожалел».

Женщина тем временем ворчала:

— Ну ладно, ладно, как хочешь, пусть он у нас останется. Всё равно убыток мне никто не возместит.

— Мама, я возьму его домой и умою! — обрадовался мальчик.

— Конечно, надо его вымыть, а то вымазан в

желтках, как бог знает кто. Только как его взять? Ведь он весь мокрый.

Наконец Космаля был завернут в какой-то фар-тук и уложен в корзинку.

«Опять корзинка, — подумал он. — А честно говоря, даже интересно: мне ещё никогда не приходилось плавать в яичнице».

Мальчик тем временем говорил, обращаясь к Космале:

— погоди, пёсик, хороший ты мой, сейчас будешь чистый, устрою тебе удобную постельку.

В доме, маленьком, но очень милom, их встретила старушка.

— Кого ты опять принёс, Юзек?

— Пёсика, бабуля! Посмотри, какой хороший!

— Да уж где там хороший, он и на пса-то не похож, — испугалась бабушка.

Но после купания оказалось, что жёлтая такса действительно очень недурна, и даже бабушка похвалила:

— Глаза-то какие умные.

«Ну наконец хоть кто-то меня оценил», — утешился Космаля и стал вежливо вилять хвостом.

— Теперь, Юзек, оставь пёсика, пусть себе спит, — решила бабушка, — а ты садись за уроки. На завтра ведь ещё ничего не приготовил?

Итак, Космаля был помещён в углу комнаты на удобной подстилке, а Юзек засел за уроки.

«Пожалуй, я вздремну, а то устал от всех этих приключений», — подумал Яцек, улёгся поудобнее и уснул.

Неизвестно, как долго он спал, только разбудили его тяжёлые вздохи. Это вздыхал Юзек. Он сидел над раскрытой тетрадкой и даже немного всхлипывал.

— Что с тобой, Юзек? — всполошилась бабушка, которая как раз вошла в комнату. — Чего ты плачешь?

— Не могу решить задачку! — разревелся

Юзек. — Всё решаю и решаю, а она не решается. Влепят мне завтра двойку.

— Такую трудную задачку задали? — посочувствовала бабушка.

— Ясно, трудную, ужасно трудную, — Юзек шмыгнул носом. — Она, наверно, для четвёртого класса, а не для третьего.

«Фи! Да он только в третьем! — подумал Космая. — Задачка, наверно, пустячная. Я бы её сразу решил».

Ему вдруг захотелось помочь Юзеку. Он встал со своей подстилки и вскочил на стул, стоявший возле стола. Надо было сначала поглядеть, что это за трудная задачка.

— Пёсик, пёсик, любимый, — вздохнул Юзек, — не могу я сейчас с тобой играть, надо сначала кончить уроки.

«Как бы ему помочь? — думал Космая и в утешение лизнул Юзека в кончик носа. — Задачка, я вижу, нетрудная. Даже знаю решение. Но как ему объяснить, если я умею только лаять? Попробую. Может, и так смогу что-то сделать».

А Юзек тем временем считал вслух:

— Двадцать поделить на пять будет шесть.

— Вот тут ты и ошибаешься! — пролаял Космая. — Ошибаешься в делении, потому и не выходит. Вот несчастье! Как же ему сказать про ошибку?!

Он схватил Юзека за рукав и стал дёргать.

— Что ты хочешь, пёсик? — удивился Юзек. — погоди, мне надо кончить уроки. Значит, двадцать поделить на пять...

— Гав! Гав! — надрывался Космая. — Считай получше! Ну что же сделать, чтобы он меня понял?

Тут он увидел лежащие на столе каштаны и обрадовался. Это уже выход, надо попробовать. Яцек твякнул, схватил один каштан и положил на тетрадку, потом второй, третий и четвёртый.

— Зачем каштаны? — удивился Юзек. — Я что, должен их бросать, а ты будешь приносить?

— Дурачок! — тявкнул Космаля и лапой передвинул один каштан за другим.

— Четыре каштана, — сосчитал Юзек, — четыре каштана... сейчас... — И вдруг крикнул: — Не может быть! Ведь двадцать поделить на пять будет четыре, а не шесть! Ой, ой! Неужели это может быть? Неужели может быть, чтобы ты, пёсик, умел считать.

Космаля быстро и радостно завилял хвостом, тявкнул четыре раза.

— погоди, погоди, мне ещё не верится. Вот ещё: десять поделить на пять, сколько будет?

— Гав, гав, — ответил Яцек.

— Два раза! — крикнул Юзек. — Но может, это случайно? Возьмём другие цифры. А два плюс три — это будет сколько?

— Гав, гав, гав, гав, гав! — торжествующе пролаял Яцек.

— Пять, пять! Пролаял пять раз! Может ли это быть на самом деле, или мне только снится, что ты такой умный и учёный пёс?

Юзек подпрыгивал от удивления и радости. Он всё ещё не мог поверить в чудо.

— А десять отнять семь будет сколько? — спросил он на всякий случай.

— Гав, гав, гав, — ответил Яцек.

Теперь Юзек совсем ошалел.

— Бабуля, бабуля! Это необычайный, учёный, а может, даже заколдованный пёс. Он умеет считать и помог мне решить задачку.

— Да так ли? — засомневалась бабушка. — Небось показалось тебе.

— А ты вели ему что-нибудь сосчитать. Сама увидишь! Он здорово считает.

— Ну, ладно, сейчас спрошу, — сказала бабушка. Подумала минуту. — Вот пусть сосчитает. Если вчера наши куры снесли семь яиц, а сегодня ещё пять, то сколько будет вместе?

— Сосчитай, пёсик, — попросил Юзек.

— Нет ничего легче, — звонко тявкнул Космалю.

А потом присел на задние лапы и пролаял двенадцать раз.

Бабушка и Юзек внимательно считали. Когда оказалось, что результат правильный, Юзек даже запрыгал от радости.

— Учёный пёс, учёный пёс! — кричал он и скакал вокруг Космали на одной ноге.

20. СКОЛЬКО БУДЕТ $3+4$?

Весть об учёном псе разнеслась по всему посёлку необычайно быстро. У демика, в котором жил Юзек, стала собираться толпа любопытных. Все хотели посмотреть на диковинную таску, задавали ей разные задачки и даже спрашивали, кому из них сколько лет.

Юзек поначалу был ужасно горд, что у него такая чудесная собака, но, когда толпа стала окружать дом, взбунтовался:

— Оставьте его в покое! Ни за что на свете не позволю мучить моего милого пёсика! Даже собака не может считать целый день!

И запер дверь на ключ, а потом поцеловал Космалю в ухо.

— Пёсик, любимый, ты самый лучший из всех псов!

Назавтра, ранним утром, когда мама ещё возилась в курятнике — кормила белых наседок, — кто-то постучал в дверь.

Космалю подбежал к порогу, потянул носом и сразу понял, что за дверью стоит чужой. Тогда он стал громко лаять.

— Кто там? — спросила мама Юзека.

— Откройте, пожалуйста! — отозвался мужской голос. — Я насчёт собаки.

— Вот ещё! — заволновался Космалю и на всякий случай принялся лаять ещё яростнее.

— Возьми собаку, Юзек, — сказала мама и открыла дверь.

На пороге стоял элегантно одетый мужчина. Он вежливо поклонился и сразу же поглядел на таксу.

— Прошу извинить меня за вторжение, — сказал мужчина, — но я слышал, что у вас есть необычайный пёсик, который умеет считать и даже решает школьные задачи.

— Это мой сынок так говорит. Верно, ему просто почудилось. Где это видано, чтобы пёс такое умел! — сказала мама. Было заметно, что ей не очень хотелось разговаривать с гостем.

— Я директор цирка, который отправляется на гастроли в столицу, — сказал незнакомец, — и хотел бы купить у вас пёсика. Он выступал бы у нас в цирке, если, конечно, он действительно такой необыкновенный.

Космалю теперь слушал внимательно. Гм! Высту-

пать в цирке! В столице! Ведь так можно вернуться домой! Он взглянул на Юзека. Но Юзек крепко прижал его к себе и сказал решительно:

— Собака не продаётся.

— Я готов заплатить много денег. — заметил мужчина из цирка.

— Если сынок не соглашается, то и говорить не о чем, — ответила мама. — К тому же это не наша собака.

— Ах, не ваша! — обрадовался мужчина. — Так, может быть, найдётся настоящий хозяин, который согласится продать её. Как она попала к вам?

— Собака была в яйцах, вернее, в корзине с яйцами, — сказал Юзек.

— Была в корзине с яйцами? Может, она вылупилась из яйца?! Тем более её надо показывать в цирке! Плачу любую сумму! Собака, которая вылупилась из яйца! Поразительно! Вот деньги!

С этими словами он вынул из кармана толстую пачку и бросил на стол. Космаля даже подскочил при виде такой кучи денег. Во-первых, он был страшно горд, что его так высоко оценили, а во-вторых, решил, что таким образом мама Юзека будет вознаграждена за разбитые яйца.

— Берите деньги, — сказал он Юзеку. — Берите! Я ведь ничей. Никому не будет хуже. А я выступлю в цирке и отработаю заплаченные за меня деньги. Этот дядя немало получит за продажу билетов на мои выступления. Наверняка немало!

Хорошо говорить человеческим языком. А вот на собачьем ничегошеньки не выходило. Правда, жёлтый пёсик громко лаял, и подвывал, и ворчал, но Юзек так ничего и не понял.

— Почему собачка так лает? — нервничала мама. — Будто понимает, что говорят о ней.

— Кто знает, может, вы и правы, — подхватил директор цирка, — возможно, это необычайное существо понимает человеческий язык и так реагирует на моё предложение.

— Но ведь этого не может быть.

— Однако пёс смотрит на нас так, будто всё понимает.

— Пёсик, любимый, ты хотел бы уйти от меня? — расстроился Юзек. Он обнял таксу и поцеловал её в лоб.

— Хороший ты парень, — заскулил Космаля и лизнул Юзека в курносый веснушчатый нос. — Жаль мне с тобой расставаться. Ты такой славный, что я даже взял бы тебя в свою Команду и сделал бы моим адъютантом. Ты ведь не знаешь, что я вождь Команды Силачей.

Но так как Юзек действительно не знал, какую знаменитость держит на коленях, он расстроился ещё больше.

— Пёсик ты мой единственный! Ты ведь не хочешь со мной расставаться?

— Совсем наоборот, — решительно пролаял Космаля. — Я должен с тобой расстаться! Ради тебя!

— Даю за собаку тысячу золотых! — заявил директор цирка.

— Ого! Тысячу, целую тысячу! — поразился Космаля. — Вот сколько я стою! Но, видно, только в собачьей шкуре. Раньше папа всегда говорил, что не дал бы за меня и ломаного гроша. Эй, Юзек, — тявкнул он громко и настойчиво, — не раздумывай, бери деньги! Ну, что ждёшь?

Юзек посмотрел на деньги и покачал головой.

— Нет, нет, ни за что на свете.

— Ах ты, глупыш неисправимый! — Космале всё это порядком надоело. Он вырвался из рук Юзека, вскочил на стул, стоявший у стола, схватил зубами деньги и положил их на колени мамы Юзека. Он решил, что мама, как женщина взрослая, сообразит, что нужно взять деньги.

— Поглядите, он хочет, чтобы вы взяли деньги! — крикнул поражённый директор. — Вот так пёс! Вот так умница!

Но мама Юзека всё ещё колебалась.

— Не могу я взять деньги за пса, если он при-
блудный!

— Как это приблудный? Он же упал неизвестно
откуда в вашу корзинку с яйцами и разбил сто три-
дцать семь свежих яиц.

— Он это сделал нечаянно! — крикнул Юзек.

— Но ведь это не мой пёс, повторяю вам, — го-
ворила мама, а Космаля метался между ними тре-
мя, вилял хвостом и громко лаял:

— Ой, да что тут рассуждать! Берите деньги — и
кончено. Всё равно мне нужно от вас удирать! Ди-
ректору я честно отработаю эту тысячу. И всё будет
в порядке. А хозяина у меня никакого нет.

— Вот видите, — сказал директор, — он тоже
хочет, чтобы его продали. Сделаем так: вы возьмёте
деньги, а потом дадите объявление в газете, что най-
дена жёлтая такса, и пусть хозяин обратится к вам.
Хотя, — добавил он в сомнении, — я вовсе не уверен,
что у этой собаки вообще есть хозяин. Если она упа-
ла в корзинку с яйцами неизвестно откуда, то, мож-
жет быть, упала с неба!

— Как это — с неба? — ужасно удивилась мама
Юзека. — Разве это возможно?

Директор цирка был человеком бывалым, знал
хорошие манеры и ответил чрезвычайно любезно:

— Как человек с большим жизненным и арти-
стическим опытом, я пока ещё не встречался с по-
добными случаями, но не исключаю возможности,
что это творение (тут Космаля проворчал: «Толь-
ко не творение, никакое я не творение!»)... что это
творение, — продолжал директор, — действительно
упало с неба. Никто не знает, не свалилось ли оно
с какой-нибудь планеты. Например, с Марса или,
предположим, с Венеры. Скорее даже с Ве-
неры.

— Разве это возможно? — снова спросила мама
Юзека.

— Не исключено, не исключено, уважаемая па-
ни. И в этом случае вы можете с чистой совестью

взять деньги. Ну, пошли, пёсик! Идём! — свистнул он Космале, как свистят всем собакам на свете.

«Поглядим, как ты будешь свистеть, когда я от тебя сбегу, — подумал Космалё, — только сначала отработаю деньги, которые за меня заплачены. Должен же я отплатить добром за добро. Ну, привет, Юзек!»

Он вскочил парнишке на колени и лизнул его в щёку, по которой текли солёные слёзы.

— Пёсичек! — пробормотал Юзек, всхлипывая.

— Ох, пригодятся денежки, пригодятся, — радовалась бабушка. — Домик надо отремонтировать да Юзеку пальто на зиму купить.

— Вот и хорошо, — утешился Яцек, залаял на прощание и позволил директору взять себя на руки.

— Моё почтение! — сказал директор, поклонившись. — Моё почтение! — И уже собирался выйти, унося Космалё под мышкой, но вдруг остановился в дверях. — Извините, — шепнул он, — извините. Я только хотел ещё сказать, что мне в голову пришла прекрасная идея. Мы прицепим пёсику крылышки. И скажем всем, что это крылатый пёс с Венеры.

21. НАСТОЯЩИЙ ПЁС С ВЕНЕРЫ

Цирк был переполнен. Все смотрели на круглую арену, где на высоком столике, на красной бархатной подушечке сидела маленькая жёлтая такса с голубыми крылышками.

— Сколько будет два плюс два? — спрашивал директор цирка, одетый для выступления в великолепный малиновый фрак с золотыми нашивками.

Космалё, злой, как сто чертей, громко пролаял четыре раза:

— Гав! Гав! Гав! Гав!

Директор обернулся к публике:

— Как вы имели возможность убедиться, при-

шелец с Венеры по имени Амур правильно ответил на заданный вопрос. А теперь — внимание: сколько будет семь минус пять?!

— Гав, гав! — дважды пролаял Космалё, думая при этом: «Строю из себя идиота, но ничего не делаешь, надо выйти с честью из этой истории. Хотя бы ради Юзека. Я наверняка уже отработал ту тысячу злотых. Вон сколько народу набилось. Только бы поскорее кончилось представление, а то я выгляжу с этими голубыми крылышками как последний дурак. Пёс с Венеры! Смех подумать. Небось никто в это не верит! Ой, не выдержу, почешусь. Крылышки ужасно щекочут. Нет, не могу больше выдерживать».

И пёс с Венеры принялся чесать шею задней ногой, как самая простая собачонка.

В публике раздался смех.

— Внимание! — воскликнул директор. — То, что вы здесь видите, лучше всего доказывает, что собаки на Венере ведут себя так же, как и на Земле. Прошу соблюдать спокойствие, так как громкий смех нарушает это необычное создание. А теперь, — добавил он, когда смех утих, — я предлагаю, чтобы кто-нибудь из вас задал ему математический вопрос.

Раздался шум, но вопроса не последовало. Директор ждал.

— Смелее! Учёный пёс отвечает на вопросы из области четырёх действий арифметики, а также знает на память таблицу умножения. Каждый может в этом убедиться. Правда, Амур?

С этими словами он обернулся к Космалё, ожидая подтверждения.

— Гав! — послушно тявкнул Яцек. — Оставь меня, наконец, в покое! Пора кончать с этим балаганом.

— Ну, — снова обратился к публике директор, — смелее. А может, девочка из левой ложи хочет задать пёсику вопрос?

Он оставил Яцека в одиночестве и направился к ложе.

— Пожалуйста, спроси пёсика. Можешь смело выйти на арену! Пёс хоть и с Венеры, а не кусается! Он очень добрый.

Девочке, видно, вовсе не хотелось участвовать в представлении, а директор продолжал уговаривать:

— Смелее, девочка, смелее! Мамошка позволит тебе подойти к пёсику и задать ему какой-нибудь вопрос. Если ещё не все уроки на завтра сделаны, так пёсик поможет решить задачку.

Эта идея так всем понравилась, что публика стала шумно аплодировать.

— Я уже все уроки сделала, — ответила девочка. Она была явно обижена подозрением, будто не приготовила уроков.

Наконец вмешалась мама девочки.

— Иди, Юлечка, — сказала она. — Дядя тебя так просит.

Девочка неохотно встала и вышла вместе с директором на арену.

— Погляди только, какой милый пёсик, — приговаривал директор.

Девочка медленно приближалась к высокому столику, на котором сидела крылатая такса.

«Теперь ещё эта девочка начнёт ко мне приставать, — раздражённо думал Космая, даже не глядя в её сторону. — Если уж очень надоест, специально отвечу неверно, и конец!»

Вдруг он замер. Он не верил своим глазам. Возможно ли это? Нет, не может быть. Это просто необычайное сходство. Или... Но он не ошибался.

По красному ковру, которым была покрыта арена, медленно шла Юлька. Та самая, которая сидела в среднем ряду парт и, как подозревали, входила в Команду Героев, да не только входила, а, возможно, была адъютантом Петрека. Теперь она смотрела на Яцека широко раскрытыми глазами и, как ему показалось, узнала его. Ну конечно же, она поняла, что это он сам, Космая, вождь Команды Силачей, сидит как маленькая жёлтая такса с прицепленны-

ми голубыми крылышками и выглядит просто по-идиотски!

Яцек почувствовал, что жутко краснеет, ему стало жарко, он готов был провалиться сквозь землю.

Жалобно взыв, он стремительно соскочил со своего столика.

Юлька смотрела на него немного испуганно. Ни на секундочку, ни даже на полсекундочки ей не пришло в голову, что этот маленький убегающий пёсик — тот самый зазнайка Космаля, таинственно исчезнувший Космаля, которого все так ищут. Просто она решила, что собачка испугалась аплодисментов. И ей стало жаль, что она не погладила её по головке, не поговорила с ней, как говорила со всеми собаками. Она стояла посреди арены, не зная, что делать, а публика, видя бегство диковинного пса, стала ужасно шуметь. Одни кричали «браво», другие требовали немедленно вернуть пса на арену.

Яцек бежал не оглядываясь. Он слышал за собой шум, крики и хотел скрыться от них как можно дальше, но прежде всего он хотел исчезнуть из поля зрения Юльки. Ему и в голову не пришло, что она никак не могла его узнать.

Он мчался во все лопатки, проскочил занавес и попал в систему каких-то коридоров, закоулков, тупиков, умудрившись по дороге сбросить крылышки. Ему хотелось поскорее найти какое-нибудь надёжное укрытие или, ещё лучше, выход из цирка.

Вдобавок ему казалось, что за ним гонится директор. Миновав несколько тёмных коридоров, Яцек наткнулся на железные прутья.

«Наверно, это ограда цирка! — обрадовался он. — Наконец-то я выберусь отсюда!»

Расстояние между прутьями было невелико, но ведь и такса собачка небольшая. Не прошло и минуты, как Космаля был уже по другую сторону ограды.

Тут он почувствовал, что ноги его вязнут в чём-то, похожем на песок, только более мягком. «Навер-

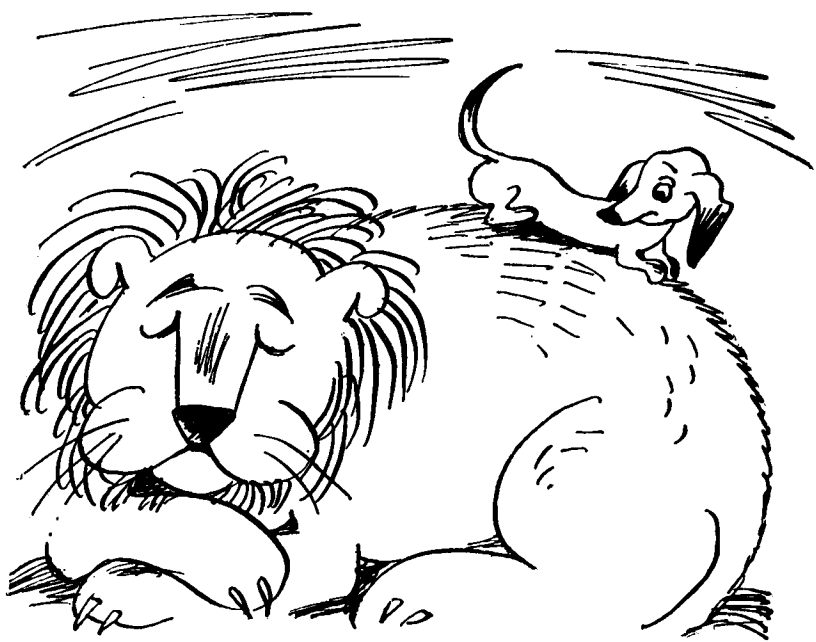
но, это опилки, — сообразил он. — Рассыпались, когда их несли на арену».

Космаля провалился в опилки по самое брюхо, и ему не так-то легко было из них выбраться. Порядком запыхавшись, он оказался наконец на твёрдой земле и остановился, чтобы немного осмотреться, ведь до сих пор он бежал просто наугад.

«Должно быть, я уже выбрался на какую-то улицу за цирком...» — подумал он. Однако то, что его окружало, вовсе не походило на улицу. Это был узкий проход, за которым опять торчали железные прутья.

— С ума сойти можно! — не на шутку разволновался Космаля. — Выберусь я отсюда когда-нибудь? Делать нечего! Надо лезть дальше сквозь эти ограждения. В конце концов куда-нибудь вылезу. Главное, никто за мной не гонится. Видимо, потеряли мой след.

Он попытался пролезть между прутьями, громко

сопя от натуги и высунув язык: это было совсем не так просто. Проскочив на другую сторону, он с разгона пробежал ещё несколько шагов и остановился на чём-то мягком, напоминавшем ковёр с длинным ворсом.

— Уф! — вздохнул он. — Наконец-то я отдохну.

Но в тот же миг почувствовал, что лохматый коврик зашевелился, подбросив его в воздух. Одновременно раздалось нечто похожее на раскат грома.

— Гроза или землетрясение! — испугался Яцек и быстро огляделся.

Но это была не гроза и не землетрясение. Это попросту был лев.

22. ГАПА НЕ ГАПА, А СОБАКА УМНАЯ

Как уже известно, Яцеку Космале, превращённому в жёлтую таксу, никак не удавалось вернуться ни домой, ни в школу. Мама, папа, тётка и Божена, а также ещё две тётки, о которых говорилось вначале — Люцина и Эрнестина, — ужасно переживали исчезновение Яцека, а Команда Сыщиков под предводительством Петрека и с участием Гапы не прекращала поисков. Правда, Вальдек, например, совсем уже не верил в способности Гапы, но Юлька ещё немного верила. Петрек и Мачюпа тоже верили чуть-чуть. Но меньше, чем Юлька. Во всяком случае, каждый день после обеда они собирались возле школы, а Юлька приводила Гапу. Но что можно было сделать, если поиски милиции и объявления по радио не давали результатов, а Гапа просто не хотела больше искать? Она виляла хвостом, вертелась, потом садилась и не двигалась с места.

Шёл уже пятый день с момента исчезновения Космали. Ребята, как обычно, встретились на площади перед школой. Только теперь было видно — они совсем пали духом.

— Незачем больше собираться, — сказал Вальдек. — Космали нет.

— Как это — нет? — охнула Юлька. — Есть какие-нибудь новости?

— В том-то и дело, что нет никаких новостей, — пробормотал Петрек.

— И это самое скверное, — подхватил Вальдек. — А я что говорю?

Юлька поглядела на Мачюпу. Тот засунул руки в карманы и старался ни на кого не смотреть.

— Ох! — вздохнула Юля.

Они стояли, грустно опустив головы, когда Гапа беспокойно зашевелилась и снова стала что-то вынюхивать своим чутким носом. Потом она неожиданно сорвалась с места и бросилась в боковую улочку. Она мчалась изо всех сил, поэтому Петреку пришлось даже перехватить поводок у Юльки, ведь он бежал быстрее.

— Может, она нашла след, может, на этот раз действительно нашла! — кричала Юлька, хватая воздух раскрытым ртом, так как уже здорово устала.

— Какое там — нашла! — засомневался Вальдек. — Три дня не могла найти, а теперь нашла!

Но Юлька даже не могла ответить: Гапа мчалась вперёд как сумасшедшая. При этом она весело лаяла и виляла хвостом. Юлька едва за ней поспевала. Петрек мчался тяжело дыша и только вскрикивал:

— Ой! Ой! Может, нашла!

— Угу! — просипел запыхавшийся Вальдек.

Маленькая улочка, по которой они бежали, скоро кончилась. Потом был бульвар вдоль реки, потом мост, за мостом они миновали ещё с десятков узких и коротких улиц и наконец выскочили на небольшую площадь, на которой издалика был виден шатёр с крупной надписью: «Цирк!».

Сыщики страшно удивились.

— Цирк? — спрашивали они, глядя друг на друга.

Ведь именно перед цирком остановилась Гапа, усталая и довольная собой. Она виляла хвостом и тяжело дышала, высунув мокрый красный язык.

Неужели Космаля здесь? Может, он поступил в цирк? От него всего можно ожидать. К тому же он сильный и тренированный. Ребята раздумывали, что делать дальше.

— Давайте посмотрим, нет ли его имени на афише, — предложила Юлька.

— Что ты! — решительно возразил Вальдек. — Он не стал бы выступать под своим именем, а взял бы псевдоним.

Конечно, Вальдек был прав. Но какой псевдоним мог бы выбрать себе Космаля? Ребята приблизились к большой афише и стали читать вслух. Но ни одно из имён не звучало так, чтобы его можно было применить к Космале. Ведь не мог же это быть дрессированный слон Юмбо, или Трокадеро — акробаты на трапеции, или Эльвира — вольтижёр на неосёдланном коне. Так же трудно было предположить, что Космаля выступает как Пампинелло — гениальный жонглёр или Амира — восточная танцовщица. Некоторые подозрения вселял в Мачюпу Дон Пассо — бесстрашный укротитель львов, но Юлька и Петрек высмеяли его.

— Не такой уж этот Космаля бесстрашный, — сказали они.

Не вызывал никаких подозрений и сенсационный номер, записанный в афише особенно большими буквами: Пёс с Венеры, умеющий отвечать на вопросы и считать. Они даже пожали плечами, так как звучало это совсем неправдоподобно. Но всё же ребята решили, что программа, наверно, интересная и стоило бы её посмотреть. Тем более, что на окошечке кассы висела табличка: «Все билеты проданы».

Тут Гапа дёрнула поводок и потянула Юльку к большому разноцветному плакату, на котором был

нарисован жёлтый пёсик с голубыми крылышками. Выглядел пёсик очень смешно.

— Знаю! Гапа просто хочет поглядеть на этого пса с Венеры! — крикнул Вальдек.

— Очень может быть, — поддержала его Юлька. — Она ведь ужасно умная.

— Гав, гав, — громко лаяла Гапа, — ведь это Космаля.

Но никто её не понял.

— Тоже мне, умная! — пожал плечами Мачюпа. — Какая же она умная, если вместо того, чтобы искать Космалю, рвётся в цирк. Она просто безответственная.

— Только, пожалуйста, не наговаривай на Гапу! — рассердилась Юля. — Безответственная! Тоже придумал! Она просто очень умная. Вот скажите: видели вы когда-нибудь собаку, которая хотела бы пойти в цирк?

Теперь уже все должны были признать, что нет, не видели никогда в жизни. Правда, Вальдек пытался бормотать, что сначала надо бы спросить об этом других собак, но все закричали:

— Гапа необычайная собака, и всё!

— Вот так-то! — Юлька нежно поглядела на Гапу и погладила её по косматой голове. — Хорошая собачка, умная собачка!

— Гав! Гав! — полаяла Гапа и снова стала тянуть Юльку в сторону запертых ворот цирка.

— Но собачечка! Ты же видишь: все билеты проданы. Мы не можем войти.

— Попробуем в другой день, — добавил Петрек. — Скажи ей, Юля, что попробуем в другой день! Может быть, завтра.

Тут часы на ратушной башне пробили половину четвёртого.

— Ой! — вскрикнул Мачюпа. — Мне пора!

— Нам тоже! — подхватили остальные члены Команды Сыщиков.

И, таща за собой Гапу, все побежали домой.

23. ЕЩЁ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЮЛКЕ

Когда они стояли перед цирком, было уже, как известно, половина четвёртого. Поэтому домой они порядком опоздали. Больше всех опоздала Юлька, потому что жила дальше всех.

Она прибежала домой, сильно запыхавшись. Хорошо, что часть уроков она сделала ещё вчера, а то родители ни за что не взяли бы её в цирк. Да, да, бывают в жизни такие совпадения! В тот самый день, когда они с Гапой рассматривали афишу, Юлька была вечером на представлении. Случилось это благодаря тому, что её папа заранее заказал билеты.

Конечно, Юля не верила в то, что маленький жёлтый пёсик на кривых лапах происходит с другой планеты. И ещё она злилась на то, что её вызвали с места и все на неё смотрели. Ей даже показалось, что люди над ней смеются. А самое обидное было то, что маленький жёлтый пёсик сбежал, видно, напуганный шумом и криками.

Маленький жёлтый пёсик. С голубыми крылышками.

Она потом думала о нём весь вечер, пока не заснула.

Маленький жёлтый пёсик! А ведь Гапа привела их к цирку, где выступал этот пёс, и в квартиру той старухи, которая говорила о жёлтой таксе, и в гостиницу, где администратор тоже рассказал им о необычной собаке. Может ли быть, чтобы этот маленький пёсик имел что-то общее с пропавшим Космалей? Её ужасно мучили все эти мысли, но, так и не сумев в них разобраться, она заснула.

Проснувшись утром, Юля снова стала думать об этом. Конечно, было очень сомнительно, чтобы существовала какая-то связь между псом и Космалей. И всё же перед началом уроков Юля поделилась своими мыслями с Петреком и Мачюпой.

Мальчишки слушали недоверчиво. Мачюпа даже стал подсмеиваться.

— Иди ты, Юлька! Глупости это! Правда, я и сам бы не прочь поглядеть на чудного пса. Говоришь, он умеет считать? Смешно. Знаете что? Пойдёмте сегодня после уроков в цирк и посмотрим.

— Пойдём, — поддержали его Войтек и Вальдек.

— Но что мы там увидим? — заволновался Петрек.

— Ну, этого пса и вообще, — пояснил Мачюпа. — А если не будет билетов на представление, всё равно пойдём, ведь перед представлением можно поглядеть на зверей в клетках. Тоже по билетам, но очень дешёвым. Пойдём?

— Ладно, — согласился Петрек, — пойдём. Мне самому хочется посмотреть на этого пса.

— Но ведь если мы пойдём только поглядеть на зверей в клетках, то пса не увидим. — Юлька пожал плечами. — Его-то в клетке не держат.

— Если злой, то держат, — вмешался Вальдек. — Значит, идём. Сразу после уроков!

Но был ещё некто, который тоже собирался в цирк, причём не ожидая конца урока. В то время, когда Петрек, Мачюпа, Вальдек и остальные ребята из пятого «В» сидели в классе и слушали, как Юля отвечает у доски, возле цирка, рядом с плакатом, изображавшим пса с Венеры, можно было видеть большую лохматую собаку, бурую с белыми пятнами.

Да, да. Это была Гапа. Собственной персоной.

24. ЧТО СКАЗАЛ ЛЕВ?

Итак, то, что услышал Яцек Космая, было, как оказалось, рычанием льва.

— Помогите, — заскулил Яцек, — пропал я, погиб!

И закрыл глаза, так как не сомневался, что сейчас произойдёт нечто ужасное. А произошло следующее: лев, очнувшийся на минутку от сладкого сна,

пошевелился, и Космаля съехал с его гривы, которую принял за пушистый ковёр.

— Хр-р-р! — снова прорычал лев, не открывая глаз. Он, видно, опять заснул, только сны у него были беспокойные.

«А что будет, когда он проснётся?»

Испуганный жёлтый пёсик поджал хвост и сел в угол, размышляя над тем, что его ждёт в львиной клетке.

— Хр-р-р, хр-р-р, — тем временем беззаботно похрапывал лев.

«Он попросту меня съест, — с ужасом подумал Космаля. — Проснётся, щёлкнет зубищами — и нет меня!»

Тут он почувствовал лёгкий укол в спину возле хвоста. Ощущение было неприятное, тем более, что через минуту укол повторился. Потом ещё раз, и ещё.

«Не иначе, как меня кусает блоха!» — решил Космаля.

Ему стало совсем грустно. Во-первых, потому, что у него завелись блохи, а во-вторых, потому, что он никак не мог почесаться. Попробовал бы он! Ведь лев тут же проснётся — и тогда...

Космаля закрыл глаза и решил не думать, что будет тогда. Но долго ли можно выдержать, если блохи беспечно разгуливают по твоей спине и кусают куда попало?

— Не могу больше! — проворчал он тихонько и оскалил зубы. Хоть выглядело это, может, и грозно, только блохи обычно не обращают внимания на такие угрозы. Они преспокойно перебрались на шею и продолжали там свои безобразия.

— Больше не могу, — повторил маленький жёлтый пёсик, который когда-то был Яцеком Космалей. И, не обращая уже внимания на грозящую ему опасность, стал чесать шею задней ногой. Ах! Какое облегчение!

К счастью, лев не проснулся. Осмелевший Косма-

ля решил немного оглядеться. Клетка льва была большая, пол посыпан жёлтым песком. Вход в клетку был сбоку. «Как я сюда попал? — удивился Космая. — Ах, да! Протиснулся между прутьями! Так, может, теперь я сумею так же выбраться отсюда?»

Ему вовсе не улыбалось сидеть тут и ждать, когда проснётся лев. Правда, и выступать на арене в роли «пса с Венеры» ему тоже не хотелось. Юля...

Тут он вспомнил, что Юля как-то странно на него смотрела.

«Может, она меня узнала? — забеспокоился он. От одной этой мысли ему стало жарко. — Если узнала, то наверняка разболтает в школе, что я стал собакой и выступаю в цирке. Вдобавок — с голубыми крыльшками! Идиот!»

Космая совсем загрустил. Вдруг он заметил, что в углу клетки, совсем близко от него, лежит кучка сена. «Пожалуй, я сумею спрятаться в нём», — подумал Яцек.

Он быстро забрался в сено, свернулся калачиком и заснул, утомлённый столькими переживаниями.

Снилось ему, что он снова мальчик, ученик пятого класса Яцек Космая, и что ему надо вставать и идти в школу. Мама уже кричит: пора просыпаться, мыться, одеваться, а ему ужасно не хочется вылезать из-под тёплого одеяла. Поспать бы ещё хоть пятнадцать минут. Ну кому от этого будет хуже? В школу он всё равно успеет, так как умеет быстро бегать и через три минуты будет уже там. Яцек потягивается и тихо бормочет: «Дай мне еще поспать, мама!»

Но что это? Разве мама может говорить таким грубым голосом? Неохотно, скорее из любопытства, он открыл один глаз, чтобы посмотреть, что творится в комнате. Открыл и тут же закрыл, ибо то, что он увидел, было ужасно: напротив него сидел лев, а он, Яцек Космая, всё ещё был собакой, и к тому же собакой, которая случайно оказалась в клетке льва.

«Ничего не изменилось, — грустно подумал он, окончательно проснувшись. — Хорошо ещё, что я спрятался в сено и этот ужасный зверь, может быть, меня не заметит».

Да, но долго ли он сможет оставаться в своём укрытии? Тем временем лев лениво потягивался и громко зевал, а что будет, когда он совсем проснётся? Яцек Космаля предпочитал об этом не думать.

«Буду сидеть как можно тише, словно меня и нет», — решил он.

Но что значат все решения по сравнению с обычными случайностями, которые порой решают судьбу людей и зверей! Так было и на этот раз. Хватило малюсенькой сухой травинки, которая попала Космале в нос. Хватило для того, чтобы Космаля чихнул. Чих был слабый, ведь, как известно, собаки, особенно маленькие, громко не чихают, но и этого было достаточно, чтобы обеспокоить льва.

Огромный зверь, пасть которого как раз была раскрыта для зевака, замер.

«Что теперь будет? — подумал Яцек и сжался в сене, как только мог. — Вдруг зверюга не догадается, что это я чихнул?»

Между тем лев медленно закрыл пасть, нервно пошевелил хвостом и проворчал:

— Здесь кто-то есть?

Потом внимательно огляделся.

Яцек сидел тихо как мышь.

— Есть тут кто-нибудь, или мне показалось? — повторил лев. — Предупреждаю, — продолжал он ворчливо, — что я очень зол и за себя не ручаюсь. Советую меня не сердить!

«Интересно, кому пришло бы в голову сердить льва?» — подумал Космаля. Но тут ещё одна травинка попала ему в нос, и он снова чихнул, на этот раз так сильно, что скрывавшее его сено рассыпалось, открыв его целиком.

— Пропал, — охнул Космаля и закрыл глаза.

25. А ЧТО СКАЗАЛА ГАПА?

Космая с закрытыми глазами окаменел от страха и только ждал, что же будет. Даже мысль о бегстве теперь не приходила ему в голову. Правда, он ни на минуту не забывал о том, что попал сюда через промежуток между прутьями, но при этом он успел заметить, что прутья были отогнуты пошире только в одном месте, совсем рядом со львом.

— Ах, это ты! — прорычал лев. — Это ты, сопляк, осмелился беспокоить меня своим чиханием? Понимаешь ли ты, какая это дерзость?

«Ещё как понимаю», — подумал Космая. Но только подумал, так как ни за что на свете не решился бы ответить вслух. Одновременно он, к своему великому изумлению, обнаружил, что прекрасно понимает всё, о чём говорит лев. Правда, он отлично понимал язык гусей, индюков, собак. Но чтобы объясниться со львом! Это просто поразительно. Хотя сейчас очень опасно.

А лев продолжал:

— Эй, вылезай немедленно из сена!

«Ни за что не вылезу, — решил Космая, — дураков нет. Ведь он тут же меня съест».

— Ты, бессовестная псина! — рычал лев. — Как ты умудрился залезть в мою клетку? Говори немедленно! Ага, молчишь? Я знаю, ты тайком забрался сюда, чтобы...

Он не успел ещё закончить, как Космая снова почувствовал подозрительное покалывание возле правого уха.

«Проклятье, — подумал он, — опять блохи. Но ничего не поделаешь, придётся почесаться, а то я с ума сойду!»

И, дрожа от страха, он стал чесаться.

— Ах так! — загремел лев. — Ну, разве я был не прав? Ты тайком забрался сюда, чтобы наслать на меня блох. Ты рассчитывал, что потом и я стану чесаться. Хорошенькая картина: лев чешется на

арене! Люди бы умирали от смеха, а я был бы опозорен на всю жизнь! Говори, кто тебя сюда прислал?

— Никто, — тихо проскулил Космаля, — клянись, никто.

— Признайся, что это павианы, желая меня скомпрометировать, забросили тебя в мою клетку.

— Нет, нет... я не знаком ни с одним павианом.

— Ты принадлежишь к шайке, которая хочет осмеять меня и погубить как артиста! Признавайся!

При этом лев так грозно щёлкнул зубами, что бедный Космаля от страха перевернулся животом вверх, что, как известно, означает у собак полную сдачу на милость победителя.

— Я не виноват, — пролепетал он тихо.

— Ха! Ха! Ха! — зарычал язвительно лев. — Не виноват! Всё равно я накажу тебя для примера!

— Пощади, — пискнул Космаля. — Пощади, уважаемый лев!

— Меня зовут Цезарь, — гордо сообщил лев.

— Пощади, Цезарь! — послушно повторил Космаля. И снова закрыл глаза, готовый на всё.

Но лев не спешил выполнить свою угрозу, вместо этого совершенно неожиданно раздался приятный собачий голос:

— Гав! Гав! Может, хватит важничать, Цезарь! Перестань! Немедленно перестань мучить этого испуганного малыша!

— Да я только так, — добродушно проворчал лев.

— Стыдно! — продолжал кто-то знакомым голосом. — Такой большой, а ведёшь себя как щенок. Марш в угол и сиди спокойно! А ты, Яцек, вылезай наконец из сена!

— Это меня? — дрожащим голосом спросил Космаля.

— Тебя, конечно, тебя!

Космаля отважился наконец открыть один глаз и поглядеть в ту сторону, откуда доносился голос. Открыл его, сразу закрыл, а потом быстро открыл

оба. Не может быть! Перед клеткой льва стояла большая кудлатая, пятнистая собачица и дружески виляла хвостом. Так ведь это Гапа!

— Ну, вылезай, вылезай скорее из сена! Увидишь, Цезарь ничего тебе не сделает!

После такого заверения Космая вылез наконец из сена, при этом на голове его и спине остались прицепившиеся травинки и засохшие полевые цветочки, что выглядело немного смешно и немного жалко.

Кудлатая псина приветствовала его радостным лаем:

— Наконец-то я тебя нашла!

Последовало весёлое помахивание хвостом, что, как известно, означает радость и хорошее настроение у всех собак мира.

— Гапа, Гапуля, хорошая ты моя. — Яцек даже закрыл глаза, так ему стало стыдно. Он снова вспомнил, что в эту самую Гапу он бросал камнями и колючими зелёными каштанами. Однажды каштан запутался в её длинной шерсти. Она скулила, а Яцек весело смеялся.

Ох, как скверно, как скверно он чувствовал себя сейчас. Впору было снова спрятаться в сене. Но Гапа дружески пролаяла:

— Я ужасно рада, что ты наконец нашёлся и я вижу тебя собственными глазами.

— А-а-а... откуда ты меня знаешь? Я вовсе не пёс! Я... — Он секунду колебался, а затем храбро договорил: — Я — Яцек Космая. Это Продавец Шаров превратил меня в таксу, поэтому ты, может, и думаешь, что я настоящий пёс. А я не настоящий пёс. К тому же скажу уж сразу... когда я был ещё мальчишкой, то бросал в тебя каштанами... Это чтоб ты знала, с кем имеешь дело. Наверно, ты меня за это не любишь.

— Неважно! — великодушно ответила Гапа. — Я ведь знаю, что ты не настоящий, и о Продавце Шаров знаю. Главное, что я тебя нашла. Твои това-

рищи очень горевали, когда ты исчез, они искали тебя, где только могли. Даже организовали специальную Команду для поисков, Команду Сыщиков.

— А кто вождь Команды? — сразу спросил Космаля.

— Петрек!

— Петрек? Значит, он меня искал! Несмотря ни на что, именно он меня искал!

— Что значит «несмотря ни на что»? — заинтересовалась Гапа.

— Ну-у-у... это значит, что мы раньше были врагами и я даже хотел сыграть с ним одну шутку... А оказалось, он мировой парень и отличный товарищ. Какой же я мерзавец! А скажи, Гапа, кто ещё входит в эту Команду Сыщиков?

— Ну, многие из твоего класса. Погоди, сейчас вспомню. Во-первых, Юлька. Она даже брала меня с собой и таскала на поводке, когда мы тебя искали. Очень она была расстроена твоим исчезновением.

— Вот это да! Юлька! А я на прошлой неделе подставил ей ножку, она здорово грохнулась и разбила колено. Послушай, Гапуля. А колено у неё больше не болит?

— Не знаю. Только она, верно, о нём не думала, так как ужасно беспокоилась о тебе. Ей ещё помогали Войтек и Мачюпа.

— Все из Команды Героев! — охнул Космаля. — А из моей Команды есть кто-инбудь?

— Не знаю, кто там в твоей Команде, но есть ещё Вальдек. Он тоже здорово переживал.

— Хоть этот оказался другом, — вздохнул Яцек. — Ведь он мой адъютант... Адъютант... — Он задумался. А интересно, может ли жёлтый пёс, вроде него... иметь адъютанта? И стало ему так грустно, что он жалобно заскулил.

— Не расстраивайся, — сказала Гапа, словно отгадав его мысли. — Главное, что я тебя нашла. Понимаешь, сами они не могли справиться и взяли на помощь меня. Я быстро напала на твой след. Теперь

ты сам мог убедиться, что собаки умеют отлично находить след по запаху. Только твои товарищи никак не могли понять, во-первых, что я хочу им сказать, и, во-вторых, почему вожу их по следу жёлтой таксы. Ведь они до сих пор не знают, что жёлтая такса — это ты! Они думают, что жёлтая такса — это пёс Продавца Шаров. А ведь у него совсем другая такса.

— Ага! Но ты уверена, Гапуля, что никто из них не знает, что жёлтая такса — это я?.. Понимаешь, там в цирке, когда я был этим дурацким псом с Венеры, чтобы как-то отработать заплаченные за меня деньги... там, на арене, мне показалось, будто Юлька меня узнала.

— Не может быть! — решительно возразила Гапа. — Только хватит болтать, пора возвращаться домой. Или ты хочешь остаться в этой клетке, вместе с Цезарем?

— Конечно, нет, — махнул хвостом Космая. — Ужасно хочется домой. И в школу, веришь? Только как же быть? Ведь таксы не ходят в школу. И дома меня не узнали. Совсем не узнали. Скажи мне ещё: ты правда не боишься Цезаря?

— Конечно, нет! — гордо ответила Гапа. — Видишь ли, когда я была ещё маленьким щенком, то воспитывалась вместе с ним. Мы старые знакомые. Моя мать была цирковой собакой. И всё равно хорошо, что я пришла вовремя. Он небось здорово тебя напугал. Нет, ничего плохого он бы тебе не сделал, просто любит иногда разыгрывать страшного зверя. А на самом деле он зазнайка.

— Я всё же не пойму: как ты узнала, что я тут? — повторял Космая. Он уже отряхнулся от остатков сена и пытался сообразить, как ему выбраться из клетки.

— Я была вчера возле цирка вместе с твоими товарищами. Юлька держала меня на поводке. Потом, расстроенные, что не находят Яцека Космая, только всё время нападают на след жёлтой таксы, они

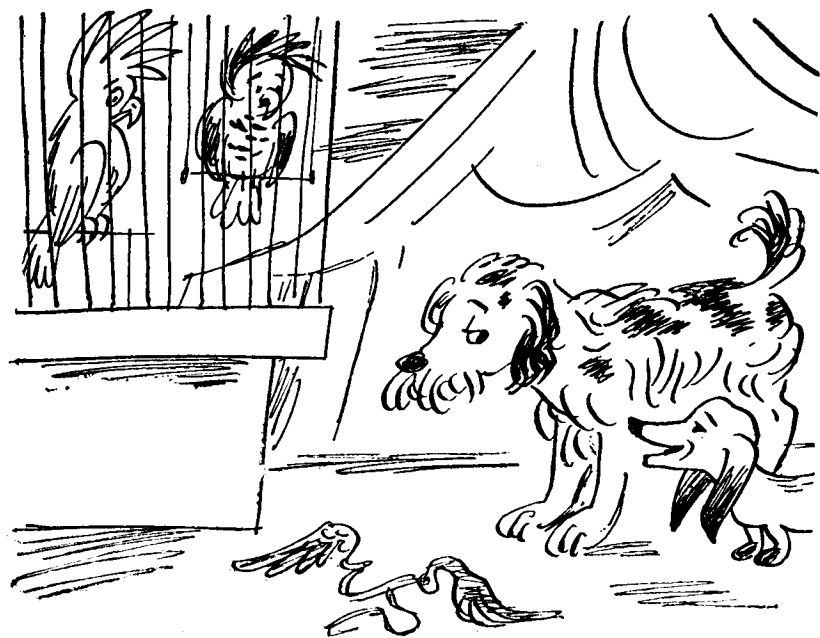
вернулись домой. А утром, когда меня выпустили из дому, я примчалась сюда, чтобы до конца пройти по твоему следу.

— Ты очень великодушна, — смущённо твякнул Космая. — Не знаю, простишь ли мне, что я бросил в тебя каштаном. Таким — в колючей скорлупе. Тебе, наверно, было здорово больно.

— Да ладно, хватит об этом вспоминать, — махнула хвостом Гапа, — я ведь уже сказала.

— Но... но я больше не буду, поверь мне, Гапуля, — вздохнул Яцек. — Ты очень порядочная, а я что?

— Может, из тебя ещё выйдет порядочный пёс или порядочный человек, — весело пролаяла Гапа. — А теперь побыстрее выбирайся из клетки. Я слышу в цирке какое-то движение! Наверно, сам директор ищет своего любимого учёного пса. Я видела по дороге, что возле клетки с попугаями валяются какие-то голубые крылышки.

— Это я их сбросил! — смутившись, пробормотал Космаля. — Вот ещё, сделали из меня чучело!

— Знаю, знаю, видела афишу! А теперь попробуй протиснуться между этими прутьями. Там же, где ты пролез в клетку. Быстрее, быстрее, директор приближается. Может, ты хочешь ещё выступить в сегодняшнем представлении?

— Ни за что на свете! — рявкнул Космаля и, тяжело сопя, пролез наконец между прутьями клетки.

— Ну, наконец-то! А ты, Цезарь, будь умницей и никогда больше не пугай своими зубами маленьких собачек. Бежим, Яцек!

— Только не так быстро! — тьякнул, задыхаясь, Космаля. — Не забывай, что у меня короткие кривые лапы, а не такие длинные, как у тебя.

26. ПОГЛЯДИТЕ! ЖЁЛТАЯ ТАКСА

Урок географии был последним. Юлька стояла у доски, рисуя контуры мыса Доброй Надежды, когда Петрек от скуки выглянул в окно. Юлька, которая всегда отвечала уроки без запинки, сегодня путалась, заикалась и говорила какую-то чепуху. Никто не сомневался, что она схватит двойку.

«Всё это из-за того, что вчера мы бегали по городу с Гапой, — подумал Петрек. — Надо было мне одному искать, а Юлька пусть бы учила географию. А может, она и выучила урок, только думает о чём-то другом, потому и путается. Честно говоря, я тоже всё время думаю об этой странной истории с исчезновением Яцека».

По старой привычке он снова невольно посмотрел на угол улиц Хорошего Воспитания и Одних Пятёрок. Посмотрел и глазам своим не поверил. По устланному жёлтыми листьями тротуару бегал маленький жёлтый пёсик — такса!

Петрек взгляделся внимательнее, желая убедиться, что не ошибся. Нет, ошибки не было. Такса бежа-

ла, весело виляя хвостом. С ней был другой пёс, побольше и пёстрый.

— Так ведь это же Гапа! — Удивлению Петрека не было границ. Он ткнул в бок Войтека.

— Гляди! Пёс, снова жёлтый пёс! — сказал он так громко, что даже учительница географии недовольно посмотрела в их сторону. Она, может, сделала бы ему замечание, но, к счастью, в этот момент зазвенел звонок. Это был спасительный звонок, который уберёт Юльку от верной двойки.

Но сейчас об этом никто не думал. Все бросились к окну, чтобы самим убедиться, что жёлтая такса Продавца Шаров снова бежит по улице.

— Ребята! Бежим вниз! — скомандовал Петрек. И, схватив портфель с книжками, кинулся вниз по лестнице, а за ним и вся Команда Сыщиков.

Запыхавшись, они выскочили на улицу, где в компании Гапы стояла жёлтая такса.

— Ну что, Гапа? Нашла жёлтую таксу? — закричала Юлька.

Гапа, довольная, завиляла хвостом.

— Видите, настоящая ищейка! — с уважением сказал Войтек.

— Ищейка не ищейка, а Космали как не было, так и нет.

— А вы бы хотели, чтобы был? — спросил кто-то, подошедший совсем незаметно.

Ребята быстро обернулись и замерли от удивления.

Перед ними стоял Продавец Шаров.

Впервые они видели его так близко. А то ведь до сих пор даже не все и верили, что он действительно проходит по улице со связкой своих шаров. Но теперь он стоял перед ними, а шары сияли и переливались, словно наполненные волшебным светом... Он стоял и смотрел на ребят.

Первой опомнилась Юлька.

— Здравствуйте, — сказала она, — здравствуйте. Вы Продавец Шаров?

Вопрос прозвучал несмело, так как Юлька ещё не была уверена, что всё это правда.

— Конечно, я Продавец Шаров, — ответил он и рассмеялся. — Видишь же у меня связку красивых воздушных шаров, необычных шаров. Хотели бы иметь такие? Я знаю, что вы не интересуетесь шарами, ведь вы уже в пятом классе. Но поскольку шары эти необычные...

Юлька кивнула головой в знак того, что она хотела бы иметь такой шар, но при этом всё её внимание было обращено на жёлтую таксу, которая села возле Продавца Шаров и смотрела на ребят, склонив голову набок, как часто делают собаки, когда чему-нибудь удивляются.

— Это ваш пёсик? — спросила Юлька.

Продавец Шаров улыбнулся.

— А почему ты спрашиваешь? Он нравится тебе? Он милый и умный, но один из твоих одноклассников его не любил. Бросал в него камнями, палками, гонял, хотя мой пёс не сделал ему ничего плохого. Этот — ваш товарищ...

— Это был Космаля. Яцек Космаля, — поспешно объяснила Юлька. — Но он пропал. И до сих пор неизвестно, где он...

— Значит, вы ищете Космалю, — сказал Продавец Шаров, кивнув головой.

— Конечно, ищем. Даже создали Команду Сыщиков. Но ничто не помогает.

— Это ещё неизвестно, — пробормотал Продавец Шаров.

Петрек и Мачюпа подскочили к нему.

— Ой, может, вы знаете? Или можете нам помочь?

Продавец Шаров с минуту молчал и смотрел на них изучающе.

— Ведь вы были в разных Командах. И воевали между собой. При этом, честно говоря, Космаля не всегда вёл себя по-рыцарски.

— Это сейчас неважно, — пробормотал Пет-

рек. — Он бы наверняка исправился, только бы нашёлся.

— Конечно, исправился бы, почему не исправиться? — горячо подхватила вся Команда.

— А готовы ли вы совершить что-нибудь очень трудное, чтобы Космаля вернулся?

— Мы готовы, — твёрдо заявили все ребята.

— Ну, тогда я вам что-то скажу. — Продавец Шаров, казалось, всё ещё колебался. — Что-то скажу, — повторил он. — Помните ли вы ту вашу вызывалку, которую так любил Яцек Космали?

— Ухо, дыня! — закричали ребята хором. — Конечно, помним! Только мы уж в неё больше не играем. Никто в классе никого не вызывает.

— А что бы было, если бы кто-то вас ещё раз вызвал? На очень трудных условиях. Но чтобы эта вызывалка была ценой возвращения Космали. Вы бы согласились?

— Согласились бы, — ответили они дружным хором.

— И даже если была бы очень, очень трудной?

— А хоть какой трудной, — подтвердили ребята. — Мы на всё готовы.

— Ну, тогда слушайте внимательно. — Продавец Шаров поднял вверх руку. — Вызывалка начинается: Ухо!

Члены Команды, не задумываясь, схватились за уши.

— Дыня!

Делать нечего, пришлось хвататься за нос.

— А теперь внимание, — Продавец Шаров произнёс громко и чётко: — Сто двадцать пять.

Ребята поглядели друг на друга. Выполнить такой вызов было почти невозможно. Но ведь от этого зависело возвращение Космали! И толстый Мачюпа первым начал скакать, а за ним Петрек, и Юлька, и остальные члены Команды.

Но едва они успели подскочить всего несколько раз, произошло неожиданное. Маленькая жёлтая

такса Продавца Шаров бросилась к нему и стала громко лаять. Она дёргала его за брюки, вертелась между скачущими Сыщиками, словно хотела помешать им, и снова возвращалась к нему.

— Ну что, Космаля? — спросил Продавец Шаров. — Не хочешь, чтобы они так мучились? Стыдно тебе? Я рад, что ты всё понял. Ну ладно, ладно. Сейчас они перестанут скакать. Слушайте, — он махнул рукой, — остановитесь! Я снимаю вызов. Знаю, что вы готовы выполнить его целиком, чтобы спасти Яцека Космалю. А он не может смотреть, как его товарищи мучаются. Не верите? Это так, уверяю вас. Яцек Космаля здорово изменился. Поглядите, как он расстроен.

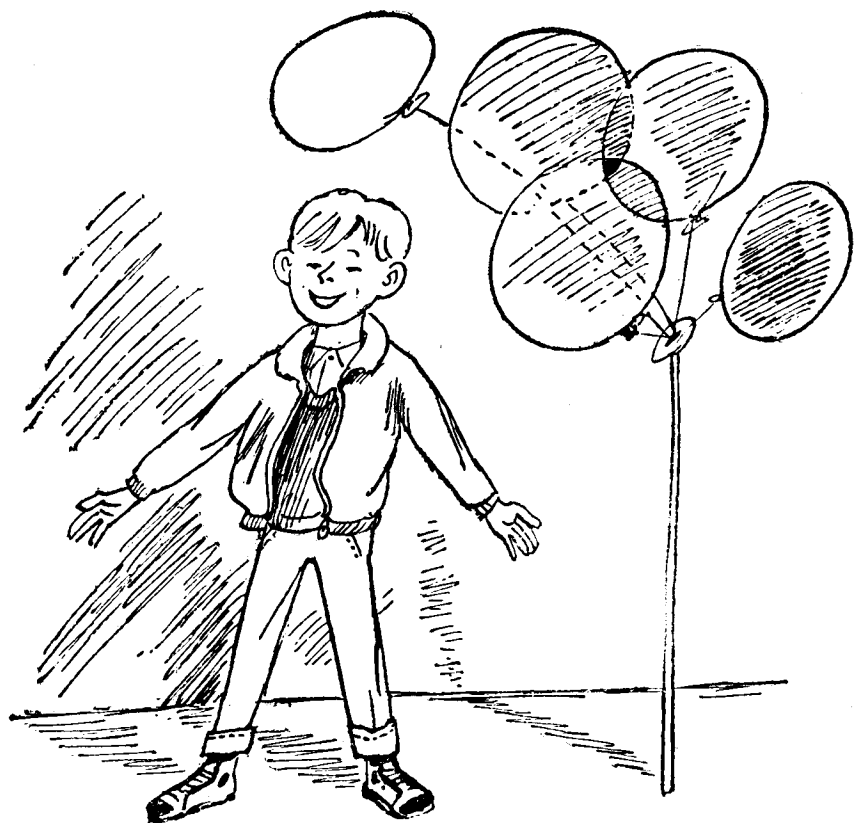
И Продавец Шаров показал на жалобно скулящую таксу.

— Но ведь это не Яцек, а только пёс! — удивился Войтек.

— Ах да, — рассмеялся Продавец Шаров, — я ведь забыл снять и ту вызывалку, которую сказал когда-то Яцеку. Внимание: пять, двадцать, сто, дыня, ухо!

«Вы сказали всё наоборот!» — хотел крикнуть Мачюпа, но не успел, так как опять произошло нечто неожиданное. На том самом месте, где только что был жёлтый пёсик Продавца Шаров, теперь стоял на четвереньках не кто иной, как Яцек Космаля собственной персоной. Он выглядел несколько неуклюже и даже ещё потихоньку скулил, но только какие-то секунды, потом он встал прямо и улыбнулся всем.

— Привет, — сказал он как ни в чём не бывало. — Привет. Я рад, что я снова с вами. Правда, правда. И большое вам спасибо, ребята. И тебе, Юлька. Только благодаря вам я снова такой, как был раньше. И Гапу надо поблагодарить. Давай лапу и дай-ка я тебя поцелую, хоть в ухо. Ты хорошая псина. И ещё я тебе скажу, Гапуля, знаешь? Я больше не буду бросать камнями и каштанами в собак. Кто

знает, может, собака чувствует и помнит гораздо больше, чем мы предполагаем. Это я и вам говорю, ребята. Ну ладно. А где же Продавец Шаров?

Все быстро обернулись. Но Продавца Шаров уже не было. Осталась только связка воздушных шаров на палке, прислонённой к стене. К палке была привязана записка: «Возьмите себе по одному шару».

И они взяли. Каждый по одному. Но прежде, чем они донесли их до дому, шары исчезли, будто растворились в воздухе, а сами ребята уже ничего не помнили из того, что произошло возле школы: ни как искали Яцка Космалю, вождя Команды Силачей, ни как Продавец Шаров превратил его снова в мальчика.

Сам Космаля тоже ничего не помнил. Дома у него все вели себя так, словно он никогда и не исчезал. Словно никогда ничего не случилось.

Но что-то всё же должно было случиться. Во всяком случае, ясно одно: и в школе, и дома Яцек Космаля стал совсем другим, перестал досаждать товарищам и собакам, совсем забросил игру в вызывалку. А насчёт вызывалки надо ещё сказать: так же быстро, как она распространилась по школе, так быстро она и исчезла. Теперь уж никто в неё не играет. Видно, надоела всем.

А Команда Героев и Команда Силачей объединились в одну Команду, которая стала называться Командой Неустрашимых. Вождями её стали Петрек и Яцек Космаля, по очереди: неделю — один, неделю — другой. И все очень довольны.

А теперь о Продавце Шаров...

Он уже никогда больше не появляется возле школы... Хотя Юлька уверяет, что видела однажды в пасмурный день кого-то очень на него похожего. Но, может, она ошиблась?

Да, ещё одно. Яцек Космаля, конечно, хочет иметь собаку. Он обещал дома, что будет за ней ухаживать. Поэтому и папа, и мама сказали твёрдо, что подарят ему маленькую собачку.

Это будет непременно жёлтая такса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Место действия и обо всём понемногу	3
2. Теперь о Продавце Шаров	5
3. А теперь о вызывалке	7
4. О Героях и Силачах	10
5. Был обычный день	12
6. Продолжение обычного дня	15
7. «Ухо! Дыня! Сто двадцать пять!»	23
8. Попросту: «Гав! Гав!»	27
9. Я хочу домой!	35
10. Всё ещё эта собачья жизнь	44
11. Розовый бант	56
12. Ах! Что за охотничья собака!	64
13. И всё-таки Пимпусы!	75
14. Где Яцек Космаля?	81
15. Новые знакомства	84
16. Неожиданные знакомства	90
17. Сыщики действуют	96
18. Большая охота	110
19. Купите гусочку!	115
20. Сколько будет 3+4?	127
21. Настоящий пёс с Венеры	132
22. Гапа не Гапа, а собака умная	138
23. Ещё несколько слов о Юльке	142
24. Что сказал лев?	143
25. А что сказала Гапа?	147
26. Поглядите! Жёлтая такса	153

Для младшего возраста

МАРИЯ КРЮГЕР.

УХО, ДЫНЯ, СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЫ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова. Художественный редактор В. Г. Смирнов. Технический редактор Т. С. Тихомирова. Корректоры Л. Л. Вубнова и А. Г. Земцова. Сдано в набор 18/І 1978 г. Подписано к печати 18/V 1978 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 7,57. Тираж 100 000 экз. Заказ № 179. Цена 40 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.